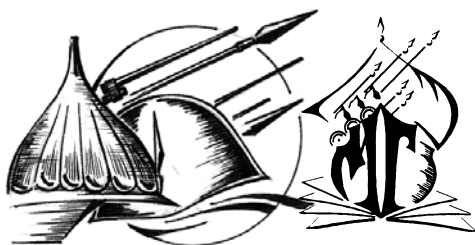

Россия, Русь! Храни себя, храни!

3
2014

Союз писателей России

**Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал**

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Владимир ТУРЧЕНКО. Чертополох на ниве российской науки	3
Михаил АНДРЕЕВ. Время речей прошло	15
Михаил АНТОНОВ. Русский идеал и корпоративное государство. Окончание	38
Сергей СИДОРЕНКО. О смысле наших катастроф	157
Виктор САУЛКИН. Размышления после событий в Бирюлёве	175
Мария МОНОМЕНОВА. Россия — гетто национального «большинства»?	194

ПРОЗА

Юрий БОНДАРЕВ. Непротивление. Глава из романа	20
Владимир ПРОНСКИЙ. Казачья засека. Роман	88
Алла ЛИНЁВА. Два рассказа	203
Владимир БОЛЬШАКОВ. Рассказы	223
Валерий ХЛЫСТОВ. Блудный сын. Рассказ	250

ПОЭЗИЯ

Дмитрий МИЗГУЛИН. Рябины тяжелые кисти. Стихи ...	80
Павел КОСЯКОВ. Рождение зари. Стихи	84
Михаил МАРТЫШКИН. Дикий фраер. Стихи	164
Андрей РУМЯНЦЕВ. Взывает время к доброте. Стихи ...	169
Николай КРАСИЛЬНИКОВ. Неужели грачи прилетели? Стихи	257

РУССКИЙ ВОПРОС

Евгений СОКОЛОВ. Еще раз о национальной идее	232
Сергей БЕНДИН. Москвабад	240
Андрей СОШЕНКО. Да здравствует азиопский народ!	242
Павел ДМИТРИЕВ. Русских опять забыли	247

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

Иван ЛЕОНОВ. О вавилонской модели управления миром	260
Николай МИШУСТИН. Концлагерь для всех	280

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Светлана ЗАМЛЕЛОВА. Русины	282
---	-----

Владимир ТУРЧЕНКО,
доктор философских наук

ЧЕРТОПОЛОХ НА НИВЕ РОССИЙКОЙ НАУКИ

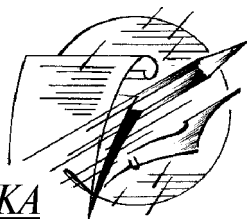
Сколково, нанотехнологии, ЧМ 2018, Олимпиада 2014, остров Русский — это бизнес. 40% рентабельности чистыми откатами на зарубежных счетах. Очень хороший бизнес.

Н. Асмолов

Надо ли нам такое нано?

Разгром отечественной науки, вызванный сокрушительным поражением Советского Союза в третьей (холодной) мировой войне и «либеральными реформами», привёл к её отставанию, угрожающему нашей национальной безопасности. В современную эпоху особое значение приобретают нанотехнологии, с которыми связана новая волна научно-технической и промышленной революции. По инициативе В.В. Путина в 2007 г. была создана госкорпорация «Роснано», которая, по декларируемому замыслу, была призвана обеспечить прорыв российской наноиндустрии с почти нулевого уровня на передовые позиции в мире.

Уставной капитал этой корпорации составил 112 млрд. руб. и 182 млрд. — госгарантии. На её развитие из федерального бюджета выделялось 130 млрд.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

руб., в том числе 30 млрд. во второй половине 2007 года. Для сравнения: объём финансирования нанотехнологических программ, реализуемых всеми институтами РАН, составил всего 170 млн. рублей. Отсюда следует, что правительство возлагает на вновь созданную инновационную госкорпорацию. Оправдываются ли эти надежды?

В любом, тем более столь масштабном деле решающим фактором являются кадры, особенно планирующие и возглавляющие конкретное дело. Как известно, создание и развитие нанотехнологий опирается, прежде всего, на результаты фундаментальных исследований. Но почему-то госкорпорацией «Роснотех» поручено управлять не учёным уровня Курчатова, Королёва, Лаврентьева или Коптюга, а людям, известным своими грандиозными, но весьма сомнительными денежными махинациями. Сначала ею покомандовал с годик Л. Меламед — врач по образованию, по призванию создатель «стоимости в прямом денежном выражении». К 2007 году он с капиталом 90 млн. долл. стал одним из 500 самых богатых российских граждан. Способ наживы довольно прост — входить в руководство коммерческих компаний (например, мобильной связи МТС) и выжимать из потребителей как можно больше денег.

Меламед считает, что финансист, находящийся вне любой организации (медицинской, учебной, промышленной, научной и т.п.), способен ею эффективно управлять. «Мы можем иметь такую наглость утверждать, что можем создавать стоимость через управление компаниями», — вот его кредо. Однако целевая функция больницы — лечить, школы — учить, промышленности — создавать полезный материальный продукт, науки — производить новое знание, а деньги — лишь одно из средств достижения этих целей. Когда же в таких сферах главной целью объявляется прибыль, то деятельность занятых там людей становится аморальной или даже преступной.

Тем не менее при создании «Роснотех» акцент ставился именно на финансовую сторону. Главную его задачу Меламед видел в том, чтобы «подстраховывать бизнес, а именно инвестировать его на самых рискованных направлениях». Следовательно, эта гигантская государственная корпорация изначально проектировалась как *посредническая* организация, инвестирующая по своему усмотрению те или иные структуры, занимающиеся разработками нанотехнологий. Причём, получив право заниматься любыми видами деятельности, приносящимися доход, она выведена из-под действия закона «О банкротстве». Иначе говоря, ей предоставлена полная свобода любых финансовых операций при отсутствии

какой-либо ответственности за их результаты. Ни один бизнесмен даже мечтать не мог о столь благоприятных условиях. На вопрос о том, что станет первой продукцией «Роснано́теха», Л. Мела́мед не смог ответить, но бодренько заявил: «Главная задача заключается в коммерциализации прикладной науки, или в создании условий её коммерциализации».

По данному проекту в 2007 г. было предложено заместителю директора Института прикладной математики РАН Г.Г. Малинецкому выступить в Госдуме на заседании фракции «Единая Россия». Он как серьёзный учёный подготовил обстоятельный доклад, в котором была резкая критика проекта, показывались опасности, связанные с нанотехнологиями, предлагалась альтернативная программа их развития. Однако руководители фракции, ознакомившись с предварительно разосланным текстом доклада, отменили своё приглашение автору. Прежде всего он не понравился Л. Меламеду, заверявшему, что уже в 2008 году «Роснано́тех» принесёт 5 млрд. прибыли, а к 2015 году Россия займёт 4% мирового рынка нанотехнологий с годовым оборотом 1,35 трлн. руб. Однако специалисты оценивали нарисованные им блестящие перспективы как весьма сомнительные, что подтвердилось уже в 2008 году, когда госкорпорация вместо прибыли понесла сплошные убытки. Однако личные доходы Л. Меламеда существенно выросли, в том числе не менее чем на 4 млн. рублей за счёт «Роснано́теха».

Обильное и бесконтрольное госбюджетное финансирование оказалось столь привлекательным, что А. Чубайс, воспользовавшись критикой своего давнего поделельника Меламеда, уже в 2008 году сменил его на «хлебном» месте. Член наблюдательного совета Э. Набиулина отмечала парадоксальную ситуацию: «Несмотря на то, что проектная компания находится в юрисдикции РФ, её *основным владельцем являются иностранные юридические лица* (курсив мой. — В.Т.). В связи с этим представляется, что ГК «Роснано́тех» финансирует на льготных условиях иностранную компанию с частью производства в России, осуществляемого на основе лицензии». Но сия государственная дама сделала весьма странный вывод — предлагала передать «Роснано́тех»... в частную собственность Чубайса.

«Инновации» нового главы корпорации состояли в том, что он, следуя излюбленному принципу: «больше наглости», во-первых, назначил себе «зарплату» 2 млн. руб. в месяц — в 5 раз выше, чем у своего «скромного» предшественника. «Не обидел» и своих поделельников, подняв им среднюю зарплату с 65 тыс. до 593 тысяч рублей — больше чем в 9 раз! Во-вторых, «стесняющее» название: **государственная** корпорация

«Роснано» заменил на лукавое ОАО «Роснано». Хотя единственным акционером общества остаётся Российская Федерация, убыточность которой на одну акцию только с 2011 по 2012 г. увеличилась с 0,4599 до 0,5313 рубля. В-третьих, произвольно снизил уставной капитал с 112 млрд. в 2007 г. до 6,5 млрд. рублей в 2012 году. В-четвёртых, закрыл 13 ранее одобренных проектов первостепенной медицинской важности. В-пятых, вместо запланированных на 2007—2012 гг. госбюджетных затрат в 130 млрд. руб. израсходовал более 196 млрд. рублей. В-шестых, несколько умерил прогнозы своего предшественника Л. Меламеда, обещая сформировать конкурентноспособный сектор нанотехнологий лишь к 2011 г., но уже в 2012 году обеспечить выручку российских наноцентров в размере 365 млрд. рублей и к 2015 году занять не 4%, а 3% мирового рынка.

Все эти «прогнозы» не более чем блеф, прикрывающий беспрецедентное разворовывание государственных денег. Проверка Счётной палаты РФ показала, что по итогам 2012 года убыток ОАО «Роснано» составил 24,3 млрд. рублей, тем не менее члены правления получили 500 миллионов дохода. А с учётом непомерных затрат на оплату труда и сверхроскошное существование реальные убытки во много раз больше. И хотя высшие чиновники, санкционировавшие чубайсовы деяния, наоборот, склонны убыток преуменьшать в десять раз, факт провала данной программы отрицать невозможно. Это в июне 2013 г. был вынужден признать сам Чубайс, назвав четыре причины неудач проектов «Роснано». Рассмотрим их по порядку.

1. «Бизнес растёт быстрее, чем управляющая команда». Как известно, эта «команда» получила от государства практически неограниченные возможности роста. Следовательно, отставание обусловлено нежеланием или неспособностью её членов расти в соответствии с требованиями времени.

2. «Бизнес-модель ошибочна». Именно на это неоднократно указывали Г. Малинецкий и другие оппоненты, но чиновники и руководители программы игнорировали их выводы.

3. «Рынок не соответствует ожиданиям».

4. «Научно-технические риски недооценены».

Что касается третьей и четвертой причин неудач проектов «Роснано», то они свидетельствуют лишь о профессиональной некомпетентности Л. Меламеда и А. Чубайса, заявивших себя специалистами именно в прогнозировании рынков и в оценках научно-технических рисков. Хотя на аналитические исследования только в 2010 г. было потрачено 110,6 млн. рублей.

Следовательно, действительные причины провала «Росна-но», во-первых, — в методологической порочности данного проекта, а во-вторых, в вопиющей профессиональной некомпетентности и сверхнаглости А. Чубайса, озабоченного ненасытной жадой личного обогащения. Так, в 2011 г. он учредил компанию ООО «Девелопменткапитал» по управлению недвижимым имуществом и увеличил за год личные доходы на 23% — до 260 млн. руб., из них доходы от участия в других коммерческих организациях и от ценных бумаг выросли с 43 до 92 млн. и на 22,8 млн. рублей — за счёт «зарплаты» в «Росна-но», при убытке данного ОАО более 24 млрд. рублей.

Вызывает недоумение, что выросший в органах госбезопасности президент страны В. Путин видит лишь «много всего смешного» в том, что Чубайс, будучи Первым заместителем председателя правительства России и главой Госкомимущества, вместе с кадровыми сотрудниками ЦРУ подрывал основы российской государственности. «По масштабу совершенных преступлений А. Чубайса нельзя сравнить ни с одним гитлеровским преступником, отправленным на виселицу Нюрнбергским трибуналом. Злодеяния Чубайса страшнее» — к такому выводу приходят люди, изучающие тома официальных документов, сообщений СМИ, исследований известных учёных и публицистов.

В органах государственной власти Чубайс с 2000 года не значится, но почему-то именно ему власть вверила важнейшую государственную систему РАО ЕЭС, которую он развалил, а затем поручила создавать российскую наноиндустрию. Алгоритм его руководящей деятельности любым предприятием или отраслью разработан ещё в 90-е годы американскими советниками: обанкрочивание, разделение на части, приватизация, коммерциализация, распродажа по дешёвке иностранцам. Тем самым преследуются далеко идущие политические цели: во-первых, укрепление социальной базы компрадорского капитала «олигархов» за счёт увеличения численности средней и мелкой буржуазии, и самое главное, во-вторых, подготовка условий, благоприятных для реализации планов Запада по расчленению России на ряд «независимых» государств.

Сколково или Скольково?

В современных условиях успешное развитие любой научно-производственной сферы, в том числе наноиндустрии, возможно только в сопряжении с множеством других научно-технических направлений. Д.А. Медведев, будучи первым вице-премьером, представлял в 2007 году в Давосе мировой

«элите» свою модернизационную политику. Особое значение он придавал проекту нового междисциплинарного научного центра «Сколково», создаваемого на принципах экстерриториальности, особых налоговых льгот, визового режима и правопорядка, чтобы туда пошли потоком иностранные инвестиции и «Сколково» стало локомотивом российской модернизации. Заняв пост президента РФ, Медведев немедленно начал форсированными темпами осуществлять эту идею, копируя американские формы организации. Так, высшим органом данного проекта был объявлен «попечительский совет», возглавляемый самим Медведевым и особо приближённым к нему вице-премьером Дворковичем, отличающимся авантюризмом, сверхнаглостью и проамериканской ориентацией.

Непосредственное управление создаваемым инновационным центром осуществляет названный на американский манер фонд «Сколково», главой которого назначен В.Ф. Вексельберг («Гора векселей»), известный не научными достижениями, а финансовыми махинациями. Одновременно он является председателем совета директоров транснациональной корпорации «Ренова», возглавляет Попечительский совет Еврейского музея и Центра толерантности. Этот «олигарх» не брезгует любыми способами наживы. Так, здание на Красной Пресне он продал правительству РФ по цене в 7 раз выше, чем купил. Чтобы американцы не сомневались в том, что их интересы в «Сколково» надёжно гарантированы, инновационным фондом управляет на равных правах с Вексельбергом сопредседатель — гражданин США Крейг Барретт, экс-руководитель транснациональной корпорации Intel.

Причём Вексельберг проживает, в основном, в... Швейцарии — там власти предъявляют к нему серьёзные претензии, даже уголовные дела возбуждают. А что? Управлял же Рома Абрамович Чукоткой из Лондона! Другие ключевые фигуры этого «фонда» также вызывают вопросы. Так, от имени Вексельберга заправляет делами «Сколково» некто А. Шторх с журналистским образованием. Главным исполнительным директором этого фонда побывал и Меир Мошиашвили, который часто ездит в Израиль как «консультант по вопросам шоколада», где был задержан при попытке вывезти алмазы на сумму 300 тыс. долларов. Недолго поработав в «Сколкове» директором кластера информационных технологий, А. Туркот покинул этот пост, выразив удовлетворение тем, что успел сделать, и, в частности, используя старые связи, создать центр «Израиль—Сколково» во главе с гражданами Израиля. Это — всего лишь некоторые, взятые навскидку сведения из СМИ, но говорящие о многом.

Согласно с особым юридическим статусом «Сколково» работающим там иностранцам предоставляются равные, а фактически преимущественные права по сравнению с российскими гражданами. Предполагается, что туда будут стекаться результаты, получаемые другими научными центрами и учреждениями России. Оппоненты данного проекта справедливо указывают, что при таких условиях наработанные в России идеи и инновационные технологии будут перехватываться зарубежными кампаниями и транснациональными корпорациями (вроде «Intel» или руководимой Вексельбергом «Реновы»), которые будут доводить их до коммерческой стадии в интересах других государств.

Однако самую главную опасность критики почему-то не замечают. Как известно, основными направлениями исследований в «Сколково» проектируются информационные, биомедицинские, энергоэффективные, ядерные и космические. Об их стратегическом значении и первостепенной государственной важности говорить излишне. Следовательно, допуск в «Сколково» агентов зарубежных спецслужб и «открытие дверей» иностранным гражданам, тем более из государств, фактически ведущих «ползучую» войну против России, являются актами государственной измены. Взаимовыгодное сотрудничество с зарубежными специалистами, конечно, необходимо, но только при надёжном сохранении секретов, необходимых для обеспечения нашей национальной безопасности.

Кроме того, бессмысленно рассматривать данный проект независимо от общей ситуации в отечественной науке. Нет сомнения в том, что развёртывание в России исследований по вышеуказанным направлениям абсолютно необходимо. В 2007—2008 гг. вопрос стоял только о том, как лучше это делать практически: интенсивным путём за счёт увеличения инвестиций в уже имеющиеся в стране научные центры или же экстенсивным путём, направляя основные ресурсы в создание новых. Идея возведения даже одного, тем более супернового научного центра на пустом месте имеет свои плюсы, но простые расчёты показывают, что в таком случае строительные работы займут в лучшем случае от 3 до 7 лет, а для формирования научной среды, способной производить в достаточных объёмах конкурентоспособный продукт, потребуется не менее 10—15 лет. Потому «отдача» инвестиций в данный проект возможна лишь в довольно отдалённом будущем. Причём, учитывая острый недостаток необходимых материально-финансовых ресурсов, такое решение приводит к существенному ухудшению условий деятельности множества

других научных центров. Так, в 2009 году финансирование из федерального бюджета 14 научных центров, имеющих официальный статус наукоградов, составило из федерального бюджета 1,5 млрд. руб., а в 2010 году было сокращено в 3 раза. «Сколково» же в том же году вместо первоначально намеченных 4 млрд. получило из госбюджета 15 млрд. рублей. Его годовой бюджет в 2012 г. оказался больше, чем Сибирского, Уральского и Дальневосточного отделений РАН вместе взятых. Столь крутой финансовый перекосяк вне зависимости от будущей эффективности сколковского проекта представляет явный просчёт в стратегии развития российской науки, ибо является проигрышем в факторе времени, имеющем сегодня решающее значение не только с точки зрения конкурентоспособности России, но и обеспечения её суверенитета.

Д. Медведев в защиту своего проекта любит ссылаться на опыт создания Кремниевой долины США. Академик Б.Е. Черток и многие другие известные учёные указывали, что такая «долина» в России уже есть — это Зеленоград, кремниевая электроника которого до сих пор используется в отечественной космической технике. Потому миллиарды, вкладываемые в неведомое Сколково, во всех отношениях было бы гораздо эффективнее направлять на развитие Зеленограда, а также других научных центров, давно и весьма успешно работающих по всем направлениям, которые планируются во вновь создаваемом центре.

К сожалению, голоса ведущих специалистов страны Медведев не услышал, с маниакальной настойчивостью цепляясь за любимую идею, подброшенную финансовыми дельцами. В пользу Сколково он выдвинул аргумент: «...есть задел для того, чтобы быстро строить», имея в виду строительные мощности Москвы и Московской области. Хотя учёные понимают под «заделом» уже достигнутые научные результаты. Медведев рассчитывал, что сам процесс строительства «Сколково» повлечёт бурный поток инвестиций из-за рубежа. В действительности же, как показывают проверки, пока растёт отток ресурсов на Запад. «Сколково» — лишь механизм для отработки подобных проектов, признаёт член Попечительского фонда А. Кудрин. К сожалению, «механизм» чрезвычайно затратный и неэффективный, выражающий победу бюрократии над здравым смыслом и корыстных интересов отдельных лиц над интересом нации.

При проектировании этого инновационного центра ставилась также задача создать в стране хотя бы один город, защищённый от рейдерства и коррупции, где российский и зарубежный инновационный бизнес мог бы чувствовать себя спокойно. Однако имеющий большой опыт работы в нашей стране по внедрению

инновационных технологий Джон Т. Коннор, посетив вотчины Чубайса и Вексельбега, советует ни цента не вкладывать в российскую экономику из-за риска рейдерства и коррупции. И для подобных суждений появляется всё больше оснований.

Наряду с Попечительским советом и Советом фонда в структуре управления учреждён Научно-консультативный совет (НКС) из весьма авторитетных учёных, сопредседателями которого были приглашены нобелевские лауреаты Ж.Алферов и Р.Корнберг (США). «Однако, — рассказывает Ж.И. Алферов, — Попечительский совет и Совет фонда «Сколково» обходились не только без нас, сопредседателей НКС, но и вообще без высококвалифицированных и реально работающих учёных... С самого начала возникли сомнения: не пиарли это и новый способ «распиливать» выделяемые государством средства, которые усилились «по мере участия в работе, точнее, по мере мягкого недопущения участия в ней. Как тут было не вспомнить, что мне сказал один из самых уважаемых людей в стране академик Е.М. Примаков после моего согласия стать сопредседателем НКС: «Жорес, они просто используют тебя, как декорацию».

Сомнения подтверждают многочисленные проверки по линии СКР, ФСБ и Счётной палаты РФ, которые постоянно выявляют хищения и нецелевые использования госбюджетных средств. Топ-менеджеры установили себе ежемесячные оклады по 600 тысяч руб. и выше. Например, у Вексельберга он составлял 2 млн. рублей. В начале 2013 г. было выявлено, что 3,5 млрд. рублей «прокручивались» через частный банк вексельберговской корпорации «Ренова». Бюджетные деньги использовались также для финансирования «болотной» оппозиции и Массачусетского технологического института.

По итогам проверок возбуждались уголовные дела на вице-президента фонда «Сколково» А.Бельтюкова, главу финансового департамента фонда К. Луговцова и на ряд других высших должностных лиц, но пока все они глушатся на уровне правительства РФ. Независимый экономист Н. Вардуль пишет, что Сколково в кулуарах правительства заслуженно называют «Скольково». По сути дела, к такому же выводу приходит Г. Малинецкий: «Чиновничий аппарат РФ, вливая миллиарды в ещё (или уже) не существующие отрасли, просто-напросто собирается разворовывать их под патриотическим предлогом, под прикрытием плана «большого рывка».

Могут ли учёные быть вне политики?

Несмотря на все различия, нанотехнологический и сколковский проекты — близнецы, строящиеся на общей мето-

дологии «рыночного фундаментализма»: приоритетах финансовой сферы перед реальной экономикой, торгово-спекулятивной деятельности перед производительной, частного интереса перед общим. Оба проекта управляются группой лиц, тесно связанных общими финансово-экономическими интересами, корпоративными, этническими и родственными связями. Многоликий и вездесущий Л. Меламед не только продолжает качать прибыли во многих финансовых структурах и создавать новые, но одновременно является членом Наблюдательного совета «Роснано» и Координационного совета «Сколково». Чубайс входит в Совет фонда «Сколково», а Вексельберг — в состав директоров «Роснано».

Оба проекта широко открывают двери иностранцам для доступа к государственным секретам, предоставляют максимально благоприятные условия другим государствам для эксплуатации и выкачивания интеллектуального потенциала России при минимальных для них затратах. В этих целях внутри данных проектов даже создаются специальные структуры. Например, при Чубайсе — фирма «Rosnano Israel», возглавляемая бывшим послом Израиля в России А. Милманом, а при Вексельберге — «Израиль—Сколково» во главе с гражданином Израиля А. Зиниградом.

Тот и другой проекты получают практически неограниченное госбюджетное финансирование, пользуются чрезвычайными налоговыми льготами, имеют право заниматься любыми видами деятельности, приносящими доход, на них не распространяется закон «О банкротстве». Оплата занятых в них во много раз выше, чем в любых других государственных учреждениях. Руководство не несёт ответственности за результаты своей деятельности. В отчётах показываются результаты, полученные в основном другими компаниями и фирмами, финансируемыми через «Роснано» и «Сколково».

Положительные результаты деятельности этих двух «инновационных» структур столь скромны и несопоставимы с затратами, что возлагаемые на них надежды явно не оправдываются. Огромные ресурсы, направляемые в «Роснано» и «Сколково», элементарно разворовываются. Деятельность этих структур способствует утрате необходимых государственных секретов, патентных и коммерческих преимуществ нашей страны и направлена на использование российского интеллектуального потенциала в интересах других государств и иностранных фирм.

Сверхобильное финансирование «Роснано» и «Сколково» с предоставлением чрезвычайных льгот происходит за счёт сокращений и без того скудного финансирования и лише-

ния традиционных льгот всех других *государственных* научно-исследовательских и опытно-конструкторских учреждений, в том числе академических. Налогообложение этих *государственных* организаций за использование ими имущества и земельных участков, являющихся *государственной собственностью*, абсурдно по сути, тем не менее, оно вопреки здравому смыслу существует и растёт. Потому действительное влияние «Роснано» и «Сколково» на развитие всей российской науки подобно чертополоху, душающему хлебные злаки.

Как известно, наука и образование — две стороны одной системы производства и распространения знаний, постоянно взаимодействующие и друг друга питающие. Потому разрушительное «либеральное реформирование» образования, происходящее в течение последних 20 лет, крайне негативно сказалось на результатах всей научно-исследовательской работы в стране. Резкое снижение госбюджетного финансирования, «ЕГЭзация» средней школы и «болонизация» высшей вызовут полную деградацию всей научно-образовательной сферы. К сожалению, Российская академия наук решительно запротестовала только тогда, когда пожар «реформ» перекинулся на стены их собственного дома — когда опьянённые властью чиновники ринулись отбирать находящуюся испокон веков в её пользовании и распоряжении государственную собственность, лишая учёных элементарно необходимых условий продуктивной работы.

Когда принимаются государственные решения по поводу науки и образования, где сегодня закладывается будущее нашей страны, российское научно-педагогическое сообщество и, в первую очередь, РАН как его наиболее авторитетное представительство обязано отстаивать интересы всего сообщества. Защита лишь с узковедомственных, а не общегосударственных позиций малоубедительна. По отношению к неразумным действиям властвующих чиновников учёные, используя результаты своих исследований, должны вести не оборонительную, а наступательную политику, вплоть до требований всенародного референдума. Нужно не смиренно «просить» президента страны и председателя правительства, а настойчиво **требовать** обеспечить их конституционное право участвовать в принятии государственных решений.

Эти вопросы я поставил в письме Председателю Сибирского отделения РАН А.Л. Асееву. Получил ответ от исполняющего обязанности главного учёного секретаря Н.Г. Никулина с разъяснением: «Российская академия наук не имеет полномочий для политической деятельности, так как не яв-

ляется политической организацией (по уставу)». Как известно, «политическими» являются организации, осуществляющие государственную власть и борющиеся за государственную власть (партии, движения). Запрета на политическую деятельность «неполитических» организаций отсюда не следует. Политической называется деятельность, направленная на защиту интересов государства. В современном мире быть человеку вне политики невозможно. Если не хочешь быть субъектом политики, будешь объектом чьей-то политики.

Учёные более чем кто-либо не имеют морального права быть вне политики. Критический анализ политики государства и борющихся партий, всестороннее и конструктивное научное обоснование политических решений, отвечающих нашим национальным интересам, — их прямой профессиональный и гражданский долг. Эффективно защищать результаты своих исследований учёные могут только через свои «неполитические» объединения (академии, ассоциации и др.).

Конституция РФ утверждает, что Россия есть демократическое правовое государство и что её граждане имеют право участвовать в управлении государством. Наши СМИ, научные журналы и книги сегодня переполнены протестами научно-педагогического сообщества по поводу некомпетентного или злонамеренного управления сферой образования и науки. Однако обнаглевшие властвующие чиновники действуют по гитлеровскому рецепту: «С массой нужно обращаться как с женщиной, а женщина любит покоряться силе».

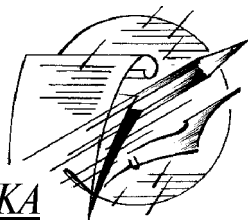
Российская академия наук оказалась неспособной выработать общую научно обоснованную позицию по отношению ко всему тому, что творят «либеральные реформаторы» с нашей страной и народом. Её руководство лишь иногда горько сетовало на крайне неудовлетворительное госбюджетное финансирование науки, на то, что выделенные средства расходуются на провальные «инновационные» проекты и элементарно разворовываются, что насильственная перекройка отечественного образования по худшим западным образцам резко ухудшает процесс воспроизводства научных кадров. Морально разложившиеся высшие чиновники решили, что с *этой* академией, как со слабовольной женщиной, можно делать всё, что угодно. Погром Российской академии наук происходит потому, что она, приняв всерьёз миф о запрете на политическую деятельность, не осмелилась стать политической **силой** и позволила властвующим наглым свершить над собой насилие.

ВРЕМЯ РЕЧЕЙ ПРОШЛО

Начиная писать эту статью, я хотел посвятить ее целиком «Валдайской речи» Путина. Задело то, что многие комментаторы уцепились за ее содержание, как за спасительную соломинку. Мол, Путин сказал это и сказал то. Какой восторг! Хотя всё, к сожалению, не так просто, как кажется.

Всякое слово, кем бы оно ни было произнесено, никогда не может рассматриваться изолированно. Важно кто говорит, кому, о чем умалчивает, а главное, что же все-таки при этом делает. Воспринимать сказанное «в лоб» без учета всех этих факторов глупо. В этом смысле «Валдайская речь» дает богатый материал для размышлений.

Во-первых, об аудитории, точнее, о российской ее части. Приглашение на мероприятие «звезд» российской гламурной демшизы вызывает один недоуменный вопрос. Почему бы в дополнение к Владимиру Рыжкову и Илье Пономареву не пригласить, скажем, Валерию Новодворскую или Сергея Адамовича Ковалева? Убеждения первых и вторых не очень отличаются. Можно было бы также пригласить и ведущего телеканала

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

«Культура», профессора Высшей школы экономики Сергея Медведева, который не так давно предложил передать российские владения в Арктике под международный контроль. Президент Путин, правда, за это высказывание назвал его «придурком», но от этого ни один волос с головы профессора и его работодателей не упал. Более того, он заявил, что воспринимает слова президента как награду.

Этот инцидент на самом деле очень характерен. В российской элите таких «придурков», наверное, добрая половина. Они и не думают скрывать своих убеждений. Напротив, они ими гордятся. Они теперь победители — оккупационная армия, двадцать лет мародерствующая на руинах разрушенного ими Союза. Для продолжения банкета пришло, похоже, время повторить фокус и передать кусок-другой нашей территории «под международный контроль». За все годы путинского правления с этой крепко спаянной перестроечной бандой не случилось практически ничего плохого. Все живы-здоровы. Многие при власти. Ходят с высоко поднятой головой. Обладают серьезными финансовыми ресурсами и открыто пользуются поддержкой извне. И дело тут совсем не в отдельных людях. Это целая система с годовым финансированием одних только НПО за миллиард долларов. Какова же ситуация со СМИ, иностранными сектами (включая ваххабитов и прочих), деятельностью спецслужб и проникновением всего этого «спецконтингента» в госаппарат, никто толком не знает. За все годы путинского президентства серьезного ущерба этой системе не нанесено, не говоря уже о ее демонтаже.

Можно сколько угодно рассуждать о «квазиколониальной части элиты» или о новых «геополитических материках». Однако в той компании, в которой сейчас находится президент, ему лучше бы подумать о другом. Не забиваешь ты — забивают тебе. Есть такой футбольный принцип. В соответствии с ним путинское правление под лозунгом «Ребята, давайте жить дружно» может закончиться тем, что эта банда просто сожрет Россию вместе с ним или же после его ухода. При полном одобрении международного сообщества, разумеется, и с передачей всего, что представляет хоть малейшую ценность, под его (сообщества) контроль. Веры в то, что президент Путин собирается эту ситуацию менять, все меньше.

Второй момент по содержанию «Валдайской речи», который хотелось бы отметить — это очередной реверанс в сторону «многонациональности» населенной на 80% русскими страны. В заикленности на этой теме президент Путин стал напоминать бывшего руководителя бывшей Югославии маршала Тито. У того была формула «Слабая Сербия — сильная Юго-

славия». Чем закончилось применение этого замечательного рецепта, хорошо известно. У Путина уже довольно четко «протупил» собственный аналог этой титовской формулы. «Больше многонационалии — меньше России». Закрывать на это обстоятельство глаза, с одной стороны, глупо, а с другой — уже просто невозможно. Установку на то, что Россия и русское государство — это не слова-синонимы, а разные понятия, не замечать не получается, даже если очень постараться. Да и угроза стране, ее идентичности и жизням простых людей со стороны «нашествия иноплеменных» постоянно растет. На Юге продолжается война в Сирии. Какие планы насчет России строят исламисты, можно прочесть там на стенах разрушенных домов. Они мечтают «погостить» и в Москве. Хотя далеко от нее они и не уходили. После многочисленных взрывов и терактов двухтысячных враг перешел к накоплению сил, «бытовому» террору в отношении гражданского населения, а также вербовке новых сторонников. В стране появилось новое, угрожающее явление — русские ваххабиты, янычары нашего времени, изуверы (в самом прямом смысле этого слова), готовые убивать своих соотечественников. Ну а режим открытых дверей мигрантам с Юга и «многонациональная» риторика продолжают как и прежде — зимой и летом одним цветом.

Сходство с маршалом Тито не исчерпывается, кстати, национальной политикой. Относительно успешная внешняя политика при далеко не столь успешной внутренней, высокий авторитет в мире и, главное, масштаб личности Тито, который в значительной мере компенсировал слабую жизнеспособность возглавляемого им государства. Хотя по поводу внешней политики, в случае с Россией, можно и поспорить. Широко разрекламированный успех в Сирии сопровождается гораздо более тяжелым провалом на Украине. Хотя украинский вопрос — почти внутренний, так что закономерность (о сравнительно более успешной внешней политике) соблюдена.

Третий момент, который сложно записать Путину в актив, это поднятый им вопрос о крушении в прошлом веке сначала Российской империи, а потом и Советского Союза. На самом деле это ключевой момент всей нашей истории, и извлечение из него правильных уроков — вопрос жизни и смерти.

Русская история ста последних лет, если ее для лучшего понимания упростить, напоминает детскую сказку «Три поросенка». Помните, когда, узнав о том, что в лесу появился волк, поросята Ниф-ниф, Нуф-нуф и Наф-наф стали строить себе домики. Первый построил дом из соломы, волк пришел, дунул на него, домик развалился, а поросенок побежал

к своему братцу. Тот построил свой домик из досок. Волк дунул, домик устоял, но все же, приложив кое-какие усилия, волк разрушил и его. Братья побежали к третьему поросенку, который...

В нашем конкретном случае сказка обрывается на этом самом месте. Перед Путиным стоит задача, ни много ни мало, построить Россию более крепкую, чем это получилось сначала у Николая II, а потом у Сталина. Чтобы выстояла и не рухнула.

Принципы, на которых она может стоять, известны, изобретать их нет нужды. Православие, Самодержавие, Народность. При этом «Православие» означает совсем не то, что руководитель должен дважды в год, на Пасху и Рождество, присутствовать на службе, показательно крестясь под объективы камер. Так делает и украинский президент Янукович, но к Православию его пример не имеет отношения. Православие в отношении к государству — это не ширма для прикрытия культа маммоны, а **справедливое общественное устройство**, основанное на христианских принципах, если угодно, православный социализм. Отсутствие справедливости означает выбивание одной из трех системообразующих опор российского государства. Со справедливостью в современной России большие проблемы. Узаконенный грабеж государственной собственности, для маскировки которого был в свое время придуман термин «приватизация», является совершенно негодным для нее, гнилым основанием. В 1917-м раннекапиталистическую, идущую к демократии Россию народ защищать не стал, в отличие, кстати, от сталинского СССР, где не было ни того ни другого. Станет ли он, если придется, всерьез защищать сегодняшнюю олигархическую Россию, идущую туда же?..

О том, что происходит с нашей страной в случае наступления «реальной», настоящей демократии, мы все хорошо осведомлены. Речь, конечно, уже о второй системообразующей опоре — самодержавии. Хотя настоящая демократия сама по себе — это не более чем отделение функций пиара от реальной власти. Говорящие головы на экране сменяются каждые четыре года, а реальные хозяева остаются прежними. Россия очень плохо приспособлена для такой модели. Она была, есть и будет монархией. Не важно: монархия эта белая, красная или закамуфлированная под «управляемую демократию». Ликвидировать самодержавие в России можно только вместе с самой Россией.

В прошлом веке приход демократии у нас случался дважды — в феврале 1917-го и в августе 1991-го. Лечат ли самого дорогого человека, собственную мать или единственного ребенка в третий раз лекарством, от которого тот уже дважды чуть не умер? Наш «особый путь к демократии» заключается

в том, чтобы, даст Бог, никогда к ней больше не прийти.

В уповании на демократию, пусть и внутрипартийную, заключалась, кстати, самая большая ошибка Сталина. Будь ему ближе принципы самодержавия, он не оставил бы страну на произвол судьбы без достойного преемника. Из-за игнорирования с его стороны монархической природы России, все достижения его эпохи пошли прахом, Вырасти он достойного преемника своей единоличной власти, Хрущев не стал бы руководителем страны, а позднее, конечно, не стал бы и Горбачев.

Последняя опора, хотя и не менее важная — народность. С нею у нас, пожалуй, самая большая беда. Народность, во-первых, понимается по-разному, но только не в прямом смысле слова, а во-вторых, отрицается с особым упорством. Народность — замечательный, точный термин. Это и не западный национализм со всеми своими специфическими особенностями, но в то же время, ясное указание на корень «народ». Народность — это то же самое, что **русскость**. Об отношении к народности властей России я уже упоминал выше. Представление о России как о русском государстве безоговорочно отрицается. Те, кто составляет сегодня заметную часть медийной, культурной и прочей «элиты», да и просто околовластной тусовки, относятся к русскому народу еще хуже.

Брань льется рекой. «Русские, нет вас!»; «Все на свете было бы легче, если бы русская нация прекратилась». «Быть использованным на органы для американцев не так уж плохо». Это все цитаты из известных в России телеведущих.

Никаких последствий после таких высказываний не наступает. То, что мигранты режут наших сограждан у подъездов, на самом деле неудивительно. Пока первые будут безнаказанно брехать с телеэкранов, вторые будут безнаказанно резать. То, что такому положению не видно конца, рождает одно простое и естественное подозрение.

После своего второго прихода президент Путин лишь слегка отодвинул всю эту банду от власти. Однако это дело поправимое. Президент не вечен. Он уйдет, и они «пододвинутся» к ней опять. Русский народ мог бы стать первым и главным союзником государственной власти и лично Путина, но пока этого не происходит.

В способности и желании президента построить новую Россию на твердом основании, более крепкую, чем строили Сталин и Николай II, есть растущие сомнения. «Валдайская речь» в этом смысле мало что изменила. В любом случае время речей прошло. Наступило время действий.

Юрий БОНДАРЕВ

К 90-летию современного классика

НЕПРОТИВЛЕНИЕ

(ГЛАВА ИЗ РОМАНА)

Уже далеко отошли они от рынка, шумевшего за домами затихающим прибоем; и здесь замоскворецкие переулки, заросшие старыми липами, залитые июльским солнцем, были тихи, безлюдны, пахли тёплым деревом заборов, пылью мостовых, в уютных тупичках по-деревенски зеленела трава вдоль кромки тротуаров.

— До Берлина дошёл?

— Нет. Мы повернули на Прагу. А ты как?

— Для меня война накрылась на Зееловских высотах. В Германии. Там получил осколочек в левую ногу — и всё: госпиталь и демобилизация.

— Да, вижу, ты малость хромаешь.

— Есть немного. Пустяки. Ну, а ты, думаю, тоже получил что-нибудь фрицевское на память?

— У тебя нога, у меня плечо и спина. Но тоже — пустяки. Уже не чувствую.

— Добро, Сашок, сужу по планкам: страна родная тебя не забыла, пять штук на грудь навесила. Не обидела.

ПРОЗА

— А тебя страна родная обидела?
— Не то чтобы «да» и не то чтобы «нет», как говорят в Одессе. Днепр пришлось форсировать?

— Лютежский плацдарм.

— Ясно. Направление на Киев. А я — на Киевском. Южнее. Перед форсированием было всем объявлено: кто первый переправится и закрепится на правом берегу, тот без суеты получит Золотую Звёздочку. Заманчиво, верно? Наша батарея переправилась первой и зубами вгрызлась в правый берег. Танки наваливались на нас три дня, от батареи и от моего взвода осталось ноль целых, ноль десятых. Металлолом. Но на плацдарме закрепились. Шесть танков красиво горели ночью. Светло, хоть немецкую листовку читай.

— И что?

— Да ни хрена. Звёздочка накрылась. Комбату дали «Отечественную», мне — «За отвагу». И остальным медалишки раскидали. Звёздочки получили не мы, а те, кто пришёл из тыла на плацдарм после нас. Мы в это время валялись в госпиталях.

— История понятная. А чем ещё тебя обласкали, кроме «Отваги»?

— «Отечественной» и второй «Отвагой». Но чья-то Звёздочка все-таки принадлежит мне... Она моя. Понял, Сашок? Летела ко мне на грудь, а попала на чужую.

— Какое это имеет значение? Все награды — лотерея, игра в двадцать одно. Не знал, что ли? Может, твоя Звёздочка — жив остался.

— С кем живёшь? Отец и мать живы?

— Отец умер от ран в госпитале. Живу с матерью.

— Счастливый ты, Сашок.

— В каком же смысле?

— Есть мать. Я — один, как перст. Отец умер в сорок первом, перед войной. Мать эвакуировалась, когда я был в армии. И вышла замуж в Ташкенте. Впрочем, особа она была легкомысленная. Всё время вертела хвостом и портила отцу жизнь. И я для неё не существовал. Ну, хватит, пожалуй. Многое ясно. Последний вопрос, на который можешь не отвечать. Оружие привёз с фронта?

Он спросил это с весёлой мимолётностью, как если бы спрашивал о чём-либо очень обычном, и Александр не почувствовал тайного интереса в этом любопытстве, но в военкомате каждому демобилизованному настойчиво задавали такой же вопрос, поэтому он не ответил прямо.

— А почему это тебя интересует?

— Мне пришлось продать свой ГТ, — сказал Кирюшкин сожалеюще. — Когда возвращались из Германии, на радостях пропили всё вдрызг. На каком-то пристанционном рынке обменял игрушку на три бутылки самогона. Думал, не пригодится.

— Ну, меня, наверное, спасло то, что водку я не пью. А вообще-то артиллеристу пистолет ни к чему. Хватит и орудия. В разведке без пистолета — как без рук. В поиск я с собой брал два пистолета. Два и привёз. Один сдал.

— А второй?

— Выбросил.

— Сглупил вдвойне.

— Выбросил, но представь — не совсем, — пошутил Александр и почему-то провёл пальцами по металлическим пуговицам застёгнутого кителя, задержал руку на боку. — Хотя знаю о приказе сдать оружие — огнестрельное и холодное.

— Наверно, с собой носишь? — с ласковой усмешкой догадался Кирюшкин. — За задницу хватаешься — значит рефлекс.

— Догадливый ты, как ёж калужский. А если так?

— Комментариев не требуется. Зайдём-ка сюда. Ребят догоним.

— Куда зайдём?

— Видишь разбомбленную школу?

— Вижу и знаю. Пятьсот двадцатая, средняя. Здесь учился, представь.

— Здесь? Интересно, а живёшь где?

— На Первом Монетчиковом. Ну, а ты?

— Малая Татарская. Похоже — соседи. Совсем прекрасно. Пошли-ка, пошли. На пять минут зайдём.

Здание школы находилось в липовом парке, очень поредевшем за войну, среди травы вблизи тротуара торчали пни спиленных деревьев. За этими пнями, меж оставшихся обгорелых лип стояли закопчённым углом сохранившиеся стены пятьсот двадцатой школы, когда-то богатого купеческого особняка с огромными, отделанными мрамором каминами в светлых комнатах, с венецианскими зеркалами, с амурами, летящими по лепным потолкам, на которых летом таинственно и игриво зыбились после дождя солнечные блики, а зимой холодно розовел ранний закат, пробиваясь сквозь заснеженные навесы липовых аллей.

— Здесь, ясно, бомбили фрицы, метили в МОГЭС, — сказал Кирюшкин, идя впереди по тропке к разрушенному зданию, откуда тянуло знойной травой, горьковатым запахом

запустения, обгорелого кирпича, тем душным мертвенным запахом, который был хорошо знаком Александру в сожженных городах.

— Бомбили, но МОГЭС не достали, — Кирюшкин обернулся, и глаза его зло сузились. — Жалко Овчинниковские бани и школу. Прямое попадание. Кстати, в этой школе учился и я. До сорокового года десятый кончил в пятьсот двадцать второй. Знаешь, возле Зацепы?

— Что-то я тебя не помню.

— И я тебя. Другие были времена. Другие песни.

Вьевшиеся здесь запахи войны не заглушали московского лета, июльской жары, в парке царствовала зелёная тишина, неподвижность, на траве лежали пятнистые тени. На улице, выпаленной добела солнцем, не было ни одного прохожего, и Александр вспомнил какой-то далёкий, перезрелый солнцем день после экзаменов в школе, галдёж голосов, шумную толкотню на аллеях, кое-где прислоненные к стволам велосипеды, азартную «жестку», игру в «расшибалку», когда тяжёлый, заплесневелый пятак, образца двадцатых годов, сделал в воздухе траекторию, сбивает с черты пирамидку мелких монет, разбрасывая их вблизи нарисованного на ещё сыроватой весенней земле квадрата, и звук ударяющего о монеты пятака смешивается с упруго звонкими ударами мяча в конце парка, где среди деревьев на волейбольной площадке мелькают белые майки.

— Зайдём сюда, Сашок. В родной угол.

— Не понимаю — зачем? — нахмурился Александр.

— Дрейфишь ты, что ли?

И Кирюшкин начал спускаться по узкой, полуразрушенной кирпичной лестнице под возвышающейся стеной с зияющей синевой неба в проёмах окон, остановился внизу перед заржавленной железной дверью, разгрёб ногой осколки кирпичей, куски цемента и со скрежетом приоткрыл дверь.

Александр с досадой спросил:

— Дворницкий склад хочешь мне показать? На кой он нужен?

— Входи, входи.

Солнечный свет падал из открытых дверей в проём стены, и весь подвал серел в полутьме, как бы сквозь застывшую в воздухе гарь, был наполовину завален грудями обугленных кирпичей, исковерканными столами, изуродованными партами, смятыми в лепёшку вёдрами, запахло сыростью, душной пылью, нечистотами, и Кирюшкин брезгливо выругался:

— Какая-то мокрица нагадила. Увидел бы, мордой бы извозил в дерьме. — И, сплюнув, подошёл к школьному столу, покрытому толстым слоем пыли, поднял с пола ржавую банку из-под американской тушёнки, установил её на столе, затем отошёл к Александру. Тот задержался у двери, оглядывая подвал не без любопытства.

— Так ты это хотел мне показать? Здесь ясно и так: упала, наверно, полутонная.

— Смотри сюда, — невозмутимо перебил Кирюшкин и моргнул в направлении консервной банки на столе. — Цель видишь?

— Цель? Банку?

— Не фриц же там стоит, — засмеялся Кирюшкин. — Стрелять не разучился? Можешь попробовать? — И закрыл за спиной Александра звякнувшую железом дверь. — Тут глухо, как в танке. Снаружи ничего не слышно. Ну, попробуй, Сашок. А то, может, пушечка заржавела, и глаз не тот, а?

— Пожалуй, разозлить меня хочешь?

— А может, и хочу.

— Не вижу смысла. За три года я устал от злости. Злость теперь — бесполезное дело.

Александр медлительно вынул из заднего кармана ТТ, плоский, тёплый, подержал его на ладони, ощущая его привычную, какую-то опасную тяжесть, бегло взглянул на Кирюшкина, затем на консервную банку, не торопясь прицелился и выстрелил.

Со звоном банка покатилась по кирпичам, знобяще запахло порохом. Кирюшкин, дрогнув ноздрями, выговорил:

— А пушечка-то у тебя работает. — И поднял банку, разглядывая пробоину, договорил: — В общем — нормально. — Он повертел в пальцах банку, снова поставил её на стол, внезапно, с жадностью в лице шагнул к Александру. — Дай-ка я попробую. Давно я не баловался этой игрушкой.

— Пробуй.

Кирюшкин сжал пистолет заметно напрягшейся рукой, тоже не спеша выстрелил и сразу же с недовольством кинул ТТ Александру, поймавшему его на лету. Консервная банка по-прежнему торчала на столе зазубренными краями жести.

— Так и знал, — сквозь зубы проговорил Кирюшкин. — Если не попадёшь с первого выстрела — дело швах! Пистолет не моя стихия.

И в ту же минуту он сделал резкий жест, что-то коротко сверкнуло белой искрой, скользнуло в воздухе и вонзилось в край стола, подрагивая костяной рукояткой. Это была та изящная хромированная финочка, которой поигрывал в пивной Кирюшкин.

— Вот это — моё, — сказал он, выдернув финку из дерева, вытер лезвие полкой своего щёгольского пиджака и спрятал её в металлический футляр на ремне под пиджаком.

— Тоже неплохо, — похвалил Александр. — Как в кино. Трофейный, американский фильм о ковбоях, взятый в поверженном Берлине. Только зачем?

— Что «зачем»?

— Финка.

— А пушка тебе зачем?

— Привычка. Да и веселее с пушкой ходить ночью по Москве. Чем чёрт не шутит.

— Он шутит иногда напропалую, — согласился Кирюшкин, — так вот, чтоб он не шутил, финочка нужна и мне. Впрочем — финочка почти игрушечная.

— Когда как. Теперь скажи: для чего мы совершили с тобой экскурсию по следам бомбёжки? Может, заинтересовал мой ТТ? С какой стати? Продать — не продам, даже если не будет ни копыя. Подарить ради знакомства — не подарю. Так что...

Кирюшкин дружески хлопнул Александра по плечу.

— Так что хотел посмотреть, как бьёшь из шпалера. Имеющий глаза да увидит. Словам не верю.

Александр отвел плечо из-под руки Кирюшкина.

— Ты мне аплодисменты на спине не устраивай. Скажи точно: зачем тебе это нужно?

— Всё, Сашок. Пошли к Логачёву. Глянешь на его голубятню. Логачёв знаменит на всю Москву кувыркунистыми, ленточными и чёрными монахами.

— Кувыркунистыми?

— До войны их называли турманами.

— Хочу посмотреть. Я ведь тоже бывший голубятник.

Как многие замоскворецкие ребята, до войны он водил голубей, устроив в сарае примитивный чердак, гнёзда для высидивающих яйца голубок, приполк с нагулом, обтянутым сеткой.

Широкая тень от липы, росшей у глухой стены соседнего дома, испещряла в жаркие дни пятнами и островами крышу сарая, половину заднего двора, в душном запахе листвы и тёплого толя стонали изнемогающие в любовной истоме голуби, звали голубок, а они, серебрясь грудками, равнодушно поклёвывали коноплю на приполке, и солнечные стрелы скользили по их гордым головкам с аккуратными причёсками хохолок. И как возбуждал, как радовал его шум и треск, метельное мелькание крыльев над двором, когда махалом он подымал своих любимцев из тишины беспечного рая, зави-

дев «чужого» в летней синеве за куполами Вишняковской церкви, как азартно было видеть присоединение «чужого» к стае, которая кругами ходила, сверкая белизной в эмалевой глубине неба, и как, играя, яркие турманы один за другим будто потыкались в воздухе, «садились на хвост» и начинали падать вниз, подобно воздушным акробатам, падение их переходило в озорные кувырки, стая снижалась следом за ними, потом наконец с шумом, хлопаньем, с ветром садилась на толевую крышу, и он в охотничьем нетерпении искал глазами чужого, и снизу подкидывал жареную коноплю на приполок нагула, издавая нежный призывный звук, знакомый всем голубятникам: «Кш, кш, кш», — и даже сбивалось дыхание от горячего желания заманить в нагул чужака, затем пойманного приучить к голубятне, увеличить свою стаю, испытывая особое тщеславное чувство. Вид домашних голубей волновал его даже на войне, но видел он их только два раза на брошенных хозяевами фольварках в Восточной Пруссии.

Он демобилизовался в декабре сорок шестого года и в первый же вечер, придя за дровами в сарай, поразился разгром и запустению — нагул с сеткой был, видимо, кем-то похищен, приполок безобразно сломан, от гнёзд не осталось и следа, лишь коряво обросшие зеленоватым инеем поленья осклизло блеснули при жидком свете зажигалки да почему-то почудился в холодном воздухе горький запах голубиных перьев.

Голубятня Логачёва мало чем напоминала довоенную голубятню Александра — здесь чувствовалась зажиточность хозяина, нестеснённость в деньках, удобство и широта в своём деле (а Логачёв явно был профессионалом), сарай был большой, двухэтажный, стены первого этажа мастерски обиты вагонкой, вделанные в стены полаты застелены солдатскими одеялами, посередине вкопан в земляной пол однотумбовый стол, вокруг тоже вкопаны скамьи с решетчатými, несколько кокетливыми спинками; лестница на второй этаж — всё было оборудовано с любовью и прочно. На втором этаже располагалось царство голубей самых изысканных редких пород, баснословно дорогих — «николаевских», «ленточных», «палевых», «красных монахов», «дутьшей», «курносых мраморных»... — царство голубиной аристократии, недосыгаемой для безденежных владельцев скромных «чиграшей», «рябых», «пегих» и «сорок».

Как только Александр вместе с Кирюшкиным вошёл в голубятню и тут же поднялся по лестнице, чтобы посмотреть устройство голубиного дома, он хорошо понял, что владелец его не любитель ловить «залапанных чужих», а обла-

дает несметным богатством, и странное щекотное чувство ещё полностью не забытой страсти заставило его улыбнуться Логачёву.

— В первый раз вижу такую коллекцию. Здорово! Долго ты собирал красавцев?

— Всю жизнь, — вяло ответил Логачёв, и прокуренные усы его неожиданно ошетинились. — А ты чего лыбишься? Своих увидел?

— Своих я распродал до войны. Да у меня таких и не было. — Александр снова улыбнулся, восхищённый слитным воркованием, заполонившим весь второй этаж. — Да, букет ты собрал золотой, Гриша. Не ошибся именем?

— Я тебе пока ещё не Гриша! Спрашиваю, чего лыбишься? — повторил вспльчиво Логачёв, и его крошечные, как дробинки, глазки подозрительно засветились.

— Нельзя? Штрэнк ферботен? — пожал плечами Александр. — Повесил бы для ясности объявление: «Улыбки запрещаются. За нарушение — в морду».

— Не шуткуй надо мной, я не люблю, — предупредил угрожающе Логачёв. — Голубятня — храм, а не забегаловка. Особливо для чужих. Здесь молиться надо, а не щериться.

«Нет, Логачёв не такой добряк, как показался в забегаловке».

— Пошёл к чёрту, — беззлобно сказал Александр.

— Схлопочешь промеж глаз. Ежели ещё вякнешь про чёрта, сознание на пять минут выключу.

— Что ж, отключай рубильник. — Александр засмеялся. — Посмотрю, как ты это сделаешь. Только не сердись, если я тебя выключу на десять.

— Ну, хватит, хватит пылить без толку! — послышался бодро властный голос Кирюшкина. — Не для того я привёл Сашку, чтобы мы пыль из ковров выбивали. Садись к столу!

И он подвёл Александра к столу, где сидели уже знакомые по забегаловке парни — молчаливый гигант «боксёр», длиноволосяый остроносенький «монах» и незнакомый, совершенно без шеи, круглый человек в поношенном тельнике, капитанской фуражке, его словно ошпаренное обрюзгшее лицо было иссечено лиловыми жилками, как это бывает у пьющих людей; возле его ног в прохладе пола дремала черноухая дворняжка, она то и дело, не открывая глаз, наугад клала зубами, отгоняя назойливых мух. Парни с аппетитом ели красную смородину, холмом наваленную на стол из огромного газетного кулька, моряк же опасноливо отщипывал по яголке от кисточки, бросал в рот и, пожевав, всякий раз с отвращением крякал.

— Эй, капитан, а ты, похоже, лягушек или тараканов глоташь, — мимоходом сказал Кирюшкин, садясь рядом с Александром и выбирая в рдеющем холме кисточку с переспелыми ягодами. — Выпить, небось, хочешь? Башка как колокол, а во рту стадо ослов ночевало? Надо было пойти к Ираиде.

Грубое лицо капитана приняло жалкое выражение.

— Аркаша, одолжи, дай на полторашку, не то башка лопнет, — забормотал он, и бесцветные глаза его заслезились. — Нам на Северном флоте каждый день — норму, а тут — на мели я...

— Сопьёшься ты, Лёня, закладываешь без меры, — заметил Кирюшкин неодобрительно и достал несколько купюр из заднего кармана. — Возьми на память. Наследство получишь, бутылку «Жигулёвского» поставишь.

Моряк, оживляясь, взял деньги, рванулся с места всем телом, похожим на бочку, выплюнул недожёванную смородину в распахнутые двери сарая и, ритмично потрясая бумажками перед ухом, скомандовал:

— А ну, Шкалик, покажи народу, как барыня танцует! — И заиграл толстыми губами: — А дю-дюшки, адю-дю... Ай, барыня, барыня, сударыня, барыня!..

Шкалик послушно вскочил на задние лапы и, весело глядя на помидорообразное лицо хозяина, шлёпающего губами, заходил вокруг стола, повесив лапы перед грудью, махая хвостом по полу.

— Молодчага! — похвалил моряк и сделал жест, изображающий аплодисменты. — А теперь покажи, как пьяный валяется.

Шкалик с удивительной покорностью повалился на бок, полежал немного, повернулся, лёг на спину, помотал лапами и замер!

— Молодец! — опять похвалил моряк, тщательно пряча деньги. — Кусок колбасы заслужил сполна. Вставай, держи курс к Ираиде.

— Ты, Митя, только сам себя не изобрази под забором, — посоветовал Кирюшкин добродушно.

Моряк лихо сдвинул капитанку на затылок, поднёс руку к козырьку.

— Я — как штык. Северная закалка. Вверх килем лежат под забором салаги.

Он свистнул Шкалику и вразвалку, как раскачивающийся шар, двинулся по белому от зноя двору, вдогонку за ним побежал, высунув язык, Шкалик.

За столом продолжали есть смородину, пот стекал с лиц, в сарае не было прохлады, и от жары, от размеренности нико-

му не хотелось говорить, только на втором этаже ворковали, постанывали голуби, изредка постукивали коготки по потолку, иногда слышалось шарканье крыльев, видимо, слетающих с гнёзд голубок. В духоте сладко пахло жареной коноплей, тёплым, почти горячим пером — знакомые запахи обжитой голубятни. Но были, в общем-то, не знакомы эти молодые парни, чем-то похожие и чем-то непохожие на него, Александра, с которыми произошло неожиданное объединение в забегаловке, как будто их одинаково связывала, быть может, страсть к голубям, прерванная войной и вот вновь возникшая. Это было не совсем так. Александр уже не испытывал того прежнего чувства от этих голубиных звуков и запахов, оставалось лишь неповторимо далёкое отражение детского увлечения, к сему он вряд ли мог вернуться сейчас. Но что-то всё-таки сохранялось в нём, звенело успокоительно милым колокольчиком воспоминаний.

— Да, голубятня замечательная, — сказал Александр, поглядывая на потолок, где постукивали бегущие коготки, потрескивали крылья, происходила любовная голубиная возня после призывного воркования. — И у вас всё в порядке, всё нормально, ни разу голубей не лямзили?

Все перестали есть. Все посмотрели на него зорко и подозрительно, а в жёлтых дробинках глаз Логачёва злой искоркой промелькнуло: это что за вопрос?

«Боксёр», уловив взгляд Логачёва, провёл по своей колючей, как стерня, стриженной голове и напряжённо приставил к контуженному уху клешню-руку, чтобы лучше расслышать.

Длинноволосый с виноватым лицом повернулся к Логачёву, точно молитвенно утешая его, пропел шёпотом:

— Ради бога...

Логачёв передёрнул ноздрями, отчего редкие коричневые усы его стали колючими.

— Для чего ты, хрен с утюгом, речи такие завёл? — спросил он хрипло. — Вон, гляди на дверь, жах твою жабу, всё железом обито, засовы стальные, сверху ломик на стальной проволоке. Даже если дверь откроют, ломик — по черепушке — и венец с музыкой! Чего ты у нас болтаешь, жах твою жабу? Зачем ты его привёл, Аркаша? В забегаловке понравился он мне, вроде свой, а тут глазами зыркает во все углы, как лягаш купленный! Кто он такой?

И Александр не сдержался.

— Слушай, щетинистый, об тебя наверняка спички зажигают! Что ты ко мне пиявкой присосался? На кой дьявол мне твоя голубятня? Ты что — чокнутый или дурустью по голове ударенный? Ни мата, ни водки не люблю! И не терплю мно-

говековое хамство! Контуженных только прощаю! Сам после Курской дуги три месяца заикался. Драться мне с тобой неинтересно. Ну, неинтересно — и всё! Парень ты, видать, в силе, но я встречал разных, уверяю тебя! Поэтому давай разойдёмся. Спасибо, ребята, за угощение. Пока. Привет. Может быть, и увидимся, если судьба сведёт.

И, стараясь смягчить мгновенную вспышку взаимного неприятия, договорил:

— Пожалуй, квиты. Будь здоров, Логачёв, король голубятников. — И, не спеша, пошел к двери, зная по себе простую истину, распространённую людскую болезнь — нелюбовь, неприязнь, подозрительность к незнакомцу лечить не надо: в разведке притиралось то, что притиралось, коли была в этом надобность.

— Чего он сказал? — насторожился «боксёр» и завертел стриженной головой. — Никак, он на тебя попёр, Гришуня?

— Ша, Твердохлебов, не дёргайся, — сказал Кириوشкин. Он сидел за столом и веточкой смородины тихонько водил по щеке, думая о чём-то.

— Стоп, Сашок, побудь. Напылить успеем, — добавил он примирительно и сейчас же моргнул длинноволосому: — Скажи, Эльдар, что-нибудь для души.

— «И сказал фараон...» — проговорил напевно Эльдар и коснулся ладонями щёк, точно умываясь. — «Господи, дай мне остановиться...»

— Что это значит? — не понял Александр.

— «И сказал фараон...»? Пятидесятый стих сорок третьей главы Корана, — завывающим речитативом ответил Эльдар и возвёл светлые безгрешные глаза к потолку. — О, слава пророку, да пребудет благословенный мир над ним.

— Откуда ты такое знаешь? Ты татарин?

Эльдар ответил миролюбиво:

— Думаю, так. Отец татарин, мать русская. Наполовину мусульманин, наполовину православный. Изгнан из Московского университета и вышиблен из комсомола за религиозную пропаганду.

— За что?

— За проповеди по Корану и Библии.

— Чёрт знает, что за чудеса! — сказал Александр. — Проповеди? Где ты их читал?

— Несколько раз собирались в аудитории. Затем последовал поцелуй Иуды. Но... не называйте заговором всего того, что народ сей называет заговором, и не бойтесь того, что он боится, и не страшитесь.

— А это?.. Проповедь твоя?

— Нет. Библия. Апостол Исайя, глава восьмая. И к этому из Корана: «Есть ведь над вами хранители...» — проговорил живым тенорком Эльдар и вновь ладонями коснулся щёк. — «О люди, нуждается вы в Господе». Часть шестнадцатого стиха тридцать пятой главы Корана.

— С ума сойти, — поразился Александр. — Не то в церквушку, не то в мечеть попал. А почему волосы такие длинные? Тоже по Корану?

— Длинные волосы носили «сеиды», потомки пророка Мухаммеда.

— Память потрясающая! Честное слово, таких, как ты, не встречал. И Коран наизусть шпаришь? И Библию? Зачем?

— Ты был на войне и знаешь. Человек зол до умопомрачения, — сказал Эльдар, глядя на свои маленькие, почти женские по форме руки, но корявые и грязные от какой-то физической работы. — Хочу знать, кто и что есть начало всех начал? Сочти всех безумцев в России и в мире. Их счесть невозможно. Можно пересчитать разумных и праведных. Их всего несколько человек.

— А себя относишь к кому?

— К козлам, а не агнцам, — пробормотал Эльдар. — Нужно склоняет и к постыдным делам.

— А интересно, кто они? Праведники? Агнцы? — Александр взглядом описал круг, вбирая в него присутствующих в сарае. — И о себе, конечно, спрашиваю, хоть ты меня не знаешь.

— Все неправедники. Козлиц — океан, агнцев — капли.

— Почему?

— Для чего, Саша, спрашивать? — перебил Кирюшкин. — Морда у всех в пушку. У некоторых в такой перине — глаз не видеть. И у тебя пушочек заметен.

— Не думаю.

— Ну, ну! На войне был? Стрелял? Значит, убивал? И правильно делал! — Кирюшкин стукнул кулаком по краю стола. — А тех козлиц, которые, как агнцы, отсиделись в тылу и наедали здесь задницы, расстреливал бы без трибунала, как трусов и предателей.

— Верна-а! — загремел басом Твердохлебов, не отнимая ладонь от уха и прислушиваясь нацеленными глазами к словам Кирюшкина. — На дух тыловых грызунов не переносу! Мы ещё с ними сведём баланс!

— Легки на помине, — сказал Кирюшкин с неудовольствием, как если бы всё сразу надоело ему. — Идут Лесик и Амелин баланс подводить.

Александр сперва не понял, кто это лёгкие на помине Лесик и Амелин и что это за подведение баланса, но тут же уви-

дел, что все смотрят через распахнутую дверь сарая во двор. Небольшой задний двор, окружённый глухими кирпичными стенами дореволюционных купеческих домов, наполовину зарос муравой, покрытой тенью от высокого забора, наполовину настолько был нажжен солнцем, что земля без травы казалась волнисто дрожащей в знойных испарениях.

Через пекло двора шли трое парней, как видно разморенные жарой; один, высокий, в гимнастёрке, подпоясанной комсоставским ремнём, в гладких хромовых сапогах, обмахивал пилоткой красивое, несколько даже утончённое подвечья лицо и негромко говорил что-то шупленькому в ковбойке паренёчку, бледному болезненной ровной бледностью, с каким-то рыбьим выражением губ и подбородка. Третий почти вприпрыжку поспевал за ними и ещё издали резиновой улыбкой растягивал рот от уха до уха, от чего большие его уши выделялись, как у летучей мыши.

— Здорово, братишки, — сказал слабым голосом шупленький, подходя к сараю, заглядывая в сарай, и прислонился к косяку, засунув руки в карманы брюк. — Аркаш, выйди-ка на воздух, побалакать надо.

— Рукоплещите, граждане, появился Лесик со своими ребятами, — проговорил Кирюшкин и вышел, без спешки, тоже задвинув руки в карманы, кивком поприветствовал Лесика. — Здорово, с чем пожаловал? Или мы чем-то тебе обязаны, или ты чем-то обязан нам? Хочешь красной смородины?

— Интеллигентщину разводишь, — прошепелявил Лесик с неправильным ребячьим выговариванием, в котором не было ни угрозы, ни раздражения, а был безобидный дефект ещё школьной речи, никем не исправленной. — Пустых слов болтаешь много, Аркаша. И грудь надуваешь вроде рубашку накрахмаленную.

— Зависть, — сказал невинно Кирюшкин.

— К кому?

— К тебе, Лесик. К твоим удачам. К твоей везучести.

— Ты вот как? Яду налил полный стакан? Не яд это, крысиная моча.

Лесик поднял белые глаза, и его лицо постаревшего мальчика, порочное лицо старичка и пухлого в щеках младенца, приняло острое рыбье выражение. Он вынул правую руку из кармана, протянул её ладонью вверх, а ладонь эта, как заметил Александр, была маленькой, сухонькой, на вид цепкой.

— Клади девяносто шестую пробу, — приказал он своим ребячьим голосом, опять же без всякой угрозы, но каждая чёрточка его лица не сомневалась в том, что приказ его выполнят.

— Миром не хочешь?

Кирюшкин взглянул сбоку на красивого парня в хромовых сапогах, едва приметно подмигнул ему:

— Здорово, Женя, — мельком глянул на ушастого весельчака, по-прежнему растягивающего рот во всю ширину лица. — Привет, Гоша, — перевёл узкие, как лезвие, глаза на протянутую ладонь Лесика, переспросил непонимающе: — Неужто миром не хочешь? С войной пришёл? Смысл в этом видишь?

— Девяносто шестую положи сюда, — повторил Лесик и внушительно пальцами пошевелил, — и войны не будет. Пакт. Если нет — блицкриг. И пожарную команду вызывать — на хрен. Останешься на уголёчках. С обгорелыми пёрышками. Ясен спектакль этого дела?

Александрю не был ясен «спектакль» этого дела, но по тому, как за столом в сарае разом все напряглись, похоже было, наизготове к схватке или нападению, он понял смысл угрозы, касающейся не одного Кирюшкина, и сейчас же увидел его лицо, ставшее отрёпанным и злым. Немного выждав, он сказал бесстрастно:

— Давай договоримся, Лесик. Почую запах уголёчков — пришила к забору, как насекомое. И без свидетелей. — Он поочерёдно, с твёрдём блеском в глазах обвёл парней Лесика и уже брезгливо договорил: — Лягашей и жадных не люблю. А ты жадноват стал, Лесик, не кумекаешь ли с кусками слинять из Москвы? В Киев или в Одессу куда-нибудь? Там есть роскошные голубятни. И замки не московские.

— Ложи, говорю, девяносто шестую, — повторил в третий раз Лесик, упорно держа руку ладонью вверх и как будто не услышав ни единого слова Кирюшкина. — Превышаешь себя, Аркаша. Выше головы прыгаешь.

— Держи, — сказал Кирюшкин, извлекая из кармана массивный золотой портсигар, медлительно повертел его в пальцах, вздохнул притворно и бросил его на стол в грудку красной смородины, отчего искорками брызнули капли сока. — Эта штука принадлежит им. Всем. Спроси их.

Все молчали. Никто за столом не двинулся с места. Только Эльдар взял портсигар, оторвал от кулёка кусок газеты, обтёр его и положил на край стола, произнёс певучей скороговоркой:

— Се — товар наш... Часть шестьдесят пятого стиха двенадцатой главы Корана.

— Заткнись, татарин, горло порву, — вяло сказал Лесик, но его белые глаза искоса пронзили Эльдара угрожающим обещанием, и Александрю подумалось: этот постаревший мальчик не умеет шутить.

Кирюшкин проговорил ровным голосом:

— Ты моих ребят, Лесик, не тронь, а то у них тоже с нервами бывает не в порядке. Так вот. Думаю, всё, мило побеседовали. Положение ясное. Ничего менять не будем. Как там в песне поётся? Что-то вроде такого: нам чужой земли не надо, но и своей ни пяди не отдадим. Вопросы ко мне есть? В устном или письменном виде, таким образом сейчас говорят товарищи лекторы.

Лесик скривил край рта, отчего дрогнула вся щека, как от тика.

— Хахочки не перевариваю, Аркаша. А вопрос мы с тобой еще разберём. Покеда. Живи пока.

— Живи пока и ты.

— Буду. — Лесик снова дрогнул щекой, внезапно указал пальцем на Александра. — А это кто? Откуда человек?

— Не твоё дело, — отрезал Кирюшкин.

— Живи, живи пока.

Лесик приподнял кепочку, старческое лицо его приобрело сонное выражение, и он повернул от двери сарая, лениво мотая клешами по земле.

Дружки его, не проронившие ни слова по причине уважения к авторитету, двинулись за ним. Лишь паренёк, которого Кирюшкин назвал Гошей, обернулся с застывшей от уха до уха улыбкой, сделал круглые глаза и дурашливо выкрикнул:

— Сейчас бы к Ираиде и чекалдыкнуть! Начхать на всё соплями. Я ленточного загнал! Ну, прямо плюнь — жизнь дребедень! Красавица голубка с носиком как капелька! Почти косую за неё с любителя взял! — И маленькое льстивое лицо его задвигалось, заплясало от беззвучного смеха и мгновенно стало умоляющим. — Портсигарчик бы возвернул, Аркаша, и чекалдыкнули бы за это дело!

— К чему хохотаешь, как обезьяна? С гвоздя сорвался? — злобно крикнул Логачёв. — От летучаямышь!

— Мотай, мотай, Малышев, — махнул рукой Кирюшкин. — А то Лесик восторг твой укоротит. Двигай лопатками! Баланс не состоялся. Доедай, ребята, смородину, — прибавил он, входя в сарай, и, словно бы ничего не произошло, обратился к Александру: — А ты чего нахмурился, Сашок? Всё в порядке вещей.

— Где мёд, там и яд, где дым, там и огонь, — полусерьёзно ответил Александр. — Слышал такое?

— Слышал другое. За смертный грех платят семь поколений потомков. Так в Библии, Эльдар?

— Любить врага своего — значит молиться за него. Но, не борясь с врагом Христовой церкви, мы наносим ей вред во все времена. Так в Библии и похоже в Коране.

— Яс-сно, — протянул Александр. — А на ком смертный грех? На Лесике?

Никто не ответил ему.

Все молча сидели за столом, нехотя мяли во рту, посасывали ягоды, в раздумье поглядывали на массивный портсигар, выделяющийся золотым бугром, на котором проступала затейливая монограмма, усыпанная синими камнями. И это молчание в душной тишине, пропахшей жареной коноплём, мучительно страстное воркование голубей, их возня на потолке и в нагуле, и неуспокоенно-злобный вид, набухающие желваки на монгольских скулах Логачёва, который механически жевал смородину (он, должно быть, матерился про себя и иногда свирепо сплёвывал), и произошедший враждебный разговор между Лесиком и Кирюшкиным, — всё это уже действовало на Александра раздражённо, будто неожиданно оказался среди людей совсем чуждых ему, связанных не только логачёвской голубятней, но и чем-то другим. И вместе с любопытством к этим не очень понятным парням появилось чувство неопределённой опасности, что бывало в разведке осенними ночами, в дождь и грязь, когда поиск шёл наугад, без маломальских данных.

«Что за смертный грех? Чей? Почему я был искрещен с Кирюшкиным? Знаю ли я его? Нет! Да какое мне дело до их портсигарных распрей!»

— Общий привет, — сказал Александр, подымаясь из-за стола. — Вскользь познакомились. Авось увидимся в забегаловке.

Кирюшкин проговорил с ироничной грустью:

— Кто может знать при слове «расставанье», какая нам разлука предстоит. Что ж, пошли, провожу.

И он подхватил портсигар со стола, сказал:

— Эта штука пока будет у меня, как в сейфе. Возражений нет?

— Какие тут возражения, к реповой бабушке? — ответил Логачёв, сурово насупясь. — Только совет бы мой послушал, Аркаша. Пушай ходит с тобой Мишка «боксёр». Лесик — волк, со спины, сволочь, нападает. И финкой в шею али в почки бьёт. Убивец. Знаю. До войны он сидел. Да война спасла.

Кирюшкин в некоторой задумчивости откинул полу своего кремового американского пиджака, извлёк из ножен финку, поиграл ею, как игрушкой.

— Это пёрышко тоже ничего, — сказал он и подмигнул Александру. — Но мы мокрыми делами не занимаемся, Сашок.

— Не всегда будет мрак там, где теперь он густеет, — встал Эльдар, аккуратно выбирая кисточку смородины. — Волк меняет шкуру. А Лесик не меняет ни шкуру, ни душу. Замышляйте замыслы, но они рушатся, говорите слово, но оно не состоится, ибо с нами Бог!

— Во! Наговорил наш поп и мулла — вагон и маленькую тележку! — восторженно загремел грудным басом «боксёр» Твердохлебов и ручищами поскреб затылок. — Люблю, когда Эльдарчик балабонит про святых. Ни бельмеса не поймёшь, а красиво, навроде в книге. Одно слово — студент. Фило-о-соф!

Застёгивая длинный пиджак, оправляя его на своей художавой фигуре (по жестам его можно было определить, как он ладно и ловко носил обмундирование), Кирюшкин сказал Эльдару добродушно:

— Длинные волосы я вижу, но философа не вижу. Бог к дуракам не спешит на помощь. Поэтому на Бога надейся, а сам не плошай. За мной, Мишук, не ходи, — посоветовал он Твердохлебову. — Нет ничего глупее холостых выстрелов и злорадного смеха противника. С Лесиком я готов встретиться где угодно. Ради интереса. Ну, двинем, Сашок. Провожу до угла! Мне на Татарскую.

Они шли по выжженной солнцем пустынной улице в тени лип. Кирюшкин молча курил. Александр сказал:

— Не имею права лезть в ваши дела, но...

— Но? — перебил Кирюшкин. — Твоё «но» мне понятно. Хочешь сказать, что столкнулся с уголовниками? С ворьём? Так?

— Так или почти.

— Продолжай.

— Откровенно — этот Лесик мне противен со своей обезьяньей лапкой: «ложи девяносто шестую». И глаза пустые, белые. Он воевал?

— В Сталинград мы с ним ехали в одном эшелоне. Из Тамбовских лесов, где формировалась Вторая гвардейская армия Малиновского.

— Это с ним связывает? Он угрожал сегодня тебе. И всей вашей голубятне.

— Меня с ним связывает крепкий сук на такой вот липе. — Кирюшкин показал вверх, на пронизанную горячим солнцем листву, поникшую от жары. — Я бы его вздернул за ми-

люю душу, да только не хочется получать раньше времени срок. Но для него день придёт.

— За что бы ты его вздёрнул?

— За то, что сволочь и убийца. За то, что в сорок втором году, когда ехали в эшелоне в Сталинград, он добровольно вызвался расстрелять своего друга — якобы за мародёрство, за ограбление погреба на одной станции — сало, самогон, огурцы и прочая чепуха. Знаешь, что такое показательный расстрел перед фронтом? Так вот, вызвался он. Чтобы замести следы. Потому что погреб очищали вместе с этим дружкой.

— Что же вы его не прихлопнули на фронте?

— Начальник штаба полка взял его в ординарцы. Умел доставать водку и жратву в любых обстоятельствах.

— А как в Москве встретились?

— Из одного военкомата призывали. Он живёт на Зацепе, а я — на Малой Татарской. Соседи. Многих ребят из Замоскворечья послали в лагеря под Тамбов. С фронта он вернулся раньше нас.

— Больше он меня не интересуется. Всё, Аркадий. Я домой. Как говорится, боевой привет.

— Подожди. Телефон есть?

— Общий. В коридоре.

— У меня свой. Дай-ка я запишу твой номерок.

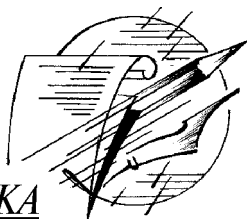
РУССКИЙ ИДЕАЛ И КОРПОРАТИВНОЕ ГОСУДАРСТВО

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЗАПАД ГИБНЕТ,
А КТО ВМЕСТО НЕГО?

Оправдался ли прогноз Шпенглера?

Ещё раз напомним: вышедший в начале XX века труд Освальда Шпенглера «Закат Европы» содержал три основные идеи. Первая: всякая цивилизация, возникнув, существует примерно 1000 лет, проходя разные стадии развития, и заканчивается смертью. Вторая: западноевропейская цивилизация, возникшая около 800—1000 года н.э., прошла все положенные стадии развития и к началу XX века умерла. Третья, не высказанная прямо, но её можно было вывести из контекста: на смену ей должна придти новая, русская православная цивилизация.

Шпенглер словно держал руку на пульсе Европы. Первый том его труда вышел в 1918 году, второй — в 1922-м, сразу после Первой мировой войны, которая показала полную исчерпанность созидательного потенциала и звериный оскал капитализма, то есть европейской культуры и цивилизации, за агонию которых человечество заплатило десятками миллионов убитых и искалечен-

Окончание. Начало в №1-2 за 2012 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ных. Шпенглер не побоялся сделать вывод о конце культуры Европы. Он пережил первые годы нацистского режима в Германии, с которым не нашёл общего языка, и умер в 1936 году.

В настоящем исследовании было рассмотрено развитие западной цивилизации (то есть цивилизации, созданной западноевропейцами и включившей затем в свой ареал США, Канаду, Австралию, Новую Зеландию и некоторые другие бывшие колонии стран Западной Европы) в период с окончания Второй мировой войны до наших дней. Оно показало, что пророчества Шпенглера оправдались лишь частично. Западная цивилизация, действительно, гибнет. В Западной Европе процесс разложения зашёл уже очень далеко, а США, хотя и стремились отдалиться от неё, в целом лишь с некоторым запозданием повторяют её путь. А вот никакая другая, в том числе и русская православная цивилизация, на смену гбнущей западной цивилизации явно не пришла. Почему? И как же было тогда жить людям в странах Запада?

Спасение в корпоративном государстве?

Сразу после Октябрьской революции 1917 года в России на Западе тоже стали раздаваться призывы последовать примеру русских, объявивших о переходе их страны к социализму. Однако очень скоро из России стали приходить известия о разгорающейся кровавой Гражданской войне, белом и красном терроре, голоде, эпидемиях, что в совокупности обернулось миллионными человеческими жертвами, громадными разрушениями всех основ жизнеобеспечения и резким ухудшением материальных условий жизни большинства населения. Сотни тысяч белоэмигрантов, оказавшихся за рубежом, своими рассказами ещё более омрачали в представлении людей Запада русский опыт построения социализма. О том, что в Советской России десяткам миллионов простых людей из «низов» был открыт путь к вершинам науки, культуры, творчества, белоэмигранты, естественно, не рассказывали. Многие видные прогрессивные деятели Запада, видевшие его закат, — писатели, философы, художники — побывали в Советской России и по достоинству оценили её потрясающие успехи в деле культурного строительства. Однако со временем их энтузиазм по этому поводу угасал. Они ожидали, что в СССР возникнет общество типа западного (с демократией, правами человека и пр.), только лучшее, чем было на Западе. А вместо этого увидели движение к евразийскому строю жизни, органически присущему народам России, но абсолютно чуждому (и даже враждебному) европейцам.

Весь мир оказался в ситуации, когда капитализм стал ненавистным миллионам жителей Запада, а русский космополитический (интернационально-безнациональный) коммунизм, который проповедовали Ленин и его ближайшее окружение, также оказался им не по душе. Но жить-то всё же было надо, и люди в разных странах пытались как-то устроиться, чтобы не впасть, как говорил Достоевский, в людоедство. В этих условиях и возникли первые корпоративные (даже с претензией на тоталитарный строй) государства — в Италии при Муссолини и в США при ФранкLINE Рузвельте. Эти государства в той или иной степени перестали быть капиталистическими в классическом понимании этого термина, но не стали и социалистическими. Несколько позже возникло и расистское извращение корпоративного государства в нацистской Германии. Затем о задаче построения корпоративного государства объявили Франко в Испании и Салазар в Португалии. Это не считая извечно корпоративной Японии и издревле бюрократического, можно даже сказать — тоталитарного Китая, а также ряда других государств.

Дело здесь не в героических личностях, а в сложившейся ситуации, когда монополистический капитал в названных странах был вынужден пойти на известные жертвы, чтобы не лишиться всего в результате революции. Это был его своего рода компромисс с массами трудящихся. Так, в Италии новый режим запретил забастовки работников — это был удар по трудящимся. Но он же запретил локауты и значительно сократил продолжительность рабочей недели, что было ударом по предпринимателям. Работники и хозяева предприятий были объявлены членами единых трудовых коллективов, совместными усилиями укреплявшими мощь государства. Естественным образом, работники и хозяева играли разную роль в этих коллективах и корпорациях, но было провозглашено, что классовой борьбе в этих странах пришёл конец. Одновременно были приняты довольно широкие по тем временам программы социального обеспечения, работники получили некоторые льготы, что помогло им пережить наиболее трудные времена. Проводились и меры по содействию повышению рождаемости, охране материнства и детства, что не в последнюю очередь было связано с милитаризацией страны и заботой об увеличении численности солдат в предвидении будущей войны. При этом идеологи корпоративных государств подвергали убийственной критике строй западной демократии, лишь прикрывавший фактическое господство капитала. (О некоторых аспектах общественно-политического строя в России по сравнению с корпоративным государством

в Италии можно прочитать в книге Александра Тарасова «Почему Путин не Муссолини». М., Алгоритм, 2013). Более подробно о корпоративных и тоталитарных государствах я здесь писать не стану, поскольку в «МГ» была опубликована моя работа «От лжекапитализма — к тоталитаризму!», целиком посвящённая этому вопросу.

Вторая мировая война готовилась усилиями элит всех развитых стран Запада (точнее было бы сказать: международного финансового капитала). Особенно велика здесь роль США, которые без войны не смогли бы по-настоящему выйти из Великой депрессии и открыть доступ товарам своих монополий в колонии империалистических государств Европы. А без этого было невозможно превращение Америки в мировую сверхдержаву. Можно смело утверждать, что США при Рузвельте (к которому наша общественность в целом относится очень тепло, и я эти чувства разделяю) были главным поджигателем войны. Но в качестве непосредственного зачинщика войны выступила возросшая на американские капиталы нацистская Германия, к которой присоединились Италия, а также ряд других сателлитов, и (на Тихоокеанском театре военных действия) — Япония. Роковым шагом для нацистской Германии послужило её нападение на СССР, который внёс решающий вклад в сокрушение гитлеровской орды, как и японского милитаризма. Война закончилась победой сил антигитлеровской коалиции. Расистское германское государство, как и корпоративное государство в Италии, были уничтожены. Испания Франко и Португалия Салазара ещё продержались некоторое время, поскольку в развернувшейся «холодной войне» заняли сторону Запада, став впоследствии членами НАТО. И лишь со смертью диктаторов и в этих странах с корпоративным строем было покончено. **Западная демократия могла торжествовать: корпоративные государства, бросившие ей вызов, ушли в небытие.**

Реванш неокорпоративных государств

Однако торжество западной демократии продолжалось недолго. Вскоре выяснилось, что возникновение корпоративных государств не было чьей-то прихотью, а было порождено объективными потребностями дальнейшего развития стран Запада.

Первыми это доказали скандинавские страны. «Шведский социализм» стал витриной Запада в борьбе против советского социализма, который, пройдя пик своих достижений (как технологических, так и социальных), постепенно

деградировал, особенно в период, когда к власти в СССР пришли перерожденцы из советской номенклатуры и прямые агенты Запада. От Швеции в смысле развитой системы социального обеспечения и участия работников в управлении производством не отставали и Дания, и Норвегия, и Финляндия (до некоторой степени — и Исландия). Но дело не ограничилось Скандинавскими странами. Вскоре главный теоретик общества «благополучия для всех» Эрхард провёл реформы в ФРГ, которые создали невиданную ранее в Западной Европе систему социальных гарантий для работников и обеспечили быстрый рост жизненного уровня всех слоёв (хотя и в разной степени) населения. Впервые там люди перестали страдать от голода, испытывать острейшую жилищную нужду (это несмотря на громадные разрушения жилищного фонда, причинённые войной, и миллионы переселенцев с земель, отошедших от Германии соседним государствам-победителям). Достигнутый в этой стране уровень благополучия большинства населения показался бы фантастическим человеку, знавшему предвоенную Европу.

Конечно, это не было проявлением благодеяния со стороны господствующих классов, а диктовалось новыми условиями развития экономической и социальной жизни. Предприятия становились всё более тесно связанными технологически, что требовало усиления государственного регулирования экономики, а развитие производства упиралось в недостаточную покупательную способность населения. Постепенно и другие страны Западной Европы стали строить социальные государства, которые правильнее было бы называть неокорпоративными. Работники получали некоторые управленческие и контрольные функции на предприятиях, их представители вводились в состав советов директоров. На этот путь встали и Франция, и Великобритания, где Тони Блэр выработал даже свою теорию «третьего пути», отчасти повторяя то, что было высказано в период правления Муссолини в Италии. Даже в США провозглашались проекты Великого общества, кое-что делалось и по части осуществления их на практике. В итоге, по сути, на всём Западе возобладали в той или иной форме социализм или неокорпоративный строй.

Этот строй, на мой взгляд, обеспечив в целом гораздо более высокий уровень жизни в странах Запада по сравнению с тем, что в своё время дал строй корпоративный, в целом оказался ущербным по сравнению с последним. Это особенно остро почувствовали многие жители ГДР, ставшие гражданами ФРГ. До объединения Германии (точнее, до поглощения ГДР хищной ФРГ) они завидовали западным немцам, их высокому

уровню жизни. Мечтая об объединении двух германских государств, они надеялись, что сравняются с западными немцами по уровню благосостояния, но при этом сохранят и все блага, которые давал им социализм. (Точно так же и советских людей либералы убеждали в том, что очень скоро весь наш народ заживёт так же богато, как живут люди на Западе, ну, а уж те социальные блага, которыми они пользовались в СССР, кто же посмеет у них отнять?) На деле же выяснилось, что жители ГДР стали в ФРГ людьми второго сорта, по доходам большинство их значительно отставали от западных немцев, а безработица на востоке страны была намного выше. А главное — в ГДР развивалась социальная инфраструктура, трудящиеся пользовались фондами общественного потребления, проводилась политика приобщения масс к высшим достижениям культуры. А западным немцам лишь платили больше денег. Ну а хочешь наслаждаться оперой — иди и покупай билет за 200 марок. Тебе заплатили деньги, и ты, как свободная личность, распорядишься ими. И большинство распорядилось так, что всё пошло на гонку потребления. В культурном отношении ФРГ стала колонией, подседа на американскую массовую культуру, чему способствовала и активная её пропаганда американцами из оккупационных войск.

Но и век неокорпоративного государства оказался коротким, и дело вновь — в изменившихся условиях развития экономической и общественной жизни. С распадом СССР США превратились в единственную сверхдержаву, безусловного гегемона не только в технологическом и военном, но и в идеологическом и культурном отношении. Переход развитых стран Запада к постиндустриальному обществу повлёк за собой быстро набиравшую темпы деиндустриализацию, перенос предприятий в развивающиеся страны с низкой заработной платой и низкими налогами. Глобализация сделала остальное. На Западе остались главные информационные операции по управлению мировой экономикой, развилась сфера услуг, а рабочие либо превращались в обслугу, либо становились безработными, живущими на пособия. Экономические и финансовые кризисы (искусственно создаваемые «хозяевами мира») покончили с социальной стабильностью. У предпринимателей в связи с успехами в сфере информатизации производства отпала потребность в большом количестве квалифицированных рабочих. Подошло к концу и «государство всеобщего благосостояния», кончается и неокорпоративизм.

Огромным массам населения стран Запада это грозит самым тяжёлым падением жизненного уровня, вплоть до угрозы ока-

заться никому не нужными, голодающими и бездомными, не способными выплачивать долги по ипотеке, медицинскую страховку и пр. А это, в свою очередь, грозит массовыми беспорядками. Революции там, как полагает большинство исследователей, быть не может, поскольку никакой прогрессивной идеи на Западе не появилось и, надо думать, уже не появится. Какие новые идеи может предложить умирающая цивилизация? А с беспорядками должен справиться новый строй, который приходит на смену неокорпоративному, его обычно называют фашизмом, хотя в действительности он может быть много страшнее фашизма. Причём организованного сопротивления он не встретит. Это в 1930-е годы западная интеллигенция проводила различные акции под лозунгом «Фашизм не пройдёт!» Сейчас на Западе иная обстановка, которую можно охарактеризовать словами из заглавия книги писателя Михаила Елизарова: «Фашизм прошёл» (М., 2011).

То, что можно считать явлением более страшным, чем фашизм, называется Новым мировым порядком, стабильность которого должно обеспечивать Мировое правительство. Так как и о Новом мировом порядке, и о Мировом правительстве в предыдущих главах говорилось не раз, я здесь не добавлю о них ни слова. Патриоты бьют тревогу по мере приближения возможности установления этого строя, либералы стараются о нём вообще не говорить. У них свой идол — постиндустриальное общество. Они рисуют картины относительно безмятежного строя, информационного общества, основанного на «экономике знаний». Вот один из образчиков такого рода утопий.

«Рай на земле» для «особо продвинутых»

Владислав Иноземцев — один из столпов российского либерализма, интеллектуал, экономист, доктор наук, специалист по инновациям, выступил на страницах «Литературной газеты» со статьей «Иная собственность». Он не затрудняет себя рассуждениями о высоких материях. Его задача — доказать неправоту тех, кто увлечён идеей коллективной собственности, стремится «поднять» коллективные предприятия и сделать их движителем современной экономики (что, по его мнению, недостижимо). Попутно он выявляет ошибки Маркса и рассуждает о судьбе собственности в исторической перспективе.

Маркс утверждал, что в разных экономических общественных формациях (в античном мире, при феодализме и

при капитализме) господствующим классам противостояли работники, у которых эксплуататор изымал часть производимого ими продукта. Частная собственность сохранилась и, по справедливому мнению коммунистических идеологов, к середине XIX века превратилась в анахронизм, сковывавший развитие производительных сил. Однако Маркс допустил ошибку, полагая, что при коммунизме доминирующее положение в обществе займут трудящиеся. Но труд никогда не был дефицитным ресурсом. В итоге социализм продемонстрировал свою тупиковость и сохранился до сих пор разве что на Кубе и в Северной Корее. А в постиндустриальном обществе, в соответствии с предсказаниями Маркса о науке как «непосредственной производительной силе», доминирующим ресурсом стал не труд, а умение продуцировать новые знания, невозпроизводимые продукты. Да, традиционная частная собственность начала терять своё значение — но на смену ей пришла новая собственность, по сути, неотчуждаемая. Феодал, вышедший из фавора короля, мог лишиться земли и превратиться в странствующего рыцаря, разорившийся капиталист становился никем в обществе, которое недавно его принимало «как родного». Но у программиста или архитектора, адвоката или врача, чемпиона в спорте или звезды эстрады нельзя отнять их умения: они всегда смогут делать то, что миллионы других не смогут никогда. Сегодня практически каждый может купить компьютер и подключиться к Интернету — а уже талант и смекалка определяют, станете вы простым юзером или превратитесь в долларового мультимиллиардера. В результате, начиная с 1970-х годов, эволюция собственности шла не от частной к коллективной (которая осталась маргинальной), а от частной к личной.

«Общество знаний» ещё более углубило имущественное расслоение. И основной вклад в такой результат внесли стремительно растущие доходы людей творческих профессий. Сегодня мало кто из менеджеров получает столько, сколько зарабатывают футболисты, теннисисты, поп-исполнители, режиссёры, дизайнеры, архитекторы или юристы. Уникальный труд ценится очень дорого, а рабочие, стоящие у станка или подвигающиеся в сфере услуг, продолжают получать гроши. И будут получать, скорее всего, ещё меньше, так как сталкиваются с конкуренцией мигрантов с «мирового юга».

В.Иноземцев сознаёт, что мир вступает в опасное время. В прежние эпохи рабочие хотели получить как можно больше, а хозяева — дать как можно меньше. Работники, действуя согласованно, могли добиться выполнения своих требований.

Сейчас всё иначе: самые неимущие классы хотят заработать больше, но не могут. А те, кто не так чтобы хочет, получают всё больше. Масштаб неприязни верхов и низов друг к другу может поэтому стать ещё более значительным, чем во времена Маркса.

Но ведь новое неравенство сложно назвать несправедливым: новый интеллектуальный класс никого не эксплуатирует. Он не принуждает остальных людей (и остальной мир) покупать свои продукты по таким ценам. Сегодня его обогащение справедливо. Какие у нас есть основания осуждать покойного Джобса? Гейтса? Баскетболиста Джордана? Режиссёра Спилберга?

Таким образом мир стоит перед дилеммой — или сорваться в «войну всех против всех», или согласиться с тем, что масштабное неравенство ныне справедливо. И потому, полагает В.Иноземцев, впереди цивилизацию может ждать новый виток конфликтов — не только беспощадных, но в данном случае и бессмысленных. Только Россия прошла мимо «экономике знаний», поэтому мы оказались не в постиндустриальном (как США), и не в неоиндустриальном (как Западная Европа) обществе, а превратились в сырьевой придаток развитого мира, в страну с такими формами частной собственности, которые существовали на Западе в лучшем случае в конце XIX столетия. А в условиях рентной экономики ни о каком значении и ни о какой ценности интеллекта не приходится и говорить. Пусть российские трудящиеся поднимаются на борьбу за лучшее будущее. Но не за возрождение коллективистской системы собственности, а за решение тех элементарных задач, за которые выступали профсоюзы и социал-демократы на протяжении большей части XX века. И не надо тешить себя тем, что эта борьба в долгосрочной перспективе будет успешной: ведь, говоря словами того же Маркса, «страна более развитая показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего». А интеллектуальной задачей российских исследователей должно стать осмысление тех поистине тектонических сдвигов, которые могут иметь место при смене частной собственности новым видом собственности — личной.

Упомянутый В.Иноземцевым Марк Цукерберг создал социальную сеть «Фейсбук», охватившую уже миллиард пользователей, — каждого седьмого жителя планеты! Цукерберг стал мультимиллиардером, ездит по разным странам, поучает глупых туземцев, как разбогатеть. Но, естественно, умалчивает о том, что идею такой сети выдвинули американские разведчики. Суть её проста: зачем нам тратить огром-

ные деньги на добычу информации о широком круге лиц в разных странах, если можно создать всемирную сеть общения, в которой сами пользователи станут рассказывать о себе и обо всём на свете, так что разведке США останется только обрабатывать полученные данные. (А о том, что в США отслеживают все потоки информации и ежесуточно прослушивают сотни миллионов телефонных разговоров по всей планете, рассказал Эдвард Сноуден, сам ранее причастный к таким операциям.) Нужен был исполнитель этого проекта, и Цукерберг идеально подошёл на такую роль. В СМИ появлялись данные о том, что и компания Гугл записывает всё, что выходит со всех компьютеров, попадающих в её поле зрения. (И эти данные передаются на суперкомпьютер в Лос-Аламосе, где они обрабатываются по специальной программе.) Сейчас это самая дорогая компания в мире, и, естественно, её основатели — люди тоже не бедные. Но, видимо, и они не стали бы «звёздами», если бы не их связи с американской разведкой.

Билл Гейтс мог в юности работать программистом, но, скотлив первоначальный капитал, стал одним из основателей главного производителя программного обеспечения в мире — компании «Майкрософт». Многие годы он считался самым богатым человеком планеты. Прославился он и тем, что выступил с обращением к миллиардерам отдать половину своих состояний на благотворительность. Гейтс с женой основали благотворительный фонд, занимающийся якобы широким кругом исследований в области сельского хозяйства, медицины, а также помощью бедным. Однако есть много свидетельств того, что этот фонд занят разработкой вакцин, призванных снизить численность населения, особенно в странах третьего мира. Можно только догадываться, кто эту «звезду» «зажигал». Видимо, те, кто основал фонд миллиардеров «Клятва дарения», этот «общак» «сильных мира сего» для установления Нового мирового порядка.

История Стива Джобса вообще потрясает. Джобс был хиппи, увлекался буддизмом, принимал наркотики, мылся раз в неделю, ходил в лохмотьях, часто ночевал на полу у друзей в студенческом общежитии, или на то, что собирал и сдавал пустые бутылки. Но вот его друг Стив Возняк изобрёл первый в мире персональный компьютер. Джобс тут же создал с ним компанию «Эппл» («Яблоко»). Джобс не стеснялся воровать идеи и разработки других и признавался в этом. Джобс по природе диктатор, тиран, человек с непомерным тщеславием и всесветными амбициями, но он признан во всём мире выдающимся организатором и компьютерным гением.

Все эти «звёзды» — не программисты, а фабриканты, на которых работают тысячи программистов, инженеров, дизайнеров. Работают «звёзды» в сфере «экономики знаний», но объективно играют роль тех же капиталистов, что и владельцы заводов в индустриальную эпоху.

В.Иноземцев представляет этих «креативных» самостоятельно добившимися успеха и зарабатывающими огромные деньги. Дескать, архитектор купил компьютер, создал проект, победил в конкурсе — и стал богатым человеком. Но в действительности архитектору, чтобы состояться, нужно не только создать уникальный проект, но и воплотить его в жизнь. А для этого нужны спонсоры и целая строительная индустрия. В СССР были гениальные архитекторы, например, Леонидов, в наследство от которого остались, как до недавнего времени принято было считать, только чертежи. И лишь недавно обнаружили в архивах, что им был спроектирован удивительной красоты заполярный деревянный город Игарка.

Основатель «журнала для мужчин» «Плейбой» Хью Хефнер был ничем не примечательным клерком. Но вот миллиардер Дэвид Рокфеллер активно включился в кампанию по сокращению численности населения планеты, и ему понадобился помощник, который начал бы новый виток «сексуальной революции». И Хеффнер стал богатым человеком, тираж его журнала стал недостижимо высоким для изданий такого рода. О том, как он эксплуатирует своих рабынь, демонстрирующих свои прелести на страницах журнала, сколько из них были убиты или покончили с собой, ходит множество ужасных рассказов, созданы телевизионные фильмы.

Наконец, легендарная рок-группа «Битлз», под чары которой попали миллиарды людей во всём мире, считалась образцом того, как четвёрка пареньков из Ливерпуля возникла как бы «из ниоткуда». Однако обнародованные недавно документы показывают, что на «раскрутку» этой группы работал целый большой институт с секретными лабораториями, разрабатывавшими методы манипулирования сознанием огромных толп. Кто же финансировал эти разработки? Нетрудно догадаться, в чьих интересах Джон Леннон провозгласил лозунг: «Заниматься не войной, а любовью». Группа внесла весомый вклад в развёртывание в мире «сексуальной революции». Затраты её спонсоров окупилась сполна.

И в России есть немало талантливых музыкантов и певцов, но на эстраде господствуют давно надоевшие «звёзды», в «раскрутку» которых были вложены большие средства. А в артистическую среду, в модельный бизнес стремятся попасть

тысячи как жителей столицы, так и провинциалов и особенно провинциалок, часто становящихся жертвой продюсеров, режиссёров или (чаще) поставщиков этого «живого товара». Сколько из них с поманными судьбами потом либо возвращались в родные палестины, либо опускались на московское дно. А что касается «звёзд» оперы или балета, то не раз звучали откровенные рассказы о том, как там (как, впрочем, и в правящих элитах Запада) всем заправляет гей-мафия.

А «звезда» футбола? Этот кумир ведь один не может выходить на поле и забивать голы в ворота команды-противника. Он работает в команде. Помнится, был в Питере случай, когда команда отказалась выйти на поле, протестуя против того, что купленным за рубежом «звездам» платят намного больше, чем остальным игрокам.

Конечно, у каждой «звезды», вероятно, есть что-то уникальное, но успех её зависит не только от её знаний, умений, редкостного таланта, но и от системы. Система и определяет, какие кумиры нужны для достижения её целей и кто наиболее подходит на роль «звезды».

Там, где тон задают «звёзды», неизбежен повальный эгоизм, «звёзды» будут чувствовать себя «сливками общества», которым не подобает смешиваться с быдлом. Это уже будет не просто классовое, а почти расовое деление общества. И дети «не продвинутых» будут обречены оставаться в «низах». Вот как об этом говорит известный врач, профессор Сергей Савельев:

«В дальнейшем произойдет огромная сегрегация общества на тех, кто занимается интеллектуальным трудом, и тех, кто не понимает, чем он занимается. Расслоение будет носить катастрофический характер. Оно должно проявиться социально. Обладающие способностями не захотят делить свой социальный уровень с теми, кто способностями не обладает».

Удивительно, что «звёзды» не задумываются над тем, что станут не только объектом обожания фанатов, но и предметом ненависти со стороны обездоленных, а значит, их жизнь будет отравлена этой ненавистью и даже висеть на волоске. Настоящие «хозяева мира», о которых в предыдущей главе говорил Михаил Делягин, живут в роскошных жилищах и отелях, надёжно охраняемых целой армией стражей порядка и потому гарантированных от появления там посторонних. «Звёздам» же приходится выступать на концертах, на стадионах, да и просто передвигаться по городу и стране, и не каждой «звезде» будет по карману содержать солидный штат охранников. Вообще жить в среде ненавидящего тебя народа морально очень тяжело, да и не безопасно.

А главное — деятели «экономики знаний» сами знаний не создавали. Знания добывали для человечества учёные и путешественники, художники и пророки, изобретатели и моральные авторитеты. Здание науки воздвигали гении и подвижники — Гераклит и Галилей, Лейбниц и Ломоносов, Ксенофонт и Маркс, Резерфорд и Алфёров. Литературу обогащали Гомер и Шекспир, Гёте и Лев Толстой. Художественную культуру развивали Фидий и Рафаэль, Моцарт и Чайковский, Родэн и Суриков... И это здание науки и культуры — общечеловеческое достояние. Есть ли среди нынешних «постиндустриалов» и элитариев хоть один, кто мог бы похвастать своим вкладом в науку и культуру, сопоставимым с вкладами великих учёных и художников прошлого? Выходит, эти людишки приватизировали знания, доставшиеся человечеству ценой подвижнического служения, усилий и жертв тысяч известных и безымянных учёных, деятелей культуры, и поставили их на службу собственному карману. Это такие же олигархи, как и укравшие в постсоветской России общенародную собственность, только не вещественную, а интеллектуальную её составляющую. Как сказал бы поэт, «это обычное воровство и растрата среди охвативших страну растрат». И вопрос об обобществлении знаний, украденных жуликами у народа, неминуемо встанет.

В целом представления В.Иноземцева о характере постиндустриального общества глубоко ошибочны и, по сути, реакционны. Их объективная цель — воспрепятствовать неизбежно наступающему процессу установлению нового социалистического строя и «раскулачивания» «звёзд», или хотя бы оттянуть этот момент. И эти его заблуждения небезобидны. К его мнению прислушиваются и в «верхах», а для либералов он вообще — их рупор и творец идеалов.

Ясно, что либералы новую идеологию, обеспечивающую прогресс во благо всего человечества, выработать не способны. А где же Русская православная цивилизация, на приход которой возлагал надежды Шпенглер, а раньше его — русские славянофилы? Её нет. Почему?

О современной России и Русской цивилизации

Мир увидел зачатки Русской цивилизации в опыте построения общества, где ликвидируется эксплуатация человека человеком, в опыте Советской России. Об этом свидетельствует громадный интерес ведущих интеллектуалов Запада к преобразованиям, проходившим в СССР. Но в России создавалось нечто совершенно другое общество, что в рамки

западного миропонимания никак не укладывалось. А оно было развитием русского национального характера и русского миропонимания. Это даже не столько понял, сколько почувствовал русский мыслитель-эмигрант Георгий Федотов, заявивший, что советский человек — не русский, а «воскресший москвит». Этим философ хотел оскорбить советского человека, а вышло так, что он его похвалил.. Да, русские ощущали себя в своей стихии в Московском государстве и в царстве Ивана Грозного. А 300-летнее правление Романовых в целом было попытками переделать русского человека на европейский («цивилизованный») лад, чему народ (в отличие от европеизированного дворянства и интеллигенции) упорно сопротивлялся. Усилия «верхов» привели лишь к тому, что Россия превратилась в полуколонию Запада, в его сырьевой придаток.

Октябрьская революция 1917 года была не только социальной, но и национально-освободительной. Белогвардейцы, в основной массе сторонники европеизации России, были выброшены из страны. И такой пронциательный писатель, как Гайто Газданов, сам оказавшийся в эмиграции, признал, что это избавление России от европеизированного слоя было для неё благом. В повести Газданова «На французской земле» он поражался нестигаемому характеру и мужеству русских военнопленных, бежавших из нацистских лагерей и вступивших в ряды французского Сопротивления. Это был невиданный на Западе человеческий тип. (Николай Бердяев прямо признавал, что большевики выковали новый антропологический тип.) Лишь первые 10 лет у власти в России господствующее положение занимали сторонники мобилизации всех сил страны на осуществление мировой революции, а не на собственное развитие. Советский строй, установившийся в СССР в конце 20-х годов, после разгрома этих «странствующих рыцарей мировой революции», был, действительно, «возвращением москвит», то есть исконно русского человека, издавна противостоящего западной породе людей.

Те зачатки Русской цивилизации, которые довольно ярко проявились в советский период истории России (хотя в это время официально Православная Церковь подвергалась гонениям и была почти полностью исключена из общественной жизни), с распадом СССР были разрушены, и перспективы их восстановления, обновления и дальнейшего развития в сознании большинства народа весьма туманны. Человечество в целом оказалось в мировоззренческом и идеологическом тупике, когда старые основы жизни утрачены, а новые ему не предложены или им самим не выработаны.

Но такое состояние рода людского очень опасно. Как отдельный человек, лишённый жизненных ценностей и ориентиров, способен на дикие, бесчеловечные дела, так и человечество в целом в аналогичном состоянии способно на самоубийственные решения и поступки. Тем более, что мир со времён Шпенглера несказанно изменился. Достаточно назвать взрывной рост численности населения планеты (причём не в развитых странах, а в тех, что было принято называть отсталыми), появление технологий, создающих условия для роста производительности и повышения жизненного комфорта, но одновременно породивших новые, ранее непредвиденные опасности (вспомним хотя бы Чернобыль и Фукусиму). Добавьте к этому крайнее обострение экологических проблем, углубление социального и культурного неравенства не только между отдельными людьми и социальными группами, но и целыми странами и континентами, не отступающую угрозу военных конфликтов с непредсказуемыми последствиями для всего живого на Земле... В такой обстановке непреходящие жизненные ценности необходимы как воздух, а их нет. Вот в такой обстановке и начался на Западе переход от неокорпоративного государства к корпорации-государству — КГ (его либералы хотят создать и в России). КГ, судя по его определению, данному Андреем Фурсовым, — это не только не то же самое, что корпоративное государство, но и его полная противоположность.

Что несёт миру «корпорация-государство»?

По А. Фурсову, корпоративное государство было нацией-государством, оно включало в себя всё население, проживающее на территории страны. А «государство всеобщего благосостояния» — это высшая и наиболее демократичная форма нации-государства. В нём средние классы настолько окрепли экономически, что реально, демократическим путём, оказались способны бросить вызов правящему слою ядра капиталистической системы. Тогда и наступил конец и демократии, и неокорпоративному государству, и началось строительство корпорации-государства (КГ), которое определяется сугубо экономическими факторами. Ему, КГ, нужно свести к минимуму издержки, а потому для него оказываются лишними те слои населения, которые потребляют ресурсы, но не приносят прибыли. «Лишними» оказываются дети, пенсионеры, женщины на поздних стадиях беременности, инвалиды, безработные и т.п. Общий принцип КГ — отсечение от общественного пирога огромных слоёв населения.

На Западе объективно вели к формированию КГ рейганомика и тэтчеризм, а в России — объективно — аналогичную функцию выполняли горбачёвщина и в намного большей степени ельцинщина.

Если корпоративное государство — это социальное государство, то КГ — это рыночно-экономическое государство, несоциальное и даже асоциальное.

Нация-государство соответствовало индустриальной эпохе: индустриальное производство требовало массового рабочего и среднего классов — в качестве как производителей, так и потребителей, обеспечивающих платёжеспособный спрос. В постиндустриальную эпоху, в системе наукоёмкого производства эти массовые слои не нужны; к тому же в эпоху глобализации индустриальное производство выводится в Третий мир.

В первой половине XX века шли мировые войны за гегемонию, и государству нужны были солдаты, требовалось национальное сплочение в борьбе со странами-конкурентами. А в период «холодной войны» хозяевам Запада приходилось откупаться от среднего и части рабочего класса, чтобы они не впали в социалистический или, того хуже, в коммунистический соблазн. Однако крушение СССР устранило причину замирения. Вот и появилось КГ — эта нисходящая линия в развитии государства, конечным пунктом которой станет его отмирание в интересах хозяев формирующейся посткапиталистической системы. Потребовались приватизация имущества и недопущение к этому процессу «остального» населения. К тому же глобальный (наднациональный) рынок финансов требует космополитизма, ослабления или даже устранения национальной идентичности. КГ и есть либерально-космополитическая структура рыночно-репрессивного типа. Новой глобальной «железной пяте» не надо непосредственно править миром, это поручено национальным правительствам. А те при этом перестают быть национальными, превращаясь во внешнеадминистративные органы ТНК. При этом КГ во многом носит внезаконный, а то и просто криминальный характер.

Формирование КГ идёт не только сверху, но и снизу — крупные корпорации превращаются в подобие государств. Именно на КГ и будет держаться Новый мировой порядок (разумеется, если ему удастся встать на ноги, если этого широко шагающего «молодца» не уймут). КГ — это социальный хищник, лишённый морали. Как полагает А.Фурсов, в ближайшие 25 лет процесс формирования КГ будет продолжаться.

КГ, бесспорно, выступает как прогресс капитала, который, однако, как это часто бывает с социальным прогрессом, осуществляется за счёт и в ущерб большинству. А. Фурсов также считает, что нынешнее российское государство — это, безусловно, формирующееся КГ. Он даже назвал его, по аналогии с Ост-Индской компанией, Вест-Российской компанией. Когда заявляется, что для государства главное быть экономически конкурентоспособным, то это уже не совсем государство, а КГ. Быть конкурентоспособным экономически — это задача фирмы. Или государства, которое превращается в фирму-государство. Отсюда наши реформы здравоохранения, образования, направленные на резкое уменьшение, если не на уничтожение социальных функций государства, и это при том, что по Конституции РФ — социальное государство.

В советское время у выпускника вуза была полная уверенность в завтрашнем дне. Сейчас у него такого ощущения нет. Власть и прибыль — вот мотивы этого государства. В КГ люди понимают, что благ на всех не хватит. Значит, нужно, чтобы ограниченные блага распределялись среди своих, а остальные идут гулять. Эти процессы идут во всём мире и воспроизводятся в том числе внутри «золотого миллиарда», даже в богатой части мира — так уж устроена система позднего капитализма — социальные перспективы, как и в мире в целом, есть только у 20% населения. Это победители, а победитель получает всё. А что делать с оставшимися 80%? В разных странах судьба этого слоя складывается по-разному. Но общая мировая тенденция налицо — выталкивание огромной массы населения из общества. Объективно это и есть одна из задач КГ.

В дореволюционной России исторически произошёл раскол на два уклада. С одной стороны — нация господ, с другой — народ угнетённых, т.е. на социальное измерение наложилось национальное. Отсюда — помимо прочего — столь жестокий характер вспыхнувшей после революции Гражданской войны. Схватились не просто угнетатели и угнетённые, но две принципиально разные этнически организованные группы — народ и нация. Народ пустил кровь нации. А нынешней России грозит перескочить к КГ. У КГ в послесоветской России — прочный фундамент. Это позднесоветские министерства и ведомства, точнее, те из них, которые в силу своего рода деятельности были связаны со спецификой выхода во внешний, капиталистический мир. (Это те, кто продавал советскую нефть на Запад и т.п.) Им очень мешало «советское государство», в

крушении которого они были объективно заинтересованы. В этом их интерес, т.е. интерес части номенклатуры, объективно совпал с интересами заинтересованных групп на Западе.

Глобализация — это, помимо прочего, пересортировка человечества. Кто-то (меньшинство) получает билет в будущее, а кто-то — на помойку. Скорее всего это будет новое переселение народов, с которым европейцам и вообще миру белых людей будет очень трудно справиться. Взрыв 2030-х годов, если он произойдёт, может весьма серьёзно изменить логику развития мира КГ, а то и просто смести этот мир — к сожалению, вместе с цивилизацией или тем, что от неё останется.

Речь идёт о глобальной смуте, к которой приближается мир и которая, по-видимому, станет ответом «слабых мира сего» позднекапиталистическому миру с его КГ.

Крушение долларовой системы, конечно же, подорвёт средний класс. В то же время оно может организовать сегменты экс-среднего класса на борьбу с «железной пятой», и рванёт революция. Часто говорят: сегодня на Западе и в России революция невозможна: налицо социальная апатия, нет революционного субъекта и т.д. Всё так. Но революция — это такая штука, которая вспыхивает мгновенно, преобразуя в момент статичную энергию в динамическую и обрушивая как прогнившие, так и прочные стены. Именно так происходили великие революции эпохи Модерна — французская 1789 года и русская 1917-го.

Владислав Сурков сказал: *«Нам бы десять лет продержаться, да еще пять лет простоять»*. Нет, у России должны быть совсем иные задачи, о чём будет сказано ниже.

России открыто угрожают

Допустим, корпорации-государства созданы во всех развитых странах, и сопротивление угнетённых там удалось подавить, возникло Мировое правительство. Обеспечит ли это устойчивость строя новой «железной пяты»?

Всегда были, есть и, вероятно, никогда не переведутся оптимисты, предсказывающие человечеству счастливое будущее. Вот и в наши дни появляется такой прогноз: *«Через десять лет будет создано Мировое правительство и наступит вечный мир. Молодёжь планеты будет знать пять-десять языков, в том числе русский. Будут изданы правдивые учебники истории государств. Кумирами человечества будут Сократ, Аристотель, Омар Хайам, Шекспир, Томас Мор, Гёте, Толстой, Чехов, Гааз, Эйнштейн, Швейцер, Фридьоф Нансен, Ва-*

вилов, Сахаров. И, наконец, человечество будет презирать тиранов, совершивших преступления против человечности».

Впрочем, по поводу Мирового правительства есть и менее восторженные суждения. Так, бывший госсекретарь и один из наиболее известных политических стратегов США Генри Киссинджер в конце 2011 года поделился своим видением ситуации в мире:

«Соединённые Штаты заманивают Китай и Россию, и последним гвоздём в крышку гроба станет Иран, который, разумеется, является главной целью Израиля. Мы позволили Китаю нарастить военную мощь, а России? — оправиться от советизации, дать им ложное чувство удали? — в целом это ускорит их крах. Мы похожи на снайпера, подбивающего новичка выбрать оружие, и когда тот только пытается предпринять что-либо, получается пиф-паф. Грядущая война будет столь суровой, что одержать победу сможет только сверхдержава, и это мы, ребята...

Мы сказали военным, что нам придётся захватить семь ближневосточных стран и завладеть их ресурсами, и они почти завершили выполнение этой задачи... Остаётся только последняя ступенька, Иран, — он полностью изменит баланс. Как долго смогут Китай и Россия стоять в стороне и смотреть за тем, как Америка проводит зачистку? Мы растормошим и русского медведя, и китайский серп и молот, и вот тогда в дело должен будет вступить Израиль. Ему придется биться со всей своей мощью, чтобы уничтожить как можно больше арабов. Если всё пойдет хорошо, половина Ближнего Востока станет израильской...

За последнее десятилетие нашу молодёжь мы хорошо натаскали на компьютерных играх-боевиках, которые «полностью отражают то, что произойдёт в ближайшем будущем. Наша молодёжь готова, потому что их запрограммировали быть хорошими солдатами. И когда им прикажут выйти и сражаться с чокнутыми китаёзами и русскими, они подчинятся приказу...

Мы построим новый мировой порядок; останется лишь одна супердержава, и она будет мировым правительством. Не забывайте, у Соединённых Штатов лучшее оружие, у нас есть такие штуки, которых больше нет ни у одного государства, и мы познакомим мир с этим оружием, когда наступит время...» («Завтра», № 36, 2013).

Хотя Киссинджеру уже 90 лет, не следует считать приведённые его высказывания проявлением старческого маразма. Во-первых, через несколько месяцев после этих слов Киссинджер в Москве, 4 марта 2012 года, встречался с Пу-

тиным. Разговор продолжался несколько часов. А с выжившими из ума стариками Путин не стал бы так обстоятельно беседовать. Да и Евгений Примаков считает Киссинджера «выдающимся политиком. *Может быть, таких всего несколько было, особенно в XX веке*». И главное в нём то, что *«он всё время исходит из реальной обстановки»*.

Но как же Путин мог общаться с этим идеологом могущественных враждебных России сил? Шамиль Султанов, который комментирует интервью Киссинджера, отвечает: на самом деле тот ничего особо сенсационного и не сказал.

Не секрет, что американская элита готовится к большой глобальной войне. Высший истеблишмент США един по поводу необходимости такой войны, где решающую роль должно сыграть высокоточное оружие шестого технологического уклада.

Вопросы и противоречия возникают по поводу того, когда именно начать такую войну. Одна часть американской элиты — это военно-разведывательное сообщество, главным рупором которого является Збигнев Бжезинский. Она исходит из того, что Соединённым Штатам необходимы 5—7 лет, чтобы наилучшим образом подготовиться к этому решающему столкновению. Другие же, взгляды которых выражает Г.Киссинджер, утверждают, что Америка к такой войне уже готова: и экономически, и идеологически, и технологически. Как они спорят, я опускаю, это не так важно, как то, что оба клана готовят мировую войну с целью установления Нового мирового порядка во главе с Мировым правительством. Как видим, зря супероптимисты возлагают на Мировое правительство столь радужные надежды на вечный мир и всеобщее благополучие.

Но и пессимистических прогнозов также не счесть, начиная от Апокалипсиса и кончая предсказаниями скорой третьей мировой войны, ядерной, которая приведёт к гибели человечества. Писатель Виктор Пронин полагает, что такой же финал возможен и без ядерной войны — роковую роль сыграют любознательность и фантазия человека (как бы повторится история грехопадения Адама и Евы):

«Мечтами, сказками, фантазиями человек прогнозирует будущее. Сбылось всё, о чём он мечтал раньше — ковёр-самолёт, Икар, яблоко по блюдечку и так далее. Теперь человек думает о телепортации, левитации, другом измерении... Он доиграется!»

Конечно, раз человек добрался до собственного генома и начал копать в нём, пытаясь исправить то, что создано Господом Богом (или Природой за миллионы и миллионы лет

эволюции жизни), то добром это не кончится. Ведь одни копаются, чтобы избавить человечество от врождённых уродств и неизлечимых болезней. Другие — чтобы вывести породу сверхчеловеков, которые в самом важном будут многократно превосходить нынешних людей (а в других отношениях будут хуже — таков закон мироздания: прогресс в одном направлении оказывается регрессом в другом). Третьи — чтобы изобрести генетическое оружие, которое позволит сразу решить главную задачу — сократить численность населения планеты в 7—10 раз... Кто-нибудь из них, сам того не желая (роковые ошибки в этом деле весьма вероятны), положит конец существованию гомо сапиенс как вида. Ведь был, говорят, случай, когда в результате манипуляций с геномом стали появляться дети отменного здоровья, но... исключительно мальчики. Будь этот эксперимент распространён на всё человечество, оно прекратило бы своё существование уже в следующем поколении. Не меньшими опасностями грозят фальсификация продуктов питания, использование генетически модифицированной пищи, пренебрежение требованиями экологии, даже, как предупреждает профессор Иван Неумывакин, дальнейшее интенсивное использование химических удобрений почвы...

Смертельной угрозе, которую несёт человечеству не природный катаклизм, эпидемия или космические пришельцы, а сам человек, посвящена и книга Василия Галина «Политэкономия XXI века. Последняя цивилизация» (М., Алгоритм, 2013). Это страшная книга, как признаёт сам её автор. Он пишет: сегодня каждый житель планеты ощущает наступление каких-то неведомых и грозных времен. Как будто тяжёлая тёмная душливая туча медленно опускается на землю. Что это? Чем она грозит человечеству? И писатель предупреждает: счёт идет даже не на десятки лет, всё уже происходит на глазах и при участии нашего поколения. Поэтому и возникла необходимость привлечения внимания к существующей угрозе, для того что бы стимулировать более энергичные поиски новых путей развития.

Возможен ли Новый мировой порядок с Мировым правительством?

И всё же — даже если США устоят после новой волны кризиса, а Мировое правительство приступит к своим обязанностям, утвердятся ли Новый мировой порядок? Я утверждаю: нет, не утвердятся. Причин на то много, но об одной, установленной наукой, редко вспоминают. Между тем клас-

стики этологии, в частности, Конрад Лоренц, установили: человечество устроено так, что если бы оно вдруг оказалось в составе единого государства, оно буквально на следующий же день раскололось бы на два враждующих между собой лагеря. Люди живут, руководствуясь системой распознавания «свой — чужой». Они могли бы объединиться, если бы возникла опасность извне, вроде необходимости защиты от угрозы падения на Землю гигантского астероида или нашествия инопланетян с враждебными целями. А в состоянии, когда роду людскому извне никто и ничто не угрожает, люди будут вести себя так, как они ведут себя сегодня. Такова биология человека и социальная организация человечества.

О политических, экономических, социальных проблемах человечества говорят и пишут непрерывно, а о природе человека — редко и не вполне серьёзно, не углубляясь в суть дела. И дело здесь не в том, что на Земле перевелись умные люди, мудрецы и пророки (хотя временами такая мысль и приходит невольно в голову). Тут нужен какой-то экзистенциальный прорыв, который привёл бы к появлению нового мировидения, но неясно, совместимо ли всё это с природой человека — такой, какой она исторически сложилась. К этой теме я вернусь чуть позже.

Но то, что установление и длительное существование Нового мирового порядка во главе с Мировым правительством невозможны, не означает, как я уже писал, что не будут предприняты попытки этот замысел закулисных «хозяев мира» осуществить. И это возлагает на Россию особую ответственность за судьбы человечества.

От России требуется невозможное

Если исходить из реалий, то надо полагать, что XXI век будет крайне жестоким. Борьба государств и надгосударственных образований за гегемонию в обстановке обостряющегося дефицита природных ресурсов и одновременно демографического взрыва достигнет своего апогея.

Россия вступает в эту борьбу предельно ослабленной, только начинающей подниматься после погрома, учинёнными либеральными реформами. Большинство россиян слабо представляет себе масштаб этого погрома.

Когда-то бывший министр обороны РФ генерал Игорь Родионов заявил: разруха в стране, ставшая следствием «реформ» Горбачёва и Ельцина—Гайдара (а точнее — их американскими хозяевами-советниками) оказалась страшнее той, что была причинена во время Великой Отечественной вой-

ны. Сначала мне это показалось преувеличением. Но сейчас видно, что это была сухая правда. Ведь во время войны была опустошена наша территория от западной границы страны до Волги, от Кольского полуострова до Кавказа. А либеральные реформаторы уничтожили промышленное и сельскохозяйственное производство на пространстве от Смоленска до Тихого океана и от Диксона до Дербента. При этом был разрушен также научный и кадровый потенциал страны, вследствие чего во всех сферах её жизни воцарился вопиющий непрофессионализм. Тут невольно вспоминаются древние египтяне, построившие свои три великие пирамиды, которые стоят тысячелетия. Но затем по каким-то непонятным причинам они утратили свои знания, навыки и мастерство, и от того, что ими было построено позже, остались только груды щебня. И произошла эта деградация за очень короткий срок.

Подорван также моральный дух нации. Преждевременно ушли из жизни 10—15 миллионов наших сограждан. Телесное, умственное и духовное здоровье миллионов россиян подорвано алкоголем, наркотиками, распространением воровства и иных видов преступности, беспризорности, проституции, болезней, которые в СССР были практически ликвидированы. Поэтому возродить Россию ныне будет много труднее, чем после Гражданской войны, нэпа, Великой Отечественной.

Экономика России остаётся преимущественно сырьевой. Промышленность и сельское хозяйство разрушены, армия небоеспособна и оснащена устаревшим вооружением. Только начавшийся процесс восстановления мощи России подкосил мировой финансовый кризис, в который мы добровольно влезли по милости наших либералов во власти. Он ещё более ослабил страну, и её руководители уже открыто признают: в ближайшие годы нам облегчения жизни ожидать не следует. (Впрочем, это чувствует каждая рядовая домашняя хозяйка после очередного похода в магазин, и каждый владелец квартиры, получая новый счёт за услуги ЖКХ, и каждый гражданин, переживающий за то, как урезается бюджет страны, особенно статьи, с которыми связаны надежды бедных.)

Но самая большая слабость России — это сегодняшний деморализованный народ, лишённый идеологии (без которой никакая нация не может полноценно существовать). Его упадок и начался с утраты наступательной идеологии, осознания своей исторической миссии противостояния западному варварству. А значит, и его подъём должен начаться с

воссоздания идеологии, отвечающей обстановке в мире и новым задачам развития страны.

Многие, в том числе и во власти, полагают, что на место поверженной коммунистической идеологии придёт Православие. Это глубочайшее заблуждение, и его развеял не какой-нибудь коммунист, а сам глава Дома Романовых великий князь Николай Романов (прапраправнук Николая I и троюродный племянник Николая II). Вот его главный довод:

«Не хочу обидеть нашу Русскую Православную Церковь, которая пострадала так, как никто не пострадал во время коммунистического режима, и которая смогла с трудом сохранить живым пламя религии, но христианство никогда не будет идеей для нашей нации. Коммунизм — это была идея, а христианство — это религия. Не надо смешивать эти понятия».

Но идеология у народа зарождается, и, как ни странно, помогил в этом «новые русские». Прежде они, как и большинство народа, испытывали комплекс неполноценности перед Европой, даже перед «культурной, европейской» Прибалтикой. А теперь россияне, десятилетиями жившие как бы в огромном загоне, поехали по зарубежью, повидали свет. Снизу вверх мы продолжаем смотреть, пожалуй, только на американцев, а Европа стала просто местом, где «новые русские» могут хорошо «оттянуться». Туземцы же смотрят на них со смешанным чувством страха, ненависти и угодливости (как и полагается смотреть побеждённым на победителя). «Постсоветская Европа» мгновенно превратилась для нас в глухую провинцию.

Надо различать патриотизм подлинный, патриотизм государственников, и патриотизм ложный, казённый, западнический. Подлинный патриотизм исходит из понимания, что **Россия — не европейская держава**. Если она страна атлантическая, то обязана деградировать и угасать (как вся Европа). И тогда непонятно, как она выходит на Тихий океан. Нет, **Россия — страна тихоокеанская**, то есть держава будущего (всего лишь имеющая несчастье граничить с атлантическим регионом). Соответственно надо строить и внешнюю политику, в том числе и отношения со странами Балтии. Надо уважать самих себя, тогда нас станут уважать и другие. А напрашиваться в друзья к тем, кто дружить с нами не желает, — и накладно, и постыдно. **Будем же самими собой, форпостом Азии в Европе, а не базой Запада на Востоке.**

Но пока наш народ расколот сверху донизу, ощущает несправедливость существующего общественного устройства и грубое попрание принципов равенства. И, к сожалению, в

руководстве страны преобладают либералы, преимущественно питерцы. Ну, о них надо говорить особо.

Питер — «окно в Европу» или сточная канава Европы?

Питер — это «окно в Европу», а по сути — отстойник «канализационных стоков» — ядовитых продуктов разложения умирающей культуры Запада. Кажется, на питерцах всегда стояло клеймо: *«западник от рождения»*. Будь он полнейший либерал или либерал-государственник, питерец убеждён: Россия — часть Европы, это страна, принадлежащая к европейской христианской цивилизации.

Так, 17 января 2009 года Владимир Путин, находясь в ФРГ, выступил с речью, в которой в очередной раз высказал свое убеждение в том, что мы — россияне и немцы — *«живем в одном доме, разделяем одни и те же ценности... были воспитаны в общих культурных традициях. Россия и Германия, Россия и Европа тесно связаны своей историей и будущим. Нас связывает общая судьба... Россия и Европа всегда были частью единого цивилизационного пространства, частью христианского мира с общим мировоззрением, с толерантностью по отношению к другим цивилизациям, с общими моральными критериями, общей нравственностью. Влияние Европы на Россию неоспоримо. Бесспорна также и роль нашей страны, которую она играла для европейцев посредством своего искусства, культуры, литературы и посредством своих научных достижений... Россия сделала стратегический выбор в пользу развития демократии и экономических реформ, а также построения правового государства»* (выделено мной. — М.А.).

Меркель охотно поддержала этот тезис Путина. Позднее в Москве побывал председатель Еврокомиссии Жозе Баррозу. И он тоже заявил, что *«Россия — такая же европейская страна, как и все остальные. Мы — люди одной цивилизации»*. Об общности цивилизационных основ России и Европы говорили и генеральный секретарь НАТО, и другие высокопоставленные западноевропейские деятели.

Европе создание Единого экономического пространства России, Казахстана и Беларуси было преподано (в частности, через статью Владимира Путина в немецкой газете «Зюддойче цайтунг» от 25 ноября 2010 года) как этап создания «Большой Европы от Лиссабона до Владивостока».

В нашей стране разговоры на тему единства с Европой стали популярными со времён Горбачева, для которого «включение СССР в семью цивилизованных наций» стало ключевой задачей. У нас охотно цитировали генерала де Голля, выдвигавшего

нувшего идею о единстве Европы от Атлантики до Урала (позднее — даже до Владивостока). Ельцин подхватил эстафету от «лучшего немца», его самолюбие льстило, что он (якобы) входит в клуб великих мира сего.

Путин, придя к власти и находясь в окружении «демократов», «западников» по определению, не мог отказаться от подобных установок. Хотя он уже не раз убеждался в хищническом отношении европейцев к России, всё же, видимо, и сам, как большинство «питерцев», внутренне разделял это убеждение, чему способствовал опыт его пребывания по службе в Германии (пусть и в Восточной). Дмитрий Медведев, тоже «питерец», с первых своих шагов на посту президента РФ стал говорить даже о единстве «евроатлантической цивилизации» — пространства, кажется, от Лиссабона до Ванкувера (естественно, с запада на восток)... Подобных высказываний российских политиков можно привести немало.

Замечу: все это было сказано уже после событий августа 2008 года, когда США были на волосок от войны с Россией. И ЕС был целиком на стороне США.

В связи с военным конфликтом в Сирии обстановка накалилась еще больше, чем в 2008 году. И снова ЕС, хотя и уклоняется от участия в военной акции в Сирии, — в целом на стороне США.

На фоне таких действий США и их союзников по НАТО становится понятным заявление начальника Генерального штаба ВС РФ генерала Валерия Герасимова: *«Вооружённые силы Российской Федерации готовы к крупномасштабной войне»*. А министр обороны РФ генерал Сергей Шойгу раскрыл план создания в Москве Ставки Верховного Главнокомандования, из сверхбункера которой президент сможет управлять не только Вооружёнными силами и другими силовыми структурами, но и экономикой страны.

И вот Збигнев Бжезинский, ещё недавно мечтавший о расчленении нашей страны, в своем последнем труде «Стратегическое прозрение» неожиданно призвал Запад к созданию союзного пояса «от Ванкувера до Владивостока». И более того — заявил, что без России Западу уже не выжить в принципе. Правда, он выдвинул такие условия интеграции России в западную цивилизацию, с которыми нам невозможно согласиться. А британский премьер Дэвид Кэмерон выступил с идеей единой Европы — государства (а не федерации стран) от Атлантики до Урала, *«территории мощных инноваций и единой политической воли»*. То есть Московии предлагают влиться в единую Европу (надо думать, под главенством Англии — самого верного союзника США). Словом, соблазня-

ют и заманивают. Но тогда возникает естественный вопрос: а за Уралом образуется некая свободная территория, где США, ЕС, Китай и Япония смогут делить гигантскую территорию и недра Сибири и Дальнего Востока между собой? Российские лидеры, охотно рассуждающие о цивилизационной общности России и Европы, оставили эти беспардонные заявления без ответа.

Если российские руководители говорят о единстве Европы и России из соображений дипломатического этикета или экономического прагматизма, то это объяснимо. Если же они и в самом деле верят в то, что говорят, то они допускают геополитическую ошибку, которая при определенных условиях может стать для России роковой. Попробуем на примере цитировавшейся речи Путина разобраться в том, насколько оправдан тезис о цивилизационном единстве России и Европы.

Европа — «христианский континент»? На этот счет у серьезных исследователей есть серьезные сомнения. Известный немецко-американский философ, психолог и социолог Эрих Фромм (1900 — 1980) в своей книге «Иметь или быть?» (М., 1986) прямо поставил вопрос: «Является ли западный мир христианским?», и ответил на него отрицательно: «...христианизация Европы была в значительной степени мистификацией... Короткий период христианизации закончился, и Европа возвратилась к своему изначальному язычеству», причём в германском варианте, поскольку она была результатом завоевания древними германцами. А «германцы, — свидетельствуют историки, — занимались земледелием ради необходимости и предпочитали ему войну и грабёж». Церковь пыталась их цивилизовать. Но когда на смену католицизму в северной части континента пришёл протестантизм, особенно разные оттенки кальвинизма, который знаменовал отход от Нового Завета к Ветхому Завету, то с христианством в Европе, по сути, уже тогда было покончено. А ныне оно там вообще в загоне. В Конституции ЕС не говорится даже о том, что христианство стало основой европейской культуры и государственности. В Париже в громадный собор даже в воскресенье приходят на службу несколько десятков прихожан. Это уже не та Европа, какой она была хотя бы сто лет назад.

Столь же сомнителен тезис о цивилизационной общности России и Европы. Европа всегда смотрела на русских как на варваров. Австрийский канцлер Меттерних говорил, что Азия начинается к востоку от Вены. Фридрих Энгельс рассматривал Западную Европу как единую культурную область со Скандинавией, Польшей и Венгрией в качестве форпостов. А то, что лежит к востоку от этих форпостов, он считал областью варварства.

Европа, обделённая природными ресурсами, всегда смотрела на русских с их несметными природными богатствами со смесью страха, алчности, зависти и презрения. Журналист Д. Косырев отмечает: «...нигде — ни в Китае, ни в Индии, ни в Японии, ни на Ближнем Востоке — нет такого полного, абсолютно, наивного и по-детски жестокого непонимания России, как в Европе. Между Россией и Европой стоит какой-то невидимый железный занавес. Проникая сквозь него, оказываешься как бы среди марсиан, которые выглядят, как мы, но мыслят абсолютно по-иному, а главное — не имеют никакого понятия о множестве фактов, которые, вроде бы, очевидны. И не хотят иметь это понятие» («Дипкурьер НГ» от 03.02.2000). Впрочем, то же отмечал еще в XIX веке русский мыслитель Николай Данилевский, автор классического труда «Россия и Европа».

Ну и о каком же общем мировоззрении у русских и европейцев может идти речь? Как могут быть у них общие моральные критерии, общая нравственность? И, следовательно, как РФ и ЕС могут считаться частью единого цивилизационного пространства?

О толерантности европейцев по отношению к другим цивилизациям можно говорить только со скрытой насмешкой. Как раз именно мировидение европейцев отличает органическое неприятие иных цивилизаций и культур, поэтому европейцы истребляли целые народы, «не доросшие до рынка» и до «прав человека» (под которыми они имеют в виду права только «белого человека»).

Европейское миропонимание основывается на принципе свободы, русское — на основе равенства. Европейцы ратовали за свободу предпринимательства и конкуренции, а государству отводили роль «ночного сторожа», призванного охранять права собственников. Русские же сформировались изначально как народ государственников, и для них служение Отечеству всегда считалось первой из добродетелей.

А в наши дни произошёл предсказанный Освальдом Шпенглером окончательный закат Европы. Она превратилась в Европу обывателей, не желающих трудиться и нанимающих на непрестижные работы гастарбайтеров из стран Востока, в общество потребления, подпавшее под экспансию «кока-колы» и «Макдоналдса». В политическом и военном отношении она зависит от США. Европа стала малой величиной в науке (сейчас центры исследований — это США и Дальний Восток) и полностью деградировала в культуре, став поставщиком преимущественно бессмысленной антихудожественной продукции. Русский мыслитель Констан-

тин Пчельников метко заметил: «*Сегодняшние европейцы — олигофрены... Им — труба*». Да и Путин, сделав ставку на наше «интеллектуальное превосходство», тем самым как бы сказал Западу: «*Вы — дебилы!*»

Рядового питерского интеллигента не убеждают никакие уроки истории, свидетельствующие о том, что Запад (расширенная Европа) — это враг всего остального человечества и, прежде всего, России. Питерец может сталкиваться с фактами враждебности европейцев к России, с их требованиями передачи им российских ресурсов, с возведением нового «санитарного кордона» вдоль наших границ — от Баренцева моря до Чёрного и далее до Каспия. Он при этом сердится, порой огрызается. Но мысли о принципиальной несовместимости России и Европы принять не может. Тем более осознать: **Россия — это АнтиЗапад, а Запад — это АнтиРоссия**. Кажется, лишь саммит «Россия — ЕС» в Екатеринбурге, где лидеры Европы выступили единым фронтом против России, навязывая нам тиранию сексуальных меньшинств, показал Путину, что мы имеем в лице европейцев какую-то иную расу человекоподобных существ, уже не вполне людей.

Питерцы сознательно или бессознательно проводят не вестернизацию России, а её европеизацию. Можно в процессе модернизации страны усваивать зародившиеся на Западе достижения научно-технического прогресса (компьютеры, волоконно-оптическую связь и пр.) при сохранении национальной самобытности. А европеизация — это стремление насильственно вписать страну в систему западных ценностей (признаваемых за общечеловеческие) с подавлением чуждой им нашей национальной культуры.

Жители Санкт-Петербурга, конечно, возмутятся таким нигилистическим отношением к городу Петра, увидят в этом зачеркивание славных страниц российской истории. Но в этом проявляется еще и некое трагическое недоразумение. Петербуржцы поголовно уверены, что они живут в *городе Петра*. А живут-то они не в городе Петра, а в *городе Екатерины (Второй)*!

Город Петра (именовавшийся, кстати, не Санкт-Петербургом, а *Санкт-Питербургом*) — это город-мастерская, город-экспо, город-наucoград. Его изначальный смысл — стать очагом освоения передовых технологий, из которого техническое просвещение начнет расходиться по всей Руси великой.

Но от этого города осталось, наверно, меньше, чем от императорского Рима в современной столице Италии. Петропавловская крепость, Адмиралтейство, кунсткамера... — знатоки города дополняют куций список.

А остальное классическое наследие бывшей столицы, которым так гордятся её патриоты, — это позднейшие памятники, восходящие к временам Екатерины II. Город Екатерины — это не петровская всероссийская мастерская, а русское Монте-Карло — утончённое великолепие, призванное услаждать глаз элиты на пути в Париж да редких заезжих иностранцев. Если бы питерцы лучше представляли подлинное предназначение своего города, они бы стали самыми яркими сторонниками свёртывания «рыночных реформ» и развёртывания реиндустриализации страны. Как Пётр дерзко вынес столицу на самую границу с тогдашним передовым миром, так и идеальные петербуржцы должны бы ратовать за перенос нынешней столицы на Тихий океан — пусть даже за счёт своего статуса.

Увы, Петербург для современного истэблшмента — это не город-мастерская, а «культурная столица». Если буквально воспринять это название, то получится, что Россия в культурном смысле — это один большой Петербург, а в последнем русская культура сконцентрирована до столичной кондиции.

Но мы все знаем, что лэйбл «культурной столицы» — это лукавство. Не столица русской культуры имеется в виду, а культурный анклав Запада на территории России. Петербург — это заповедник интеллигенции, во многом связанной ещё со старорежимной, дореволюционной интеллигенцией (естественно, либеральной). Куда у большевиков (в силу их загруженности столичными делами) по-настоящему не дотянулись руки.

Вот оно что, оказывается! Только если осознать, что культурой называется та, старорежимная культура, тогда и можно понять, почему так носятся с «культурной столицей». Но можно ли считать её культурой?

Может ли один «культурный человек» говорить другому такому же, увидев в окне строителя или дворника в нелепых рабочих одеждах: «Глянь, вон какое чучело!»? А ведь «видные деятели культуры» нигилистически не замечают, что большевизм явился определяющим течением в истории России XX века. Они готовы разглагольствовать о чем угодно «культурном», но категорически не желают отдать дань восхищения советскому строю, можно сказать, реанимировавшему русский народ, не чувствуют в себе потребности верой и правдой служить ему. Поэтому как раз они уподобляются таким псевдокультурным хамам!

Вот и получается, что Петербург предписано ценить как заповедник космополитической культуры. А с учетом размещения этого заповедника на территории России — еще и куль-

туры хамской, являющей собой уменьшенную модель идеологии «золотого миллиарда». Так что здесь не призыв затопить город водами Невы, чтобы, как говорил Гитлер, «навсегда скрыть его от глаз цивилизованного человечества», а желание петербуржцам пересмотреть взгляды на свою историю. И понять, что развертывающийся курс на разрыв с Европой для нынешней России столь же актуален, сколь был актуальным и курс Петра на (насильственное) вхождение в неё.

Для нашей нынешней власти признать, что конфронтация между Западом и Востоком по большому счёту непреодолима (что ещё раз подтвердила политика властей прибалтийских стран, Польши, Украины и Грузии во время грузино-южноосетинского конфликта в августе 2008 года), — значит признать, что вся советско-российская внешняя политика с 1985 года была преступной. А ведь за это могут и призвать к ответу.

Правда, заблуждение о принадлежности России к европейской цивилизации разделяют с питерцами и москвичи, и провинциалы, включая лидеров патриотической оппозиции, но я воздержусь от цитирования их опусов.

Нет у нас политиков, которые понимали бы (и открыто об этом заявляли), что Россия — не Европа, а Анти-Европа. Сколько бы ни разглагольствовали отечественные властители умов об общности религии, культуры, традиций, они стараются обойти стороной один вопрос: о непреодолимой разнице в плане **ценностей**: русские всегда будут жить отрицанием частной жизни и частного права, а с этим путь в Европу заказан.

И это главное, а вовсе не idiotский вопрос: что такое Россия — Европа или Азия, Запад или Восток? Это игра в терминологические напёрстки. «Европа» — это понятие концептуально положительное, т.е. описывает регион, в известной мере объединённый теми или иными традициями, где каждый из его членов воспринимает других как своих. Напротив, «Азия» — понятие малосодержательное, по сути оно обозначает часть Евразии, не входящую в Европу, только и всего. Можно говорить о европейской культуре, европейской традиции, но не существует ни азиатской культуры, ни азиатской традиции — географическая Азия представляется собой разрозненное семейство культурных регионов. Равно как нет и не будет никакого Азиасоюза в подражание Евросоюзу. Поэтому спорить о принадлежности России к Европе или к Азии — это всё равно, что вести спор, в чем лучше измерять скорость — в метрах или килограммах. Но то, что Россия существует именно в жёсткой оппозиции к

Европе и к её ценностям (а значит, и никогда не станет её частью) — несомненный факт.

А из непонимания такой оппозиции вытекает непонимание происходящего в мире, извращённое представление о путях развития России, при котором наша страна может быть только объектом воздействия других государств, а не субъектом, творцом истории. Вот почему исход всемирной борьбы за лидерство, а для России — ещё и за сохранение её как независимой державы, отнюдь не предreshён.

То, что Россия должна противостоять Западу, не означает принципиального отказа от участия во всех его детских или старческих играх. **Мы должны быть открытыми миру, а значит, и быть причастными к тому, чем живёт мировой обыватель. Но мы обязаны нести свою высокую миссию, не забывая о ней ни на минуту.**

Объективно все условия для победы России есть (от самых больших природных ресурсов до самого одарённого в творческом отношении народа), однако пока слаб лишь субъективный фактор. «Новые русские» проявили себя только как паразиты, «старые русские» («совки») тянут страну в отжившее советское прошлое, «пещерные русские», видящие идеал в дореволюционной России, совсем «заблудились в эпохе». Для нашей победы нужны «грядущие русские», вопреки мнению об «исчерпании страной лимита на революции» понимающие, что уже одно лишь осознание необходимости для России восстановления её лидирующей роли в мире само по себе будет революцией, поскольку вновь поставит под сомнение власть Мирового Капитала (она в современном мире политкорректно называется «рыночной экономикой»). Конечно, надвигающаяся в России революция не будет похожа на переворот 1917 года, поскольку в истории события, если и повторяются, то неожиданным, а не ожидаемым образом. Тем не менее она неизбежна. Ибо таков закон истории человечества, что оно переходит к новым этапам своего развития через революции. И перед колоссальными переворотами стоит не только наша страна, они потрясут весь мир. Отказ от установки на революцию — это политическая смерть для любого общественного деятеля.

Но откуда возьмутся эти «грядущие русские»? Да из той же России, которую мы имеем. В которой огромная масса людей подсознательно не приемлет установленные порядки, но не может адекватно реализовать своё восприятие. И если дать им нужное умственное направление и организовать, то на наших глазах из дезориентированной аморфной массы вырастет «гегемон» будущей русской революции.

Я не поклонник лидера национал-большевиков Эдуарда Лимонова, но согласен с ним в том, что чиновники могут управлять страной с устоявшимся общественным строем. Но *«созидают новые общества революционеры, а не чиновники!.. России нужны будут дворяне-опричники, делатели чёрной работы жестокого построения новой России. А все нынешние лидеры предлагают лишь реставрацию... Будущим опричникам, находящимся сегодня на дне жизни, нужен свой царь, который извлечёт их со дна и скажет им: «Сегодня ты студент, рокер, милиционер — никто, а я облакаю тебя властью... Всё, что добудем, будет наше, страна будет нашей. Короче, был ничем — станешь всем».* Вот за это люди пойдут совершать подвиги, делать революцию, убивать врагов, строить государство. За деревянный рубль и за посулы неопределённого светлого будущего — уже не пойдут...

Русскую Державу нужно будет созидать на совершенно новых принципах, на энергии и жестокой подчас свирепости... созидание нового невозможно с «бывшими»... .. Грядёт национальная революция против бояр во имя России. Будущее — за радикалами. Ибо Россия — всё, остальное — ничто!»

Да, новые русские лидеры выйдут не из благородных пансионов, а из смертельной борьбы за независимую Россию.

Нынешние преобразователи России пытаются осуществить свои планы, опираясь на часть правящей элиты — очередную «партию власти» из дорвавшихся до власти чиновников, которых расстраивает сама мысль, что они должны служить какой-то высокой идее. А нужна организация совершенно иного типа, скорее напоминающая опричнину или рыцарский орден. И эта партия-орден решительно отбросит то, что для «демократов» всегда было «священными коровами», — многопартийность, прямые выборы, разделение властей, профессиональный парламент и пр.

Многопартийность губительна для России: она изначально раскалывает на части российское общество, всегда выше всех добродетелей ценившее равенство, вплоть до склонности к уравниловке. Она мешает стране собраться воедино, а значит, и не даёт восстановить ей свои позиции в мире. «Одно государство, один народ, один вождь!», — говорили в Германии в 1930-е годы. Советские люди того времени тоже считали, что они живут в одной стране, краше которой нет на свете, составляют один советский народ, строящий светлое будущее под руководством одного Вождя, только в Германии основой идеологии был нацизм (даже расизм), а у нас — пролетарский интернационализм (с растущей под его оболочкой имперской державностью). Нынешние российские

партии показали, что они эфемерны, искусственны. Эксперимент с «государственнообразующими» системами партий у нас не удался (и в обозримом будущем успехом не увенчается), и надо его прекратить. Пусть партии действуют за кулисами политической сцены, выдвигают на местах своих кандидатов и агитируют за них всеми дозволенными способами, такая честная конкуренция будет только полезной.

Ненужно будет и прямое голосование (когда кандидат баллотировался прямо в высший орган, минуя нижестоящие). Нужны ступенчатые выборы, когда высший орган представительной власти формируется из представителей нижестоящих органов. Эта система существовала в СССР до 1936 года, после чего, как «во всех цивилизованных странах мира», была заменена системой с «всеобщим, прямым, равным и тайным» голосованием. Но система прямых выборов во всём мире приводит к появлению феномена «кочующих кандидатов», «кандидатов-варягов»: даже в советские времена кандидату «милостиво соизволяли», чтобы их кандидатуры выдвинул трудовой коллектив откуда-нибудь из Пошехонья, о местоположении которого они часто даже понятия не имели. Сколько нынешних депутатов Госдумы и сенаторов — такие же «варяги» (вроде Кобзона — представителя Бурятии)! А своих должен представлять свой. Значит, имеет смысл оставить всеобщими только местные выборы, где все своих знают или должны знать. А более высокие органы представительной власти должны уже ступенчато формироваться из представителей органов нижестоящих.

Напомним, чем Советская власть отличается от власти Советов. Власть Советов — это... власть Советов различных уровней (существовала в 1920-е годы). А Советская власть — это диктатура правящей партии (вошла в силу с 30-х). Я уверен: **Россия строилась и будет строиться, условно говоря, не по модели «власти Советов», а по модели «Советской власти» — сильной централизованной властной структуры**, в большой степени независимой от избирателей. Да и нынешняя маломощная Дума — подтверждение этой тенденции. Поэтому роль будущих представительных органов в России — только законосовещательная. Россия должна управляться не «народными избранниками», не парламентом. Поэтому и не надо ориентировать людей на то, чего не будет, ратовать за расширение полномочий нынешней Думы и пр.

Означает ли это, что российский парламент будет такой же «машиной для голосования», как в советское время? Вовсе нет. Парламент действительно вряд ли будет в состоянии принимать важные для страны решения, особенно в период,

когда потребуются решительные и жёсткие меры для восстановления утраченных позиций страны, что неизбежно вызовет к жизни сильную власть высшего органа, состоящего из единомышленников и способного проводить выработанную политику без колебаний и отклонений. Но он может эти решения обсуждать, высказывать мнение, критиковать проекты решений и практику их осуществления. Парламентская трибуна должна стать гласом народа — фактором вспомогательным, но в отдельные моменты могущим стать достаточно весомым. Плюс к тому, чтобы знать, о чем думают люди на местах, надо, как и в советские времена, выезжать в народ.

А каким должен быть статус народного депутата? В ранне-советские времена был предпринят смелый эксперимент по формированию корпуса «депутатов-любителей» (работавших депутатами без отрыва от производства). Жизнь показала утопичность буквального понимания такого «любительского законотворчества», но депутат всё равно оставался «политиком от сохи». В ельцинской России решили вернуться к старой испытанной модели профессионального парламента, привычной по опыту стран Запада и недолгому опыту дореволюционного парламента России — Государственной Думы. Но если **центр тяжести деятельности нового парламента переместится с законотворчества на официальное выражение народного мнения**, опять же никто лучше депутатов от населения, занятых на производстве (и, следовательно, так же, как и все, видящих плоды деятельности правительства), этого сделать не сумеет. Поэтому, можно думать, имеет перспективу всё-таки не профессиональный парламента, разъезжающийся на короткие каникулы, а «парламент любителей», периодически собирающийся на сессии, — только почаше, чем в советские времена, и на более долгий срок. К тому же и круг вопросов, которые надлежит обсуждать парламента, может быть значительно расширен.

В экономическом отношении, поскольку сразу все виды частной собственности (приватизированные квартиры и пр.) отменить будет нельзя, **Россия на пути к несоветской России пройдёт через стадию корпоративного государства**. И это государство должно существовать не на налоги с населения, а за счёт производства «добавочного прибавочного продукта», по Марксу, или инноваций, выражаясь по-современному.

Конституция — это не пустая бумажка. Это зафиксированное через Основной закон самовыражение общества. И правильный, национально ориентированный конституционный процесс очень важен для выявления основополага-

ющих принципов общества. Вот почему нам нужна хорошая и удобная для народа конституция, не списанная ни с каких зарубежных или ушедших безвозвратно в прошлое образцов, т.е. Основной закон, отвечающий духу нашего народа. Он должен гарантировать гражданам реальные свободы, потому что **Новую Россию должны строить не рабы гастарбайтеры и не из-под палки, а подлинно свободные люди, имеющие возможность реализовать своё призвание.** Ну а то, что принятая буквально на дымящихся развалинах Верховного Совета, призванная закрепить колониальный статус страны, Конституция образца 1993 года должна быть упразднена — и чем скорее, тем лучше, лишний раз объяснять, думается, не надо. Будущий государственный строй России станет преемником не нынешнего «демократического», а в большей мере советского строя (в новых условиях, следовательно, и в новом виде).

Наиболее подходящей системой для России рубежа XX—XXI веков была бы такая: Высший Руководитель, избираемый Государственным Советом и возглавляющий «партию власти»; правительство, ведущее текущую работу по управлению делами государства; законосовещательный парламент из депутатов, представляющих различные партии, общественные движения, профсоюзы и прочие объединения граждан, что позволит максимально учитывать интересы всех слоёв общества. Это была бы система нашей, российской демократии, народовластия, власти народа, которому приходится в суровой борьбе отстаивать само право на своё существование.

Русский народ, совместно с другими народами, тогда казавшимся ему братскими, предпринял героическую попытку прорыва этой бесконечной цепи войн и преступлений, создав СССР. Этот опыт пока завершился неудачей. Как писал профессор Сергей Кара-Мурза, слишком сильными оказались эгоизм и стремление к корысти у внешних и внутренних врагов Советского строя.

Советские люди не были ангелами. Но то, что мы наблюдаем в России сегодня, по сравнению с советским временем кажется каким-то дурным сном. Такого разгула преступности, такого количества жулья на всех ступенях социальной иерархии, как сейчас, лет 20—25 назад невозможно было и представить. Чуть ли не полстраны находятся под властью бандитских группировок. Пороки, о которых с осуждением говорилось ещё в Библии, и сегодня цветут пышным цветом. И едва ли не каждый при случае не прочь отщипнуть для себя лишний, незаработанный кусок общественного пирога.

Но тёмные стороны природы человека не исключают светлых, всегда будут живы и стремление к чистоте жизни, и любовь до самопожертвования, и подвиги ради ближних. И идеалы Правды, Справедливости, Равенства никогда не перестанут вдохновлять лучших из людей бороться за торжество этих вечных ценностей. Пока высшим достижением человечества в смысле справедливости было добытое ценой невероятных страданий и жертв советское общество. Сейчас есть возможность, учтя недостатки советского общества, сделать уже менее трудный и менее жертвенный следующий шаг на этом пути. Попытка построить справедливое общество будет повторяться, пока род людской существует на Земле. И в авангарде этой борьбы на данном этапе будет идти наша Россия. В этом смысле «наше дело правое, победа будет за нами!» Но к ней ведёт долгий путь.

Пока же наша задача — построить страну, обеспечивающую более высокий уровень справедливости, чем тот, что был достигнут в СССР. И уже одно это будет делом громадной, исторической важности и сделает Россию мировым лидером в социальной области. А раскрепощение творческой активности россиян позволит добиться невиданного развития производительных сил как основы лидерства и в остальных областях. **Русские имеют шанс стать первыми людьми XXI века** (ведь нам, так уж повелось, до всего есть дело в мире), тогда как весь остальной мир будут ещё барахтаться в XX столетии, если не в более отдалённом прошлом. При правильном понимании дела эта задача разрешима в течение 5—10 лет.

Если плачущего большевика поэт советовал выставить в музее, то коммунисту, победившему обжаловать решение о запрете КПСС в «буржуазный» Конституционный суд, место только в кунсткамере. А когда коммунисты начали обвинять самых «крутых» «демократов» в «большевизме», они тем самым отреклись от своего славного прошлого и показали, что стали наследниками «меньшевиков». Это — «российские лейбористы», мечта которых — «цивилизованно» бороться за власть с «консерваторами» в рамках «нормальной» (то есть, как на Западе, двухпартийной) системы.

А «партия власти» всё более перенимает большевистский стиль управления страной (что отвратило от неё «демократов» — зачинателей «перестройки»), руководствуясь принципом, высказанным в советском фильме «Член правительства»: «Нет такого закона — так он будет!» Правда, большевики, взявшие власть в октябре 1917 года, провозгласили своей задачей защиту бедноты и освобождение её от гнёта богатеев, а нынешняя «партия власти» пришла к рулю управле-

ния государством, опираясь на поддержку банкиров и других не очень бедных «новых русских». Но этот союз, скорее всего, временный: «необольшевики» будут строить тоталитарное (неосоветское) государство, где власть — у номенклатуры, а главной фигурой станет чиновник. А в таком обществе не может возобладать «священное и неприкосновенное право частной собственности», без которого богатые не могут чувствовать себя подлинными «хозяевами жизни». Так что нас, видимо, ждут серьезные события, и характер их достаточно предсказуем. И быть или не быть экономическому росту, о необходимости которого так много говорят, зависит не столько от состояния хозяйства страны как такового, сколько от серьезности политики её руководства, в частности от его способности опираться на глубинные отечественные традиции.

Принято считать, что большевизм занесли в Россию коммунисты — наиболее последовательные сторонники марксизма. Но ведь и Петра I часто называют «первым большевиком», в ещё большей степени это можно сказать об Иване Грозном. При освоении Сибири в этот ещё не обжитой район посылался воевода с наказом — управлять строго в соответствии с законом, а если закон чего-то не предусматривал — действовать по обстоятельствам — как Бог и совесть подскажут. Вот эти ревкомовские методы управления, впоследствии прозванные большевистскими, отвечают глубинной сущности русского национального характера. Так что большевизм в России был задолго до коммунистов. Он господствовал, пока коммунисты, находясь у власти, оставались большевиками. Большевизм сошёл с исторической арены, когда коммунисты превратились в меньшевиков, и возрождается снова, уже совсем без них. Словом, коммунисты приходят и уходят, а большевизм живет и побеждает. Хотя, конечно, странный у нас меньшевизм — с советской символикой, и ещё более странный большевизм — с двуглавым орлом и власовским флагом... Впрочем, на то она и Россия, чтобы удивлять мир — если не успехами в экономике, то хотя бы причудами в политике.

Очень хотелось бы закончить работу строкой из знаменитой песни первых советских пионеров: *«Близится эра светлых годов...»* Но всё же правильнее будет предположить: нас ждут суровые битвы за это будущее, и исход их отнюдь не предрешён.

Теперь вернусь к самому важному. Мы, занятые своими текущими делами, редко задумываемся над такими, казалось бы, абстрактными понятиями, как смысл жизни, при-

звание и природа человека. А зря. Не случайно многие учёные уверены в том, что мы о далёких галактиках подчас знаем больше, чем о человеке, о самих себе. А ведь знание себя (к чему призывала ещё надпись на храме в Древней Греции) гораздо важнее, его отсутствие может сыграть роковую роль. Я вовсе не собираюсь высказывать своё понимание природы человека, это не моя специальность, и могу лишь поделиться некоторыми замечаниями на этот счёт. Но есть суждения учёных по этому вопросу. Не желая никого эпатировать, приведу суждение о природе человека уже упоминавшегося профессора РАМН, доктора биологических наук, заведующего лабораторией развития нервной системы Института морфологии человека Сергея Савельева. (Желающие могут найти полный текст его интервью в Интернете.)

Диагноз доктора С.Савельева

С.Савельев утверждает: от того, что лечат безнадежно больных детей, мы понижаем выживание популяции. (Замечу от себя, кстати, что того же мнения придерживается и профессор Михаил Делягин. — М.А.) Но поскольку гуманные идеи доминируют, это было, есть и будет. (Насчёт того, что так и будет, у меня большие сомнения, тут «лишних» здоровых-то, возможно, будут уничтожать. — М.А.)

Учёный также полагает, что люди, употребляющие алкоголь, наркотики, идут не против природы, а как раз за ней. Они понижают энергообъём мозга и достигают некоторых биологических преимуществ. Мозг, когда работает, потребляет огромное количество (9—10 %) энергии организма. А вся эволюция была направлена на экономию энергии, в том числе и на снижение деятельности мозга. Чтобы мозг включался, решал задачу и тут же выключался. Если бы мозг работал на всю катушку, он потреблял бы 25 % энергии организма. Если вы будете интенсивно думать, то через две недели у вас кончатся все ресурсы. И когда вы выпиваете, вы как бы ослабляете потребление этой энергии. (Но если постоянно выпивать, там уже начнутся другие процессы, не менее вредные, однако выпить немножко можно и даже полезно.)

С.Савельев убеждён: большинство людей руководствуется в жизни тремя принципами: доминантность (стремление к первенству, к господству), размножение и удовлетворение чувства голода. Государственная система всех стран построена на этих трёх столпах. И умные не могут управлять дураками, ибо во всех обществах существует негативный отбор, а это значит, что человеческие иерархии построены как в жи-

вотном мире, то есть, достигает иерархического положения не тот, кто умней, не тот, кто способней, а тот, кто самый биологичный, у кого нет никаких комплексов. Кто зарабатывает самые большие капиталы в Америке, да и у нас в 90-е? Те, у кого не было никаких комплексов по загребанию денег под себя. Успешный бизнес — это, как правило, нарушение всех общепринятых законов, то есть абсолютно биологическая форма поведения.

Во всём мире с маниакальным упорством поверили в институт абсолютно искусственных ценностей, которые уже давно не работают. И называются эти ценности деньгами. А деньги уже половину XX века не работают. Если бы экономика работала, и Америке, и Европе не нужно было бы занимать деньги. А это значит, что экономика совсем не работает. Европа накроется быстрее, чем США. У неё меньше денег и ресурсов. Эти ресурсы — как клетки головного мозга: если человека накроют подушкой и подержат, то через 6 минут клетки мозга начнут умирать. Вот и Европе осталось жить 6 минут. Скоро вся эта бредятина рассыплется, Евросоюз и прочее... Это всё было нежизнеспособно с самого начала. Европе ждёт крах.

Если, скажем, у человека много денег, удовлетворены все его запросы, он не успокоится, потому что доминантность бесконечна. Это биологический процесс, как и размножение. Вот вам апофеоз человеческого интеллекта.

Говорят, что всё-таки человечество движется вперёд. Ездил человек на телеге, а теперь на «Мерседесе». Но вопрос в том, куда они едут? **Биологическую суть человека компьютеры, двигатели внутреннего сгорания не меняют.** Суть остаётся одна, и едут туда же, куда ехали на телеге, и за тем же. И «Мерседес» нужен вместо «Запорожца», потому что он повышает доминантность. Это не изменилось за последние 10 000 лет.

И через 500 лет мозг не станет выглядеть лучше, чем сейчас. Компьютер, Интернет создают иллюзию доступности информации. Но на самом деле серьёзная информация доступна только за очень большие деньги. А нагрузка на мозг у людей непрерывно снижается. Ребёнок не станет умножать в столбик, когда у него есть калькулятор. Интеллектуальная деградация в таких условиях гарантирована.

В ближайшем будущем мозг не изменится, а вот способности, которые нельзя ни купить, ни воспитать, станут источником апартеида (разделения на расы, о чём уже говорилось выше).

Раньше, в эпоху социализма, советские троечники на Западе становились отличниками. Советские люди жили в ус-

ловиях, которые заставляли их мозги работать. И это приводило к тому, что мозг был всегда напряжён, мобилизован, расходовал больше энергии. Это значит, что в единицу времени между нейронами образовывалось больше связей, а, следовательно, в такой мозг можно было «закачать» в долговременную память больше информации.

Неправда, что современный российский школьник получает больше информации. Учебники по сравнению с 70-ми годами упрощены. **Сейчас мы идём к западному образцу, который и нацелен на то, чтобы держать максимальное количество людей на минимальном уровне знаний.** То есть, на таком, чтобы потом, если понадобится, можно было обучить. У нас был другой принцип — нас обучали всему, хотя многое из этого могло не понадобиться.

Болонская система — это уничтожение высшего образования. Сейчас в медицинских вузах планируется ликвидировать 400 кафедр. То есть задача — уменьшить, минимизировать интеллектуальный статус врачей. А потом выдёргивать из этой массы отдельных интеллектуалов и натаскивать их в системе последипломного образования.

Когда создавались компьютеры, все говорили — люди станут умнее. Потому что программисты действительно затрачивали огромные интеллектуальные усилия на написание программ. Но сейчас программы пишут даже школьники. Первичная информация за «надстройкой» исчезла. И они пишут программы, как складывают кубики. Сегодня даже от программистов не требуется того интеллектуального уровня, который был необходим 10—15 лет назад. А что уж говорить о других областях?

Дети, которые сегодня заканчивают 10-й класс, уверены, что весь мир со всей информацией им доступен. Такого надувательства человечество еще не знало. На самом деле, информацию даже на уровне учебника для медицинского училища или столярного ПТУ в Интернете не добудешь, там этого просто нет. Разговоры об информатизации, о базах данных и прочее — создание иллюзии. Агрессивное навязывание искусственных вычурных потребностей — вот в этом почти и заключается креатив креативщиков.

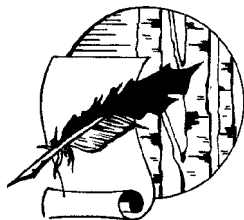
Я понимаю, что социальную жизнь людей нельзя понять, сводя её к биологии. Но считаю, что за жёсткой, кому-то может показаться — бесчеловечной формой изложения мыслей С.Савельева скрываются очень важные вещи, о которых ныне просто не принято говорить. Прочитав это интервью, припоминаешь разные забавные ситуации.

Бывает, идёшь тёплым летним вечером по тропинке и вдруг нечаянно оказываешься в гуще роя комаров-толкунчиков. То ли они обсуждают устройство мироздания, то ли у них это брачные игры, то ли внутренние разборки. Только все они находятся в непрерывном движении, каждый стремится подпрыгнуть как можно выше, а, упав вниз, снова взмывает вверх, пытаясь показать всем, какой он ловкий и удалой. Всё почти как у людей.

Прошу понять меня правильно. Я не сомневаюсь в том, что у нас есть все шансы добиться воссоздания могущественной и справедливой Великой России. Но, возможно, читатели уже заметили, что тревожат меня более отдалённые перспективы рода людского. Ещё в 1960-е годы я выступал и говорил о необходимости изменения самой природы человека. На собрании в Московском Доме учёных «В защиту Байкала» я обвинил учёных и специалистов в том, что они остаются ограниченными людьми, рабами разделения труда, профессиональными идиотами. С того времени в существе человека ничего не изменилось. Людские массы даже деградировали с тех пор, в ещё большей степени превратились в объект манипуляции со стороны СМИ, в большинстве своём служащих корыстным интересам закулисных «хозяев мира». Люди в массе своей ещё мало соответствуют своему положению коллективных владельцев планеты и, оставаясь в таком состоянии, могут её угробить.

Кажется, Бернарду Шоу принадлежит афоризм: *«Мы научились летать, как птицы, плавать в воде, как рыбы. Нам осталось только научиться жить, как люди»*. Надо думать, как достойные люди. Но вот эта-то задача и оказывается самой трудной, и ещё неизвестно, разрешимой ли вообще. Будем надеяться, что в Новой, Великой России она всё же будет решена. Потому что кроме России, решить её на нашей планете некому.

Мне в данном заключении пришлось ограничиться краткими суждениями о России. О корпоративном государстве в разных странах света написано очень много. А о России как корпоративном государстве не писал никто! Я дерзнул восполнить этот пробел. Но собранный мною материал по этому вопросу столь огромен, а сама тема столь важна и ответственна, что мне потребуется ещё какое-то время, чтобы справиться с такой трудной задачей.

Дмитрий МИЗГУЛИН

РЯБИНЫ ТЯЖЕЛЫЕ КИСТИ

* * *

Январь. Середина недели.
Стою посредине зимы.
Здесь властвуют злые метели,
Здесь — царство заснеженной тьмы.

Пускай беспросветно пространство,
Пусть тускло мерцает луна,
Я нынче ценю постоянство
Полярного долгого сна...

Январь. Середина недели.
Окутанный мглой небосвод.
Я так опасаюсь апреля,
Что с шумом и гамом грядет.

Он сердца сомненья умножит,
Оттают надежды мои,
И душу опять растревожит
Предчувствие поздней любви.

* * *

Исчерпан февраль без остатка
До самых последних снегов,
Слабеет привычная хватка
Звенящих морозных оков.

Лишь солнце пригреет — синицы
Поднимут неистовый гам,
И отблеск лучей заискрится,
Скользя по лиловым снегам...

Но это — лишь завтра. А ныне —
Промерзшие клочья небес.
И стонет под ветром и стынет
Не к сроку разбуженный лес.

* * *

Весны долгожданный приход —
Природы нежданная милость.
Едва миновал ледоход,
А вот уж листва распустилась.

Промыт изумрудный кедрач
Звонящими ливнями мая,
Над мокрыми крышами дач
Потянется первая стая.

И радость охватит меня
И что мне все ахи и охи —
Тревоги минувшего дня,
Сомненья грядущей эпохи.

В отмеренный Господом срок
Душа встрепенется несмело —
Как этот зеленый листок,
Как ветка черемухи белой.

Печали ушли навсегда,
Иду молодой и счастливый —
Какая большая вода,
Какие высокие ивы.

Плывут, не спеша, облака
И в небо впадает река.

* * *

Весна. Смешение погод
То дождь, то снегопад.
А я уже который год
Весне совсем не рад.

Природа, радостно смеясь,
Вершит привычный бег.

Меня же раздражает грязь
И черно-белый снег.

Смятенье чувств. Смешенье дум.
Тревожится душа.
И пусть листвы зеленый шум
Обрушится, спеша.

Но это завтра. А пока
Апрель не тронул льды,
Молчат крутые берега
В предчувствии беды.

* * *

Настало лето. Реки разлились.
Везде вода — от края и до края.
Пронзают чайки голубую высь,
Шумит листва — такая молодая.

Какая красота, какой простор.
Все слажено и сложено в природе.
Стихает бесполезный разговор
О правде, о свободе, о народе.

Впадает в небо синяя река.
Шуршит остроконечная осока.
Весь мир един — от каждого листка
До облака, парящего высоко.

А вот — болота брошенных полей,
Чернеющие избы и сараи,
Унылые каркасы кораблей,
На берегу — ржавеющие сваи.

Во всем — унынье, боль и нищета,
Сюда уже не ходят звери в гости,
И покосилась церковь — без креста,
И без крестов — могилы на погосте...

Зачем, куда бредем из века в век,
То дураков кляня, то бездорожье?..
Убого все, что создал человек,
Забыв о том, что он творенье Божье.

* * *

Качается солнце на ветке,
Плывет, тяжелея, жара,
Стучится в москитные сетки
Назойливая мошкара;

И так хорошо и покойно
Под сенью сосновых ветвей;
Что кажется — бури и войны
Исчезли с планеты моей;

Июльское царство покоя,
В цветенье — поля и сады,
Но только откуда такое
Предчувствие скорой беды?

И что так внезапно встревожит
Грядущего скорбный итог?
Иль этот случайный прохожий
И первый осенний листок?

* * *

Сухая и теплая осень.
Последние дни октября.
Сквозь кроны подоблачных сосен,
Дымясь, проступает заря.

Туманное небо высоко,
Но холодом веет уже.
Как тихо. И так одиноко
В осеннем лесу на душе.

Рябины тяжелые кисти
Мерцают в рассветном чаду,
И падают желтые листья —
Последние в этом году.

* * *

Куда ни бросишь взор — равнина.
Равнина — здесь. Равнина — там.
Реки крылатая стремнина
Скользит по заливным лугам.

В туманной дымке тают дали,
Алеет сумрачный рассвет.
Здесь что-то новое едва ли
Произошло за много лет.

И век идет на смену веку,
На смену счастью — беда.
И невозможно человеку
С природой слиться навсегда.

Павел КОСЯКОВ

*Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет
нашего автора Павла Косякова с 55-летием.*

*Желаем ему новых творческих дерзаний и отменного
здоровья.*

РОЖДЕНИЕ ЗАРИ

* * *

Не устаю и не устану
Из пелены столичных дней
Спешить к любому полустанку
С дорожной думою своей.

На огонёк, на тихий голос,
На запах бедности святой,
Где невпопад пшеничный колос
Торчит над сорной лебедой.

Где песни радости пугливы,
Где смотрят косо на чужих,
Где невозможно быть счастливым
Среди несчастья других.

Моя земля. Мой трепет древний
Никем не понятой тоски...
Туман крадётся по деревне
И серебрит её виски.

И я любить всё это волен:
И пыль дорог, и храп коней.
И отдалённо с колоколен —
Молитвы родины моей.

ТРЕВОЖНОЕ УТРО

Едва затеплился восток —
Заря спешит на смену суток.
И монастырский катерок
Собой расталкивает сумрак.

А поперёк, через залив,
Вновь птиц картавых вереница,
Крылами небо зачернив,
На скит Владимирский садится.

И тянет сыростью от стен.
И голос звонницы всё реже.
И веет ветер перемен
С объятых смутой побережий.

АПРЕЛЬ

Родство небес и рощ
Теснит снега в чашобы.
И слизывает дождь
Последние сугробы.

Весёлый коростель
Зовёт с луга подружку,
Где солнце и апрель
Устроили пирушку.

Где талые ручьи
Несут свои потоки,
Где кормятся грачи
У взгорка на припёке.

Где старая скамья
Усадит под осинку,
Где загодя и я
Припрятал «четвертинку».

ЮЖНАЯ СТЕПЬ

Дышит зной дыханьем лавы
По обочинам в пыли,
Словно увальни, увалы
Упалились в ковыли.

Ни души вокруг, ни крова,
Только марево дорог,
Да гонимая полова
Пролетает возле ног.

Жду чего? Добра ли? Худа?
Степь, как вешняя вода,
Наплывает ниоткуда
И уходит в никуда.

* * *

Гулкое рождение зари.
Жажда жизни с каждым вздохом выше.
Милая, хорошая, смотри,
Как дымитесь вишенье над крышей.

Росы серебрятся на листве.
Звоном наполняются опушки.
И природа в царственном родстве
Золотит берёзок завитушки.

На дорогу эту положишь
И шагай, свободная от сует,
Где за поворотом — только жизнь,
И за краем жизни — жизнь ликует!

* * *

Отцветают одуванчики.
Лето шуруется в окно.
И в гранёные стаканчики
Подливается вино.

Хорошо! Молчат мобильники.
Ни хулы, ни лиха нет.
Хорошо, что в собутыльниках
У меня с утра поэт.

Хорошо, что всё столичное
Здесь в селе не ко двору:
Слева — поле земляничное,
Справам — иволга в бору.

Хорошо, что правит истина
Здесь по праву, а не лесть.
Хорошо, что здесь единственно
Не на всё ответы есть.

Забредёт сосед непрошено...
«По стаканчику?»
«А то!»
Ну и что же здесь хорошего?
Я и сам не знаю что.

Владимир ПРОНСКИЙ

Редакция журнала «Молодая гвардия» сердечно поздравляет нашего давнего автора Владимира Пронского с 65-летним юбилеем. Искренне желаем писателю отменного здоровья и творческого долголетия.

КАЗАЧЬЯ ЗАСЕКА

РОМАН

Эти слова прилепились к Андрею Бунтову из Казачьей Засеки, второй год маявшемуся без работы, ни с того ни с сего. Какой день, как сошел снег, он слонялся по двору и талдычил под нос: «Желаю счастья и добра!» А кому, за что — совершенно непонятно. Он и сегодняшним утром не думал ни о чем таком, что могло бы заставить посмотреть на себя со стороны, но последняя проделка сорвала душу с места. Как подгадал-то верно, и откуда только хитрость такая явилась, когда, собравшись заглянуть в дом, чтобы попить, увидел выходящих из веранды двух цыганок. И сразу в душе ругнулся на жену, провожавшую их: «Нашла кого привечать?! Эти лахудры только и ждут момента, чтобы вокруг пальца обвести!» Зашел Андрей в кухню, попил компоту и увидел, что кошелек Валентины, как всегда, на виду лежит. Андрей, чтобы проучить жену, сунул кошелек в карман и вернулся в сарай. А, глядь, через полчаса примчалась раскрасневшаяся Валентина и, сверкая черными глазами, за которые, наверное, цыганки и любят-то ее, сразу с вопросом:

ПРОЗА

— Ты, что ли, кошелек-то прихватил?

Млея от злорадства, Андрей ухмыльнулся:

— Привечай, кого ни попадя! Забыла, кто у тебя только что гостил?! Сколько денег-то было?

— Рублей сто, но все равно жалко!

Валентина в отчаянии развернулась, не желая тратить время на пустой разговор, и, как была в кофте и цветастом переднике, так и побежала искать цыганок. Андрей же сразу закрыл сарай и отправился в другую сторону, к Авдотьихе, к которой ходила вся слобода, за бутылкой самогона, да чуть не поругался. До чего додумалась, зараза старая: цену подняла! Бутылка два червонца стоила, а теперь четвертак выкладывает! «Поджечь бы тебя, сволоту поганую!» — в душе ругнулся Бунтов и злой прищуркой посмотрел на старуху, выглядывавшую из веранды в засаленном ватнике и худых опорах.

Вернувшись домой, он заскочил в кухню, схватил из холодильника огурец, ломоть хлеба и вновь отправился в сарай, где возился с черенком для лопаты, который, чем сильнее забирала самогонка, тем выстругивал неторопливее, почти с любовью, словно для выставки готовил. И настроение поправилось. Только когда увидел вернувшуюся Валентину, мелькнувшую перед домом, оно сразу понизилось. Совестно стало. Ведь хотел пошутить и проучить жену, а теперь не хватило духу сознаться, что сам взял кошелек, можно сказать, — украл последние деньги; заначка, конечно, у них небольшая имелась, но ее берегли на самый крайний случай.

«Обойдется, — немного помучившись, подумал Андрей о жене, — блинов напечет, картохи наварит! Зато в следующий раз умнее будет!» Подумать-то подумал, но, продолжая играть невинного, притащившись к ужину, все-таки спросил:

— Догнала цыганок?

— Догони их, попробуй!

— Молодец, теперь жди — они еще придут, еще что-нибудь утянут!

Бунтов еще что-то пробормотал, похлебал шей и отправился спать. Уже засыпая, подумал: «Завтра все расскажу, покажусь...» И эта мысль немного успокоила, хотя он и не понимал, почему именно сегодня пустился в пьянство. Если понастоящему вспомнить минувшую зиму, то Бунтов только и мечтал о весенних днях, когда окончательно завяжет с выпивкой, будет надеждой и опорой Валентине. А то ведь, считай, оба последних года, как остался без постоянной работы, только и делал, что с мужиками кучковался. Правда, зимой

несколько месяцев служил истопником в школе, но едва не разморозил трубы, и его в тот же день выгнали. Хорошо еще, жена из дому не выгоняет, и приходится перебиваться на ее пенсию. Спасибо детям: и деньги присылают, и продуктами снабжают, когда приезжают по праздникам. С ними, правда, более Валентина занимается, а на него — что сын, что дочь — и смотреть не желают. Мол, бездельник, пьяница, хорошо еще, что из дома не тянет. Он действительно не тянул до сегодняшнего дня, а ныне вон как все повернулось!

И все-таки на следующий день, не зная, что делать с деньгами, которые, казалось, жгли ногу (пустой кошелек он вчера выбросил в овраг), улучив момент, Бунтов дал знак пенсионеру Круглову, жившему через три двора, которому задолжал бутылку. И тот быстро появился в сарае, зная, что Бунтов просто так не позовет. И верно. Едва не по-сельски располневший Алексей Петрович отдышался, как Андрей сразу взял соседа в оборот:

— Долго-то не рассиживайся... Вот тебе тридцатка — смотайся к Авдотьихе и сдачу с нее потребуй, а то она, гадость, цену повысила — совсем обнаглела. Да только без шума сходи, чтобы моя не увидала. А как возьмешь, то потихоньку выбирайся к ферме. Через полчаса и я туда подгребу! Понял? — как у мальчишки, спросил Бунтов. — И никому ни-ни. А то вчера цыганки стянули у Валентины кошелек, на меня грешить начнет!

— Много говоришь! — укорил Петрович, вытирая мятой кепкой пот, криво катившийся по синюшным щекам.

Петрович исчез за сараем, а Бунтов, прихватив парочку огурцов, вскоре встретился с соседом у разворованной фермы. Быстро, прямо из горлышка, высосали бутылку. Немного подумав, Бунтов, расщедрившись, отправил соседа за второй, потому что самогонка у Авдотьихи — натуральная дрянь: градусов почти никаких, а для дури, говорят, старуха табак добавляет.

Добив и вторую, они разошлись, и Бунтов возвращался к себе через сад, мимо беспризорного трактора «Беларусь», и за двором увидел Валентину, копавшую грядку. Остановился, уместился на «козле» для пилки дров, насмешливо укорил:

— Рано ковыряться начала! Земля еще не поспела!

Валентина промолчала и сделала вид, что не замечает его.

— Серьезно говорю. Пошли обедать!

Жена продолжала молчать, Андрей подошел к ней и удивился:

— Чего слезы-то льешь?!

— Жалею, что с таким дураком, как ты, всю жизнь промучилась! Когда только нахлебаешься-то, когда подавишься-то!

— Эх хватила: «Подавишься!» Ты что же, моей смерти хочешь?!

Валентина промолчала, а Андрей взъерепенился:

— Чего молчишь-то, отвечай!

— И не думаю больше молчать! — Она бросила лопату и отправилась в дом, на ходу процедив: — Видеть тебя не могу!

— Молодец, не привыкать выкаблучиваться! Вот те и «Желаю счастья и добра», — усмехнулся Бунтов и отправился к Авдотьихе.

До двух бутылок не хватало, но отпустила в долг. Схоронив бутылки под фуфайку, Бунтов вернулся в сарай. Потом заглянул в погреб, наскреб литровую банку квашеной капусты и теперь уж разместился в сарае по-царски. Пил не торопясь и размеренно до вечера. А в перерывах пиликал на гармошке, которую принес из дома еще днем. Опрокинет полстаканчика и заиграет страдания, от которых душа сразу отмякала:

*Заложило сердце-грудь —
Нельзя ни охнуть, ни вздохнуть.*

Сыграв, Бунтов замирал, словно звуки гармошки проникали в него самого. Уловив, продолжал игру:

*Лягу спать, глаза закро-ю —
Не дает любовь поко-ою.*

Недалеко от его топчана сидела индейка на яйцах, и когда Бунтов шевелился, она начинала шипеть, пыталась клюнуть, а он говорил ей:

— Выведешь из себя, пинка запросто получишь!

Поругавшись на индейку, вновь запевал:

*Болит сердце, жжет досада-а,
Не люби, кого не надо-о!*

Петь страдания Андрей мог бесконечно, знал их уйму, хотя специально никогда не заучивал. Когда начало темнеть, пришла Валентина, отвлекла, сердито спросив:

— Чего дуришь-то? Пошли домой!

— В сарае буду спать, на стружках. Сейчас тепло стало.

— Дело твое — валяйся тут, сколько хочешь, но если индюшку с гнезда спугнешь, то на глаза не попадайся, — хряпну чем попало!

— Отстань, не мешай спать!

— Спи, спи... Дети приедут, увидят, в какого скота их отец превратился.

Он действительно ночевал в сарае на топчане, подложив под голову лохматушку и укрывшись фуфайкой. А утром, подмерзнув, проснулся трезвым и будто от чьего-то толчка, когда вдруг вспомнил о детях, которые обычно приезжают на майские праздники, и от этой мысли в душе поселилась тревога: уж больно не хотелось, чтобы жена пожаловалась им. Еще, чего доброго, вспомнит о пропавшем кошельке. Тогда придется по-настоящему оправдываться, краснеть: и перед дочерью, и, особенно, перед сыном.

Мысли не давали покоя, и поэтому Андрей не сразу поднялся со своего лежбища, растревожив индейку, по-прежнему шипевшую по-змеиному. Подняться-то поднялся, а в дом идти не хотелось — рано, жена ругаться будет, что, мол, разбудил не ко времени. Это прежде, когда корова имелась, она вставала чуть свет, а сейчас все изменилось. Плотнув капустного рассолу, Андрей зачем-то отправился в сад и увидел трактор, на котором когда-то работал и который пятый, что ли, год ржавел под разросшейся рябиновой аллеей, с того самого дня, когда его списали с баланса развалившегося совхоза. Трактор сразу стали разворовывать — сняли фары, аккумуляторы — и Бунтов пригнал его к себе в сад.

Вспомнив о тракторе, Андрей вспомнил и о том, что у них с женой имеются два пая земли по семь гектаров. Пусть не хватит сил все засадить картошкой, но ведь можно пока клевером и тимофеевкой засеять. Со всех сторон хорошо: клевер убьет бурьян, и сена будет потом невпроворот. Хочешь — продай, хочешь — свою корову заведи, а то и двух-трех. А что: они с Валентиной еще и не старые, им работать и работать. Зато, как дети с внуками приедут, — молоком обопьются! Опять же дачникам, которых с каждым годом все больше прибывало, можно продавать — вот они, деньги-то, сами просятся в руки!

Эти мысли заслонили все другие, даже расхотелось похмеляться. В другой бы раз Бунтов обязательно побежал по слободе, а сейчас передумал. Вернулся в дом. Хотел на радостях рассказать о планах Валентине, но пока не решился: ведь ругаться начнет, скажет, что спьяну, мол, что угодно можно нагородить. А она действительно глянула на него и всплеснула руками:

— Глянь, на кого похож-то?! Тебя ведь в зоопарке показывать можно! Надо брату твоему сообщить, чтобы приехал и посмотрел на это чудо в перьях?!

Услышав о брате, жившем в дальнем районе, Бунтов никак не отозвался, потому что знал: это пустые слова, сказанные для острастки. Поэтому не стал перебрехиваться, да и она не пожелала более тратить на него слова, хотя ему хотелось, чтобы отругала по-настоящему, поставила в пример бывшего дружка Колянню Фролова, который «зашился» и вот уж полгода в рот не берет. Она всегда ставила его в пример, а Бунтов всякий раз отмахивался: «Если будет нужно, я и сам брошу, без всякого нарколога!» Ведь пойти к врачу казалось до невозможности постыдным делом, и стыдно было, прежде всего, перед самим собой. Ведь Бунтов себя и пьяницей-то не считал. Поэтому несколько дней ходил сам не свой. И, главное, в эти дни, хотя и мучился, но в рот капли не брал. И не потому, что не на что купить (Авдотыха в долг бы снабдила), а из-за обиды на себя самого. А еще из-за мечты о тракторе, о том, как он, Андрей Николаевич Бунтов, вскоре будет работать на нем и всем докажет, что он не чета какому-то пропадающему Коляне.

А еще через два дня, после завтрака посмотрев районную газету, которую Валентина месяца три берегла специально для него, Бунтов прочитал объявление о снятии запоев... Прочитав, неожиданно побрился, умылся и, переодевшись, сказал:

— Пойду в поликлинику! Надоело твою брехню слушать! Гони тысячу!

— Давно бы пора... — неопределенно отозвалась Валентина, потому что ей сразу стало жалко денег, да и не верила она, что Андрей доведет дело до конца.

Но если бы знала, что намерение у мужа закипело самое серьезное, то перестала бы вздыхать. Действительно, настроение у него с утра прорезалось боевое, острое, но оно сразу затупилось, когда он добрался до города и увидел здание поликлиники. Неудобство в душе, обида и стыд, оттого что допился до такой степени, что надо идти и кланяться врачу, затемнили голову. Но в какой-то момент его как осенило: «А что, если не ходить к врачу, а Валентине сказать, что, мол, все в порядке, «зашился», как ты велела, теперь живи и радуйся!»

Он все-таки зашел в поликлинику, посмотрел, когда принимает врач-нарколог, но записываться не стал, лишь полюбопытствовал в регистратуре, спросив, сколько стоит кодировка.

— Дядечка, — мило улыбнулась в окошке крашенная девушка, — для вас не более девятысот. Записывать?

«Коляня осенью говорил, что с него пятьсот взяли. Дурыят!» — решил Бунтов и не стал записываться, не из жадности, нет — из принципа. Эта догадка только подстегнула до конца проверить себя: получится или нет, хватит силы воли, или теперь совсем ничего не осталось: ни силы, ни воли!

Из поликлиники он отправился в гараж механического завода, едва-едва дышавшего в последние годы, и где у него еще оставались знакомые. Поговорив с одним, он выпросил за сто рублей старый, но в рабочем состоянии бендикс, потом зашел к аккумуляторщику. За триста рублей договорился об аккумуляторе. Пусть тоже «бэ-у», пусть. На сезон хватит, а там видно будет.

Распорядившись, Бунтов заглянул на автостанцию, чтобы не мять зря ноги, а подъехать на автобусе. Встав в очередь у кассы, неожиданно встретил соседа — Семена Пичугина, которого не видел года три или четыре. Возвращался Семен из заключения, если судить по его кирзачам, поношенной нейлоновой куртке и коротко стриженной голове, едва прикрытой кепкой со сломанным козырьком. За эти годы внешне почти не изменился, лишь сильно похудел. Был он явно навеселе и теперь кинулся к Бунтову с объятиями, обдав перегаром:

— Николаич, привет! До автобуса двадцать минут — отметим встречу!

В другой бы раз Бунтов и не подумал отказаться, а сейчас это приглашение как ножом по сердцу резануло, подумал, внутренне содрогнувшись: «Не хватало счастья встретить этого рыжего обезьяна!» Поэтому и отказался:

— Семен, рад бы, да не могу! Язва замучила! Только что из больницы.

— Тогда я в одинаре! — махнул рукой Пичугин.

Семен достал из рюкзака початую бутылку, заткнутую пробкой из смятой газеты, при всех глотнул из горлышка и вытер мокрый рот с налипшими на губах крошками. Потом, пока дожидались автобуса, он выпрашивал и выпрашивал у Бунтова о жизни в слободе: о своих дружках, работают ли ларьки, появились ли новые люди — обо всем. Андрею даже надоело отвечать, и он обрадовался, когда подрулил автобус до Перловки. В автобусе Семен по-прежнему обдавал Бунтова перегаром, от запаха которого его едва не стошнило. Поэтому и вышел раньше, в Нижней слободе, сказав Семену, что, мол, надо зайти в хозяйственный. Пичугин было потянулся за ним, но Бунтов остановил:

— Ты, малый, к матери спеши, она все глаза проглядела!

В магазин Бунтову, конечно же, не надо было идти, поэтому пришлось пылить до своей слободы пешком. Кое-как допылил, а Валентина сразу с вопросом:

— Ну и как?

— Нормалек... Немного, правда, помучили, но обошлось... Врач сказала, что теперь я на два года застрахован. А если вдруг сорвусь, то смертельный исход может быть!

— О, господи! Чего же это они такую строгость-то напускают?!

— Иначе нельзя... Слабы стали мужики. Только страхом смерти иных заставишь бросить пить... — сказал Бунтов с серьезным видом.

— Денег-то хватило? — спросила Валентина и внимательно, даже строго посмотрела мужу в глаза.

— Стольник остался... — Бунтов нехотя достал сто рублей.

Жена взяла деньги и сразу отстала с вопросами, и Андрей успокоился, знал, что более не придется врать.

Он пообедал, хотел отдохнуть, потому что с утра так находился, что теперь гудели ноги, но лишь перекурил, а потом сразу переоделся и отправился к трактору, решив сегодня же заменить бендикс. Правда, сперва мысль напололам делилась: «Что теперь делать с оставшимися деньгами, которые якобы уплатил врачу?!» Думал-думал и придумал: прежде всего, вернуть Валентине кошелек с деньгами и хотя бы канистру солярки для трактора купить. Бунтов даже набрал тележку мусора, чтобы иметь законный повод съездить к оврагу и попытаться найти выброшенный кошелек. И он сразу нашелся! Лежит и поблескивает, словно солнечный зайчик, никелированными застежками. Удача! Положил Андрей в него деньги точно в таких же купюрах, в каких взял, и в тот же день толкнул кошелек за буфет, чтобы при первом же подходящем случае «найти». Когда разделался с кошельком, то вновь подступил к трактору и возился с ним до вечера, хотя Валентина всякий раз, проходя мимо, ворчала:

— Опять ерундой занимаешься...

Но Бунтов не обращал внимания на нее, зная, что она это говорит по привычке, радуясь в душе, что он побывал у врача. Когда Бунтов лег спать, то вдруг понял, что все еще не определился, как жить дальше, не верилось, что пьяные заморочки разрешились сами собой. Как все легко получилось: сказал себе «Нет!» — и, пожалуйста, вот оно: бери и пользуйся. Единственное, что Бунтова пугало, так это неизвестность: хватит ли терпения не остаканиться в один прекрасный момент, когда вдруг тот же Петрович по-дружески попытается соблазнить, хватит ли духу отказать? И Бунтов решил, что

хватит. Ведь он же «зашитый», как говорят мужики! Он — отрезанный ломоть для настоящей компании. И хотя Валентина просила никому в слободе не говорить об этом, но Бунтов сам, еще днем, когда возвращался из города, пустил среди мужиков о себе слух: «Мол, пришлось это сделать. Иначе жена из дому бы выгнала!»

Валентина словно знала о мыслях, которые терзали мужа в последнее время, и сперва сделала вид, что заснула, а потом повернулась, обняла и шепнула, усмехнувшись:

— От тебя опять стало пахнуть трактористом!

Он даже рассмеялся от ее слов и прижал к себе, поцеловал, и она не фыркала, не сопротивлялась, как сопротивлялась в последнее время, а, казалось, только ждала сегодняшней ночи.

Через два дня Бунтов привез с Колянней Фроловым на его мотоцикле аккумулятор и, перекрестясь, попытался завести «Беларусь». Когда со второй попытки мотор гневливо выдохнул облако черного дыма, то даже Валентина выскочила из дома и по привычке напустилась:

— Чего опять вытворяешь-то?

— Вытворяю вот... Пришла пора огород под картошку пахать!

Когда же через несколько дней Валентина нашла пропавший кошелек и похвалилась находкой, то Андрей, находясь в плену настроения, укорил:

— На меня ведь грешила...

— Сперва-то на цыганок, а потом на тебя, это верно. Особенно, когда от Авдотьихи бутылку за бутылкой тягал.

— Кто тебе такую глупость сказал?!

— Люди добрые...

— Слушай брехню, еще не то нагородят!

Пять слобод окружают древний городок Лонск, к которому все они относятся административно. Есть и еще одна — Казачья Засека, где с рождения живет Бунтов. Это самая молодая, как считают, слобода, состоит из трех улиц и административно почему-то не входит в Лонск. Родилась она, видимо, в ту пору, когда утверждалось понятие «казак», возникшее на юге рязанской земли, прижившееся на Дону и вернувшееся из вольных степей в родные пределы, где в это время строили Засечную черту или Засеку — оборонительную линию Московского государства.

Казачью Засеку особенно хорошо можно разглядеть со стометрового лонского холма. Сперва под горой завиднеются крыши Стрелецкой слободы, Затинной, где прежде жили

мастера зелейного боя, а за разливом Лони, перегороженной плотиной ниже по течению у города Электрика, взору откроется Нижняя Слобода. Потом прихотливым изгибом засеребрится речка Алешня, ставшая заливом водохранилища, и завиднеется Никольская. А напротив ее, слева от перловской дороги, покажется Казачья Засака, вытянувшаяся почти до горизонта. Когда-то в центре слободы стояла церковь, три магазина с провиантским складом, почта, аптека, школа. Но церковь в тридцатые годы снесли под корень, два магазина переделали под колхозные кладовые. В начале шестидесятых закрыли почту. Аптеку же в перестройку приспособили под здание администрации сельского поселения, как теперь стали называть прежние сельсоветы. Так теперь и жили местные люди, сделавшиеся поселенцами на родной земле, пытаясь жить так, чтобы не зариться на государственную казну, а рассчитывать лишь на собственные силы. Поэтому неудивительно, что однажды глава администрации — Марьяна Половинкина — предложила на сходе легализовать бизнес Авдотьихи, а поступившие таким образом в казну администрации средства направлять на ремонт водопровода и принудительное лечение от пьянства особо нуждающихся мужиков. Люди, конечно, смеялись и понимали горечь слов Половинкиной, находившейся на посту главы еще с советских времен, когда хоть какие-то средства, но поступали.

И все же, несмотря на выкрутасы отдельных граждан, жизнь вокруг Лонска текла привычно и неизменно. Да и не могла она быть иной, как не могли измениться привычные русскому уху названия слобод, пришедшие из давних времен, когда лонские князья считались не последними на Руси. Лончане слыли мужественными, стойкими и свирепыми воинами. Они не расставались с мечами даже во время полевых работ, потому что их земли оказались окраинными на Руси. За ними на юго-восток расстилалось бесконечное Дикое поле, называемое еще Половецким, откуда только и жди набегов кочевников.

С тех времен прошло много веков, и, понятное дело, что нравы и характеры местных жителей размылись, но не до такой степени, чтобы не считаться с ними. Ведь и сейчас, того и гляди, кто-нибудь из своих ножку подставит, если чужие далеко. А это еще хуже, когда не знаешь, откуда ждать напасти, и дважды хуже, когда неизвестно, как с ней бороться. Может, поэтому жители Засаки по-прежнему, как в старину, слыли упрямыми, несговорчивыми, даже свирепыми, особенно, когда им становились поперек дороги. Приобретались эти свойства и пришлыми людьми, коих стало немало, осо-

бенно с началом перестройки, когда потянулись русские люди из окраинных земель империи.

Андрей Бунтов все это, конечно, замечал и тоже переживал, но все переживания после похода в Лонск позабылись. Теперь у него лишь одно вилось на уме: как отремонтировать трактор и опробовать на ходу. А когда через несколько дней наладил «Беларусь», то, нацепив плуг, поспешил выехать на свой огород. Прошел первую загонку — сразу грачи появились. Ходят вразвалку по пахоте, а у Андрея от их развалочки — радость на душе и улыбка на вспотевшей физиономии. Не успел Бунтов допахать огород, как соседи собрались: переминаются, смотрят завистливо. И среди них Коляня. Этот не завидует вроде, но по глазам видно, что хочет попросить о помощи, а не решается. Прежде-то, когда за воротник закладывал, не таким был. Вот что водка или, как теперь, отсутствие ее делает с человеком, что и подтвердил позже всех подошедший Петрович. Тот сразу же направился к трактору и властно махнул Андрею кепкой, обращая на себя внимание. Разворачиваясь, Бунтов остановился, высунулся из кабинки: чего, мол, тебе?

— Николаев, упрямишься на своем огороде — друга не забудь, — подступил недавний собутыльник. — Ведь я первым подошел. Все тебя будут просить, а я требую! По старой дружбе!

— Считай, что договорились... — улыбнулся Бунтов и подумал: «Ведь наверняка бутылку принес! Не верит, что я в завязке!»

Расправился Бунтов со своим огородом и поехал к Петровичу, потому как отказать ему не хватило ни сил, ни совести. На соседском огороде повторилась та же история: опять грачи, опять черная земля струей из-под заблестевших лемехов, и опять завистливые глаза слободчан. И тогда понял Бунтов, что придется всем пахать огороды, чтобы не разжигать обиду. Поэтому, когда и огород Петровича вспахал, то заглушил двигатель, а сказал так, чтобы всем была понятна его мысль:

— Мужики, без солярки, сами понимаете, мой конь работать не сможет, а денег на солярку Валентина выделила только на свой огород, а то, что Петрович под руку подвернулся, так это ему повезло. Так что придется вам скидываться и на заправку ехать. Я бы и сам сгонял, да номеров у трактора нет!

И тут подал голос худой носатый Коляня:

— У меня мотоцикл без дела стоит!

В общем, говорили-говорили и решили собрать по сто рублей с носа. Коляня сразу отправился на заправку. А чтобы народ зря не ждал и не ходил вереницей с огорода на огород, Бунтов пуганул от себя собравшихся:

— Идите по домам — всем вспашу..

Все разошлись, лишь осталась Роза, недавняя переселенка. Она работала почтальонкой и, конечно же, успела за три года жизни в слободе всех узнать, но по-прежнему оставалась стеснительной и неразговорчивой. Вот и сейчас спряталась за ветлой и выглядывала, почти незаметная из-за небольшого роста. Но Бунтов все-таки заприметил и усмехнулся в душе: «Значит, я сам должен догадаться, что и ей тоже надо вспахать огород! Молодец, баба! На понт берет, но забыла, что овес к лошади не ходит!» Он демонстративно начал возиться с трактором, а сам нет-нет да косился в ее сторону. А она хоть бы с места стронулась. Пришлось Бунтову самому идти к ней. Подошел, а она — черные глаза в землю. А у него от ее робости — воодушевление во всю грудь, спросил с ухмылочкой:

— Ну и кого мы ожидаем?!

— Вас, Андрей Николаевич... Хотела попросить об огороде. Надо бы вспахать. Вот деньги, возьмите!

— Да ладно... Деньги! У меня девать их некуда, а тебе пригодятся. Иди домой, не торчи здесь. Вот приедет Коляня с соляркой — тебе первой вспашу.

Она ушла, а он, вернувшись к трактору, вспоминал ее глаза и необыкновенный взгляд, каким ни одна маруха в слободе не смотрела в последние годы. «Влюбился я, что ли?! — поймал себя Бунтов на неожиданно пришедшей мысли и порадовался ей, постарался утвердить: — А что, разве нельзя?!»

«Разве нельзя, разве нельзя?!» — весь день стучало у него в голове, пока он, словно по инерции, ездил с огорода на огород. В этот день он совсем не думал о том, что сумеет ли что-нибудь заработать или катается для собственного удовольствия. Хотя, конечно, удовольствие это быстро закончится, если вдруг окажется, что работает себе в убыток. Но об убытке или прибыли он почти не думал. Другое было на уме: Роза, на которую почему-то именно сегодня обратил внимание, хотя знал ее не первый год. И все же вечером, интереса ради, посчитал прибыль, и оказалось, что у него осталось триста рублей.

На следующий день он заработал пятьсот, правда, пришлось вкалывать почти дотемна. Но это не страшно, даже радостно от работы становилось на душе. К вечеру, когда солнце запуталось в зацветающих вишенниках да в зеленеющих рябинах, разукрашенных белыми шапками цветов, как матовыми люстрами, Валентина нашла мужа на дальнем порядке и, встав в сторонке, ждала, когда он остановится. А он затормозил, только допахав очередной огород, и вопросительно посмотрел: мол, чего пришла-то?

— Хватит на сегодня, поехали домой! Весь день, считай, не емши!

— Залезай! — пригласил Бунтов жену в кабинку, но та отказалась:

— Пешком дойду, а то, как тракторист, соляркой пропитаюсь.

— Ну, как хочешь... — не стал упрашивать Андрей и взял направление к дому.

Когда Валентина подошла к своей веранде, то заметила мужа сидящим на лавочке перед палисадником — деньги пересчитывает. Увидев жену, Андрей спросил:

— Тебе отдать или пока у меня побудут?!

— Сам же заработал! Вот и пользуйся. Вдруг ремонт какой-нибудь придется трактору сделать.

— Верно, мать, говоришь! Надо его покрасить, а то уж и не поймешь, какого он был цвета, да и фары поставить. Но это не срочное дело. Прежде надо сошники наладить. А то вспахать-то огород вспахали, а как картошку сажать? Под лопату, что ли, как в прошлом году?

— У тебя вроде имелись когда-то?

— Имелись, да рама лопнула. Надо варить.

— Вот и займись. А то ребята через два дня приедут, а у тебя ничего не готово.

Валентина ушла, а Андрею даже встать с лавочки не хотелось, а не только умываться. Вскоре Валентина позвала:

— Ну и чего прохлаждаешься-то, все готово!

Бунтов оглянулся, поманил жену:

— Иди, присядь на минутку...

— Чего тебе? — немного недовольно отозвалась Валентина, тяжело опустившись на лавочку рядом с мужем.

— Да вот смотрю, — Бунтов указал на раскинувшийся на холме Лонск, едва светящийся редкими огоньками, — и не понимаю, что происходит: прежде-то посмотришь, так настоящий город! По огням можно было улицы считать, а теперь оторопь берет: в пустыню превратился!

— Не в одном Лонске пустыня... А слободы? Они, что, цветут и пахнут?! — начала сердиться Валентина. — Пойдем ужинать! Что мне, во второй раз, что ли, разогреть картошку?!

— Ладно, пойдем! — Бунтов нехотя поднялся с лавочки.

За два последующих дня Бунтов допахал огорода всем, кто нуждался, а сегодня побывал в Перловке — соседнем селе, — где все еще теплился тамошний совхоз — правда, называемый теперь тремя буквами «ООО». В «трех буквах» за-

варили треснувшую раму сошников, и, вернувшись домой, Андрей по привычке присел на лавочку перед палисадником, вдруг осознав, что сегодня у него завершился с виду незаметный кусок жизни, который начался с украденного кошелька, а закончился возвращением к прежней работе. И не просто возвращением, а с новым, еще не до конца обкатанным состоянием непьющего человека. «Эге, чего это я?! Или слюни начинаю распускать?! — сам себя пресек Андрей и решил: — Гадом буду, если слабину дам!»

Задумавшись, Бунтов не заметил, как рядом остановился Семен Пичугин, по прозвищу Петух: всклокоченный, рыжий, руки по локоть синие от наколок. Было ему лет сорок, и он уже успел сделать несколько ходок в зоны, но ходки короткие — за мелкое воровство, вымогательство. В тюрьмах он и кликуху заработал, ту самую, которую получают слабаки, которых, как там говорят, «опускают». Правда, Андрей особенно слухам не верил и не озадачивался этим. Только сейчас почему-то всплыло в памяти, как этот Пичугин в детстве обижал Генку, потому что был старше его года на три, и частенько сын приходил домой с расквашенным носом или синяком под глазом. Случаи были разные, но заканчивались одним и тем же: Бунтов шел к Семену домой, разговаривал с его одинокой матерью и грозил при случае самому Семену: «Смотри, гаденыш, если еще раз Генку обидишь, то в Алешне утоплю. Так и знай!» Это, конечно же, были лишь пустые слова, правда, сказанные в гневе, но сыну от них легче не становилось. Проходила неделя-другая, и опять он приходил домой побитым. И это тянулось бы до бесконечности, но незаметно Генка подрос, превратился в крепкого, увесистого парня и однажды сам отмолотил Петуха... Все это пронеслось в мыслях Бунтова мгновенно, когда Петух остановился и уставился на него желтыми, как у рыси, глазами. И взгляд его не понравился. Тем не менее, виду не подал, предложил по-свойски:

— Садись, малый, в ногах правды нет.

— Сидят и парятся на зонах, — поправил Семен, — а на воле присаживаются.

— Ладно уж, не придирайся к словам... Чего хотел-то?

— То и хотел... Огороды-то пахал, трактор совхозный использовал. Совсем глупым и жадным стал, пить бросил! Куда деньги-то копишь? На гроб, что ли?! Делиться надо! С тебя причитается. Ребята ждут...

От его слов, от наглой морды Бунтова затрясло, но он постарался сдержать злость, спросил с усмешкой:

— Значит, угрозой берешь! А только того не понимаешь, что я не столько заработал, сколько на солярку потратил да на запчасты. Я, попутно говоря, и твоей матери огород пахал!

— И содрал с нее сто рублей!

— Как со всех. И не драл, а люди сами предлагали. И не просто так, а на солярку да за работу, а ты вытягиваешь с меня, как говорится, за фуку! Нет, парень, так не годится. Это не по-нашему, не по-казацьи. Но ругаться с тобой не хочется — однослюбочанин все-таки. А чтобы на меня окончательной обиды не имелось — вот тебе сотня. Выпей один или с дружками — мне все равно. Но больше никогда по этому поводу не приходи. Законно говорю.

— Ты что, прокурор?! Засунь себе эту бумажку куда подальше, — зло сплюнув, поднялся Семен с лавки. — Еще, мужик, пожалеешь!

Петух ушел, а Бунтова затрясло от его поганых слов. Получается, что он делал людям доброе дело, а его же за это еще и к стенке припирают, насмехаются и за дурака считают. «Вот сволота, — плюнул вслед Петуху Бунтов, — только приди еще — голову ломом прошибу! Уж если сидеть, то чтоб не обидно было!»

Пока он боролся с бушующими мыслями и, закурив, старался успокоиться, вышла Валентина, видимо, услышавшая из дома разговор, и сразу с вопросом:

— Кто это был-то?

— Да так... Пичугин малый мимо проходил, поговорили немного.

— Поосторожней будь... Он все тюрьмы прошел, а ты с ним якшаешься.

— Чего же мне теперь — колом его от двора гнать!

— Ладно, не заводись, когда начнем картошку-то сажать?

— Чего мы одни сделаем?! Вот детей дождемся, тогда и говорить можно конкретно.

— А чего их ждать, — толкнула Валентина мужа локтем, — гляди — никак Маринка едет!

Глянул Бунтов вдоль порядка, а с асфальта уж вишневый «жигуленок» съезжает. Вот оно: дождались! Дочка прибыла! Машина тем временем остановилась около палисадника, и первым выпорхнул из нее внук — десятилетний Данилка. Светловолосый, худенький, он открыл заднюю дверку, помог заулыбавшейся, располневшей, или, как в слободе говорят, раздобревшей за зиму матери и крикнул:

— Бабушка, дед, мы приехали! — и кинулся в объятия Валентины.

Пока внук и дочь обнимались с Валентиной и Андреем, из машины вышел приземистый зять Павел. Он обнялся с те-

шей, поздоровался с тестем и принялся выгружать сумки с продуктами. Выгрузив, загнал машину во двор, поставил рядом с трактором и, вернувшись к тестю, остававшемуся с внуком, удивленно спросил:

— Николаич, опять на тракторе заруливаешь?!

— Деваться некуда...

— Это и хорошо... Можно и себе вспахать огород, и другим. Не бесплатно, конечно! А что, я бы так и делал!

Только они разговорились, как выглянувшая из веранды Марина спугнула:

— Паш, хватит вам болтать. Идите в дом!

Когда всем скопом сели за стол, Валентина привычно хлопотала, дочь ей помогала, переглядываясь с Павлом, и все косились на Андрея. И тот понял причину этого внимания не сразу, а когда догадался, то даже повеселел, сам обозначил разговор, о котором в другое бы время промолчал:

— Ждете, когда за бутылкой побегу?! Не дождетесь! — И обратился к жене: — Правду я, мать, говорю или нет?!

— Да уж ладно, — улыбнулась Валентина, — расхрабрился, герой ты наш!

— Расхрабриться не расхрабрился, а силу воли показал. Так что я теперь отрезанный для компании ломоть, а Павлу рюмку все равно налей! Ему с дороги полезно расслабиться.

— Обойдется! — за мужа решила Марина. — Никому, значит, никому! Давно бы так надо вести себя!

Павел промолчал, попытался сделать обиженное лицо, но Бунтов хорошо знал, что зять не охоч до выпивок, а если прежде и выпивал с ним, то лишь из уважения. Вспомнив себя недавнего, Бунтов подумал: «Со мной только попробуй не выпей! За можай загоню!» Павел всегда отказывался от чрезмерного возлияния с тестем, и Андрей, хотя и стыдил его, но всегда уважал за стойкость, за то, что стремится мужик к семье, заботится о будущем. Вот в прошлом году купили двухкомнатную квартиру, пусть в долги залезли, но чего же не залезть, когда зять зарабатывает хорошо: газовое оборудование устанавливает на автомобили.

Зато Бунтов долго не усидел истуканом: ему все знать хотелось. И надолго ли приехали, и почему не прибыл Геннадий? Так прямо и спросил у дочери:

— Ты хотя бы перезваниваешься с братом? Чего он говорит-то?!

— Не приедет он в этот раз! У его сына соревнования! — немножко раздраженно ответила дочь, словно отец спросил то, о чем спрашивать-то необязательно — и так все очевидно.

— Собрались бы все вместе, совсем бы другое дело завязалось! Семья бы была! А так что: огрызок, половинка!

С этой нерадостной мыслью Бунтов провел остаток дня, дождался вечера, чтобы наутро заняться посадкой картошки, в деле испытать сошники. Наутро он за десять минут нарезал борозд, позвал жену, дочь, внука. Все они, да и Павел с самим Бунтовым не отставали, начали бросать картошку в грядки. А когда закончили работу, то Бунтов вновь сел за руль и за десять минут запахал картошку, зарисовав огород новыми бороздами. Вот что значит техника! На все ушло не более часа. А как все сделали, то Бунтов, увидев, что собрались соседи из тех, кто еще заранее просил о помощи, командовал своим:

— Все свободны! — и отправился к людям на переговоры.

Работал потом почти дотемна. А как вернулся к ночи домой, то узнал, что Павел укатил в Рязань.

— Мог бы еще денек-другой побыть! А то убежал и не сказал ничего. Всех денег не заработаешь!

— А нам и не надо все зарабатывать — только на жизнь и с кредитом расплатиться! А убежать он не убежал, а нормально уехал, а перед этим бахчи копал, и штакетник у палисадника починил. Тебе-то некогда это сделать! — заступилась за мужа Марина.

Ничего более Бунтов не стал говорить дочери, потому что уколола она со знанием дела, к тому же знал, что переспорить ее все равно не сможет — нервная она какая-то приехала. На следующий день это и Валентина заметила и спросила:

— Мариш, что с тобой происходит, чего нервничаешь-то по пустякам?!

— То и происходит — беременная я... Уж десять недель. Не хотела оставлять, а теперь деваться некуда. Павел пристал: хочу второго ребенка — и все тут. Как репей прицепился. А не понимает того, что нам еще два года кредит выплачивать! Ему, видите ли, по телевизору вдолбили в голову, что тем родителям, у кого второй родится, через три года двести пятьдесят тысяч дадут либо на образование ребенку, либо на жилье. Но когда это будет-то?! За три года власть десять раз поменяется, и спросить тогда будет не с кого!

— Ну и ладно, не горюй... Пусть меняется. Она меняется, а мы живем помаленьку. Да и Павел у тебя работающий. С таким не пропадешь.

— Другого бы и слушать не стала, — вздохнула Марина и почему-то прослезилась, а Валентина подошла к ней, поправила сбившуюся с плеч кофту.

— Радуйся, дочка! Затем мы и живем, чтобы детей рожать да воспитывать. Как же без них жить, зачем?!

— Эх, мама, мама, — вздохнула Марина, шмыгнула носом. — Все бы так думали... Генка-то наш разводиться собрался, и ребенок не удержал!

— Как это «разводиться»?! А ну, рассказывай!

— Давно все шло к этому. Жена-то его в банке работает, ну и с кем-то из богатеньких спуталась. А Генка-то наш, кто он такой?! Обыкновенный компьютерщик. Ну и, понятное дело, не пара стал, хотя, конечно, не слесарь какой-нибудь.

— Куда же она смотрела, когда замуж выходила за него?!

— Туда и смотрела... Генка-то наш видный был из себя, сразу после института, не в пример другим, зарабатывал неплохо, а она бухгалтером тогда корпела, гроши получала. Это потом времена поменялись. Институт тоже закончила, в банк пристроилась, деньги рекой потекли! Генка сразу не у дел оказался!

— Хорошо, девка, рассуждаешь. Если так думать, то мы с отцом-то твоим сто раз бы должны были развестись. А у нас и мыслей никогда таких не водилось, чтобы думать, кто сколько денег зарабатывает.

— У вас совсем другое дело... А Светка-то давно гуляла — Генка Павлу рассказывал. Ну и попалась однажды. А какой уважающий себя мужик после этого будет жить с такой.

— Беда мне с вами, — еще раз вздохнула Валентина и добавила: — Это если с одной стороны смотреть, а если с другой, то это, может, и к лучшему. Если уж Светка такой гадinou оказалась, то рано или поздно это произошло бы. Как говорят: если жена ушла к другому, то еще неизвестно, кому повезло больше! А Гена молодой — десять раз женится.

— Может, и женится, а жить-то где будет? Много ли получишь с двухкомнатной квартиры, которую надо на троих делить. А на одну долю в Москве даже комнату не купишь.

— Тогда пусть к нам приезжает. Дом-то у нас большой, газ есть — с дровами мучиться не надо. И бабенку подыскал бы здесь.

— Пусть сам разбирается, на то он и мужик!

Они еще долго обдумывая, как далее жить Геннадию, но так ничего и не придумали. Сошлись лишь на одном: пока ничего никому не говорить, даже отцу.

Прошло несколько суматошных дней, когда с приездом дочери не столько работы навалилось, сколько суеты. А как за ними примчался Павел и они укатили вечером 9 Мая в Рязань, то и поспокойнее стало в доме. Недели хватило Бунтову и Коляне, чтобы разделаться с пахотой и посадкой картошки на своих паях. Все почернели от загара. Жены, конеч-

но, помогали, соседи. А как засадили половину (все не осилили), то вроде бы успокоились, хотя и знали, что это лишь на время: травы на участках не оберешься. Недели три пройдет — и тогда только не зевай. А пока передых себе устроили. Валентина занялась стиркой да уборкой, Андрей возился с трактором. Как-то устроил перекур и только затянулся сигареткой, как около дома остановилась черная иностранная машина, а из нее сын показался: в искрящемся на солнце костюме, широкоплечий, коротко подстриженный — загляденье! Сперва радость кольнула, но потом подумалось: «Поздновато, дорогой Гена, прибыл. Без твоей помощи обошлись!» Но разве скажешь об этом вслух, когда полгода, наверное, не виделись. Лишь поднялся навстречу, обнял, вздохнул:

— С приездом, сын! Чего же не позвонил, не предупредил?!

А Геннадий замылся:

— Пап, я на часок... Посмотреть, как вы тут живете... Маринка такое наговорила... Что, мол, ты трактор наладил, фермером стал! Правда, что ли?!

— До этого еще далеко, но без дела не сидим. На праздники-то чего же не приехал?!

— Пап, работы полно. А сегодня в Рязань приезжал — филиал новый открываем — и вот не утерпел, заскочил... Где мамка-то?

В этот момент Валентина выскочила из веранды, подбежала к сыну, ухватила за рукав черного пиджака:

— Вот и сыночек вспомнил о нас! Надолго прибыл-то?

— Чайку попить, — улыбнулся Геннадий и достал из машины торт, как хозяин, предложил: — Пойдемте в дом, поближе к чайнику.

За столом они действительно чаевничали недолго. Геннадий коротко рассказал, что работает теперь в солидной фирме системным директором, занимается компьютерами и всем другим, что с ними связано, зарплата неплохая.

— Да уж по машине можно судить... — вставил словцо Андрей.

— Это служебная, — отмахнулся Геннадий.

Андрей осекся, а Валентина спросила:

— А в семье как, а то Марина кое-чего рассказала, я и не поверила!

— Мам, да развелся я, развелся! Тебе только это интересно?

— А как же Валерка?

— А что Валерка... Ему-то, собственно, какое дело. Мы с женой по-прежнему при нем, и не бросим никогда своего ре-

бенка, хотя он и не ребенок давно, но у нас и своя личная жизнь должна быть! Правда, пап?! — посмотрел Геннадий на отца, словно искал у него поддержки.

— Вам виднее, — отговорился старший Бунтов, до конца не осознав слова сына о разводе. — Хотя мог бы и заранее сообщить. Что-нибудь посоветовали бы. Где теперь жить-то будешь, угол снимать?

— Квартиру по ипотеке куплю... Шеф обещал помочь. Да чего я вам пережевываю. Маринка разве не говорила?!

— Говорила, говорила... — тихо сказала Валентина, побоявшись взглянуть на мужа. И тот понял ее замешательство, но при сыне не стал ни укорять, ни допытываться. Промолчал.

— Так что, дорогие родители, я вам все рассказал, можно сказать, покаяться. Как у вас-то дела?

Валентина сразу оживилась, не без гордости сказав:

— Мы тут с отцом на такое дело замахнулись! Почти всю свою землю в поле картошкой засадили!

Геннадий улыбнулся:

— Молодец, бать, всем слободским мужикам пример подал, — продолжал улыбаться Бунтов-младший.

Попив чаю, отец с сыном через сад вышли за огороды, где среди моря зеленеющего разнотравья выделялся выгоревшим на солнце черноземом большой клин взбуробанной земли. Геннадий присвистнул:

— Я-то думал у вас клочок, а тут настоящая поднятая целина, как в романе Шолохова! Молодцы, ничего не скажешь. А другие-то чего же ждут?

— Кто чего... — вздохнул старший Бунтов. — У кого нет сил, кому вообще все до лампочки. Есть такие, что даже налог не платят и готовы свой пай кому-нибудь продать. В общем, у каждого свое.

— Пап, а хочешь, всем покупателя найду?!

— Ловкий выискался!

— А что — запросто. Я как-то разговорился с шефом, и он спросил, когда услышал, что у нас чуть ли не половина пахотной, черноземной земли зарастает бурьяном да березами: «Нельзя ли в нашей местности землицы прикупить?» Я-то сперва и не знал, что сказать, а как услышал от Маринки, что ты опять к трактору прилепился, то подумал, что шефу как раз и нужны такие люди. Сказал ему об этом, а он сразу ухватился за идею. Я и приехал-то, чтобы разузнать.

— Ну и чего хочешь твой олигарх?

— Никакой он не олигарх... Поменьше телевизор-то смотри и слушай... А Герасимович нормальный бизнесмен, за ро-

дину душой болеет, за страну. Ему по-настоящему и земля-то не нужна — ему и газа хватает. Ему, как говорил таможенник Верещагин, за державу обидно! Понял суть?!

— Он что же, все пай скупит?

— Только у тех, у кого есть такое желание.

— Да-да... Сперва по желанию, а если желания не будет, то нож к горлу!

— Бать, посмотрелся боевиков, и знать ничего не знаешь, что в мире творится!

— А я и без боевиков ваших знаю, что простой человек никому не нужен и всякий прощельга спит и видит, как провести его вокруг своего слюнявого пальца. У нас тут в соседнем селе прошлым летом появились двое черных мужиков, пай начали скупать. За пай давали по семь тысяч. Ну и народ побежал к ним, особенно старухи да те, кому все по барабану. Говорят, сто паев скупил. А после под залог этой земли взяли в банке кредит. Весна подходит, надо землю пахать да сеять, а их и след простыл. Вместе с деньгами. Стали разбираться. А чего разбираться, когда, оказывается, все по закону было.

— Значит, такие у нас законы. Кто-то их под себя настрогал, а теперь и пользуется этим!

— Вот я и подумал сейчас: может, и твой олигарх хочет по той же тропинке пойти, простой народ провести?!

— Пап, ты достал простым народом! Мой олигарх, как ты говоришь, нормальный русский мужик, уж поверь мне. Он художникам помогает, писателям, ездит по детдомам с подарками, а ты выдумываешь неизвестно что. Так что, считай, я тебя сагитировал. Вот вернусь и доложу Герасимовичу, что есть человек, желающий работать на земле.

— Тогда уж прибавь и еще одного — Колянню Фролова. Вот только как работать будем на развалюхе? Надо трактор иметь поприличнее.

— Будет вам и трактор новый, — если нужно, то и не один, и всякое оборудование к нему, — было бы желание работать и люди в наличии.

— Хорошо сказанул... Сами по городам разъехались, а теперь вам наличие подавай! Ладно, это мы как-нибудь утрясем, а кто всем этим будет заниматься: покупать, оформлять?

— Пап, это тебя не должно волновать. Если у людей есть деньги, то и головы найдутся. Только свистни: приедут наши юристы, и не только, весь район на ноги поднимут. Понял?

Они поговорили о названии будущего предприятия и договорились, что Бунтов начнет помаленьку составлять списки тех, кто желает продать пай. Геннадий, заглянув домой и,

переписав паспортные данные родителей, попросившись с матерью, сразу укатил на своем черном джипе. Сын уехал, а Андрей Бунтов остался в совершенном смятении. Пришлось все рассказать Валентине, и та неожиданно поддержала:

— И не сомневайся. Если Генка говорит, значит, надо делать по его.

Хотел Бунтов сказать жене что-нибудь соленькое, но не стал связываться. Не то настроение было. Мысли так и вились в голове. Он хотя и продолжал сомневаться, но постепенно успокоился: ведь не один же на один остался с мыслями.

Наутро нашел в комодке тетрадку, вырвал из нее листок и нацарапал: «Список желающих». Начал обход со своего порядка и чуть позже, переговорив с Петровичем, записал и первую строчку: «Круглов Алексей Петрович». Дальше пошел травянистым порядком, вспомнил об Авдотьихе. Говорить с ней не хотелось, но ради дела пришлось заглянуть, постучаться в окно. А хозяйка, как увидела его, так и заулыбалась, выскочила в веранду в опорках, хотя о зиме давно остались лишь воспоминания:

— Никак, старую вспомнил?! Давно, Андрей Николаевич, не заходил!

— Я по другому вопросу, — нахмурился Бунтов, не зная, как половчее объяснить, чтобы старуха поняла с первого раза, что не за выпивкой он пришел. — В общем, появился человек, желающий купить наши земельные паи. Хорошие деньги обещает..

— А не обманет?! — сразу засомневалась Авдотьиха. — А то летось в Пустотине черные мужики старух ободрали и были таковы.

— Никто их не обдирал — самим не надо было vareжку разевать. А теперь обмана не будет. Серьезные люди за дело взялись! — Андрея так и подмывало сказать, что знает об этом от собственного сына.

— И сколько же обещают?

— Тысяч по тридцать-пятьдесят.. В общем, решай. Наду-маешь, дай знать.

— Тогда чего уж думать. Записывай, коли пришел. Я согласная, а то помру и этих-то денег не увижу, а мне внучке помогать надо.

Авдотьиха начала рассказывать о внучке-девятикласснице, о ее беспутной матери, словно Бунтов ничего этого не знал, и поэтому остановил хозяйку.

— Ладно, Ивановна, с тобой все ясно, — сказал он, давая понять, что спешит. — В общем, записываю, что согласная. —

И коряво нацарапал следующую фамилию: «Фирсова Евдокия Ивановна».

После Авдотьихи пошел к Коляне. И тому все объяснил, а когда распрощался, то решил никому ничего более не объяснять, потому что, когда начинал объяснять, неизменно приходилось врать, а врать ему не хотелось. Возвращаясь назад, Андрей чуть ли не остановился около избы Петуха, стоявшей с некрашеными наличниками, и сразу вспомнился разговор с ним. Уж недели две прошло, а морда его, как живая, предстала перед глазами... И Бунтов заставил себя не говорить с его матерью, у которой, он знал, имелся пай, тогда как у самого Петуха, никогда не работавшего в совхозе, такого пая и в помине не было. «Нужно будет — сами придут! Не переломятся», — решил Бунтов и пошел далее, вдруг почувствовав облегчение.

Зато, увидев у следующего крыльца Розу, Бунтов невольно остановился, хотя и знал, что у нее нет пая и не может быть. Но почему бы не перекинуться словечком-другим с женщиной, которая нездешней, смуглой красотой будоражила душу. К тому же он знал, что Роза живет одна, а обе ее девки — кто где: одна замужем в Электрике, а другая, младшая, укатила в Москву на заработки. Поэтому и остановился с умыслом, попросил водички. И Роза сразу откликнулась, назвав Бунтова по имени, как сверстника:

— Андрей, а может, кваску? Молодой, вчера сварила!

Вынесла она кружку пенистого хлебного кваса, настоящего на мяте, и смотрит, как Бунтов, дергая кадыком, пьет. А как выпил, то с готовностью спросила:

— Может, еще?

— Оставь до следующего раза! — сказал он со значением и нахально уставился в ее прищуренные глаза.

— Хорошо бы заранее знать, когда он будет?..

— Сообщи, не переживай... А квас действительно хорош, с хреном! Молодец, хозяйка!

Повернувшись, чтобы идти далее, Бунтов приостановился, сказал так, как сказал бы заботливый хозяин:

— Картошка взойдет — сама не окучивай. Опашу — трактор имеется... — И теперь уж окончательно повернулся и шепнул сам себе: «Желаю счастья и добра».

Он ушел, а она, Роза Устинова, осталась одна, только-только начиная понимать, что неспроста зашел Бунтов. Она вдруг поняла, что это именно тот человек, которого искала и ждала в последнее время. В ней действительно текла корейская кровь, доставшаяся от отца-корейца, которого не помнила, так как родилась после его смерти, и за что в слободе теперь

получила неожиданное прозвище «Казашка», наверное, потому, что приехала из Казахстана. Вся же остальная родня по матери — русские, и муж был русский. Роза в детстве почти каждый год гостила в Лонске у бабушки, поэтому хорошо знала этот городок. Когда развалился Советский Союз, они с матерью ездить в Лонск перестали: не на что было и некогда. Другая забота была тогда — о дочурках. Потом осталась с ними одна, когда муж ушел к другой. Тогда и переехали в Лонск. Первое время жили у знакомых, а когда, вдоволь навоевавшись с миграционными властями, хотели купить дом в самом городе (бабушкина квартира отошла государству), то оказалось, что не по карману такая задумка. Стали искать в слободах, где намного дешевле, и приглянулся домишко в Казачьей Засеке. Вроде бы обустроились, Роза начала работать почтальонкой, а через год мать неожиданно умерла, словно дожидалась переезда на родину. После ее кончины и пошли слухи о доме Розы Устиновой как чуть ли не о притоне. Слободские бабы и без того косились на нее с самого начала: мол, по дворам таскается, мужиков почему зря соблазняет, юбкой перед ними пылит! А теперь и вовсе на дух не переносили. Да и было отчего: что ни вечер, так у них очередная свара. И как объяснишь людям, что она, Роза, к этим шумным вечерам отношения не имеет, а весь шум-гам из-за подросших дочерей, за которыми окрестные парни ухлестывали, частенько дрались. Роза уж и уговаривала молодежь, гнала от дома, напоминая, что для развлечений есть клуб, но разговоры не действовали даже и тогда, когда пугала участковым Мустафой. Но неожиданно все утихло само собой, когда в прошлом году старшая дочь вышла замуж, а младшая, окончив школу, отправилась в Москву поступать в институт, но, не поступив, все равно осталась в столице. И вот только тогда, заскучав от одиночества и непомерно страдая от этого, начала Роза присматриваться к местным мужчинам по-настоящему, но никого так и не присмотрела. Нравился, конечно, один, но он был старше, женатый. К тому же она часто его видела выпившим, поэтому особенно и не приглядывалась, хотя знала, что его зовут Андреем, а фамилия — Бунтов. Почему-то более фамилия понравилась. Эти сведения застыли неподвижным грузом до той поры, пока не услышала Роза, что этот самый Бунтов бросил пить и начал на тракторе работать. Когда же вспахал ей огород и денег не взял — она присмотрелась к нему и увидела в нем надежного мужчину, к тому же красивого и веселого, с которым, наверное, могла бы говорить и говорить. Ей просто необходимо было поговорить откровенно, доверительно рассказать о сво-

ей беде и, быть может, попросить защиты. А то второй месяц, как вернулся из колонии Семен Пичугин и, узнав, что рядом живет одинокая женщина, проходу не стал давать. А, Бунтов, Роза была уверена, не отказал бы в помощи. Ведь бывает, что надо лишь поговорить мужикам, и все уладится.

Бунтов словно знал настроение переселенки, и ему после разговора с ней окончательно расхотелось таскаться по дворам, объясняться со всеми да уговаривать пугливых граждан. Решил сделать проще: вернуться домой, написать объявление и повесить на двери магазина — сразу все узнают! Правда, сразу в дом не пошел, а присел в тени рябиновой аллеи на «козел» и полчаса, наверное, вспоминал смоляные глаза Розы Устиновой.

В тот же день Бунтов ходил к магазину и, попросив у продавщицы клею, прилепил к столбу объявление о покупке паев. И сразу о нем заговорили в слободе совсем уж азартно. Он только в первый день объяснял людям, что да как, а потом надоело — свалил заботу Валентине, сказал ей, как приказал:

— Бухгалтером в совхозе работала — тебе и карты в руки. Сиди и список составляй, а мне надо с трактором повозиться, пока особых дел нет.

Трактором, конечно, надо всегда заниматься, особенно таким, какой имелся у Бунтова. Но в последние майские дни его более волновал не сам трактор, а неожиданно навалившаяся жара. Начал вспоминать и вспомнил, что с самой весны, в этом году на удивление ранней, такой, что к началу марта и снега не осталось, не прошло ни одного мало-мальски заметного дождя. «Надо в «три буквы» идти!» — решил Бунтов, вспомнив, что видел в соседнем селе подходящую бочку, когда ездил заваривать сошники.

На следующий день Бунтов отправился туда, решив опередить того, кто, возможно, раньше спохватится. Когда пришел, то цистерну приметил сразу. Поговорил с каким-то трактористом, а тот сразу отослал к директору: мол, иди к Темнову и разговаривай с ним, если тебе нужно. Бунтов, не раздумывая, — в контору. Нашел директора, с которым когда-то вместе работал на комбайне, пока тот не окончил институт, и сразу повеселел, словно встретил приятеля. Правда, поздоровавшись, назвал его по имени и отчеству, хотя тот был всего-то лет на десять моложе:

— Алексей Алексеевич, с просьбой обращаюсь. Помощь нужна! Не одолжите на время бочку к трактору?!

Молодцеватый, загорелый директор улыбнулся, тряхнул чубом и ответил вопросом:

— Для своего поля стараешься? Видел-видел — сколько всего наворочал, да только, дорогой, технологию не соблюдаешь! Уж тебе ли, Николаич, не знать, когда и как пахать и сеять!

— Да, стыдно, но нет сил терпеть и ждать следующего года... Глядишь, что-нибудь и в этом уродится. Поэтому, чтобы совсем уж не опростоволоситься, и обращаюсь с просьбой: бочку бы мне надо на несколько дней. Необходимо хотя бы разок хорошенько землю пролить, а там, глядишь, и дождик завяжется!

— Молодец! Первый вспомнил о засухе. И цистерну не жалко, да только не в рабочем состоянии она — приводной вал у насоса кто-то отворотил, а без насоса какая работа — только руки рвать.

— Починю... Не впервой!

— Тогда забирай, у меня пропашных нет. Через неделю вернешь!

Сразу загоревшись новой заботой, Бунтов вскочил со стула, но директор остановил, едко спросил:

— Андрей Николаевич... Дошел слух, что ты скупаешь пай в Казачьей! Это правда?

— Если бы... Откуда такие деньги! Попросили серьезные люди список желающих составить... Вот и помогаю, как отказать?!

— Смотри, как бы потом обиды не было!

— Мне-то какая забота — это дело добровольное... Пусть каждый своей головой думает, а не надеется на чью-то... Ну, ладно, пошел я.

Бунтов сразу отправился к цистерне и, прикинув, что к чему, нашел на складе хозяйства, напминавшего кучу хлама, нужный вал: определил точно, но на всякий случай примерил — подошел. В тот же день, хотя и опасался выводить трактор на шоссе без номеров, съездил в Перловку, подцепил бочку и запыллил на Алешню, опробовать насос. Опробовал — работает! Это походило на чудо, когда за десять минут накачал двухтонную цистерну и приехал на свое поле с водой. Заехал с дальнего конца, откуда вода под уклон потекла по едва обозначившимся грядкам. Хотя и не намного хватило ее, но это не беда. Он будет ездить на реку до тех пор, пока не прольет оба поля — свое и Колянино, — а после и огороды без внимания не оставит. Так что он, Бунтов, еще покажет, как надо работать! Может, поэтому Бунтов, добыв бочку, и «пахал» без обеда, и вспомнил о еде, только увидев Валентину, спешившую с пакетом. Даже запалилась, бедняжка, а как подошла, — сразу с укором:

— Тебя и не отловишь сегодня... Только услышу трактор на поле, только соберусь, а уж и след простыл — на реку уехал...

— Ладно, не части, — присев в тень трактора, улыбнулся Бунтов. И, отряхнув о себя руки, очистил яичко и густо посыпал солью, хлеба ломоть прихватил. — Попить-то принесла? — И не дожидаясь ответа, заглянул в пакет, достал двухлитровую пластиковую бутылку.

— Квас в ней. Правда, женатый, но и такой хорош в жару!

Прямо из бутылки отпил Бунтов квасу, подумал: «С Розиным разве сравнишь!»

— Гена звонил, — сбила Валентина мужа с мыслей о почтальонке. — Знаешь, чего он придумал-то? На компьютерные курсы записал, в Электрик буду ездить... Деньги уж перечислили. Говорит, через неделю начнутся занятия, а потом я буду бухгалтером в новом хозяйстве. А я не знаю, что делать! Никогда ведь на компьютере не работала!

— Научат! Для того и посылают! — сердито ответил Андрей от непонятливости жены, но радуясь в душе, что сын дал знать о себе, помня о деле.

Он запрыгнул в кабину, прихватил бутылку с квасом и, махнув Валентине, вновь поехал на Алешню, но остановился, крикнул жене:

— К Коляне сходи, скажи, чтобы солярки привез!

На речке, пока заполнялась цистерна, даже успел искупаться. Туда-сюда крутнулся саженками, освежился, — это хорошо, а выбрался на берег — опять на душе забота от беспрерывно жгучего солнышка. Вторую неделю оно не давало покоя. Поэтому и некогда было у воды нежиться.

Восемь или девять раз успел Бунтов съездить за водой, а и половины посадки не полил. Вода уходила в землю как в песок. За весь день только один настоящий перекур устроил, когда Коляня приехал. Посмотрел тот на обширное поле, на то, как быстро вода вытекает из цистерны, и усомнился:

— Только солярку зря жгем!

— Не зря! Если сомневаешься, то и нечего тут под ногами мешается!

Только Бунтов расстался с Коляней и направился к реке, как увидел на шоссе милицейский мотоцикл. И самое неприятное: он остановился. Хотел Андрей развернуться и уехать в поле, но отругал себя за малодушие, решив, раз уж попался, то разговора не избежать, тем более что милиционер местный, живет в Перловке. Поэтому подъехал, остановился, выбрался из кабины и поздоровался. А милиционер козырнул, словно и знать никогда не знал Бунтова, и сразу с вопросом:

— Почему управляете транспортным средством без государственных номерных знаков?! Ваше водительское удостоверение!

Бунтов знал, что фамилия у милиционера Свиридов и зовут его тоже Андреем. Поэтому и ответил с улыбочкой:

— Товарищ старший лейтенант, тезка, документы дома лежат, а то, что номеров на тракторе нет, — так он же списанный давно!

— Значит так, фиксируем: водительского удостоверения нет, государственные номера и документы на транспортное средство отсутствуют! По правилам я обязан доставить вас в милицию для выяснения личности и проверки транспортного средства на предмет угона!

— Погодите, товарищ старший лейтенант... Хотел спросить: огород-то вы в этом году сажали?

Милиционер промолчал.

— Ну, так вот, значит, сажали, и картошка ваша, стало быть, горит под таким веселым и жгучим солнышком. И вот, пока вы будете меня катать туда-сюда, она еще сильнее сгорит, одни черные будылья к вечеру останутся. А чтобы этого не случилось, я как раз и направлялся сейчас на ваш огород и собирался безвозмездно полить вашу не взошедшую картошечку, а вы мешаете. Это разве по-хозяйски?!

— Хватит, Бунтов, языком молотъ — в отделении договоришь, — продолжал хмуриться милиционер, но все-таки чуть заметно улыбнулся.

— Вот у нас уж и улыбочка появилась... Давай договоримся так, дорогой товарищ старший лейтенант: вы меня не видали, и я вас не встречал, но ваш огород, обещаю, сегодня будет полит весь до последней грядки! Годится такой вариант?!

Милиционер ничего не ответил, сел на мотоцикл, а Бунтов злорадно усмехнулся: «Все вы только на словах законники! А на самом-то деле... Хотя я и сам дрянь-человек, если ловчить начал!»

Бунтов еще долго злился и укорял себя — все то время, пока дважды ездил в Перловку и вылил две цистерны на милицейский огород. А вылил и вспомнил о Темнове: ведь ему-то тоже надо помочь — цистерну все-таки дал, не пожалел. И еще две ходки сделал Андрей, теперь на директорский огород, даже не сказав хозяину, потому что его не оказалось дома, только предупредил его жену. А как полил два чужих огорода, то и расхотелось ехать на свое поле, домой завернул. Поставил трактор на прикол, ушел в сарай и долго лежал в холодке, пока его не обнаружила Валентина. А, обнаружив, сразу в штыки:

— Чего это с тобой? Или лень одолела?

— Одолела. Только не лень, а сама жизнь одолевает, руки отсыхают от такой жизни, от таких порядков!

— Тогда откажись от всего, давай вместе будем в сарае на фуфайках валяться! Вот забава-то будет!

— Не егозись... — оборвал Андрей жену и поднялся, отправился в дом. — Пошли обедать... или ужинать — мне все равно!

Пока Бунтов курсировал между рекой и полем, Валентина готовилась к учебе, предварительно съездив в Электрик и узнав, когда начнутся занятия и что нужно иметь при себе. Оказалось, ничего особенного: паспорт, тетрадку общую да авторучку, да еще свежую и умную голову на плечах! Ей так и сказал очкастый, кучерявый мужичишка, видно не особенно довольный ее возрастом, когда она нашла эти самые курсы, размещавшиеся в подвале какого-то высотного здания.

Это было несколько дней назад, и вот сегодня, в понедельник, 4 июня 2007 года, она встала пораньше и, перед тем как выйти из дома, попросила мужа:

— Андрей, пожелай мне удачи! Давай-ка присядем на дорожку!

— Чего ты выдумываешь-то, трясешься от страха! Не на аборт идешь.

— Туда-то, может, и легче было бы.

«Мне бы твои заботы!» — подумал он, когда, проводив Валентину до палисадника, отправился к трактору.

Хотя к нынешнему дню жара увяла, будто и не было ее, но по-прежнему стояла сушь. Дождик недавно небольшой покапал, но даже пыль не прибил, и теперь надо было поливать картошку на огородах. Начал со своего, несколько раз съездил за водой. Кроме огорода, полил бахчи, бочки наполнил. Потом поехал на Колянин, а как с его огородом расправился, то неожиданно вспомнил о Розинном, когда увидел ее саму. И зло отругал себя: «Надо бы сразу ехать, а теперь опоздал. Валентина, того и гляди, вернется из Электрика, застучает!» Обругав себя вдобавок бестолочью, Бунтов повернул домой, хотя и еще были люди, просившие — да чего там просившие — умолявшие! — полить огород. Но нет: настроение у Андрея к этому часу совсем пропало. Не хотелось ничего ни делать, ни думать ни о чем. Только бы лежать и вспоминать Розу.

Пытался что-нибудь придумать, но так ничего и не придумал. Дождлся, когда вернулась из Электрика Валентина и начала молотить языком, чуть ли не по минутам рассказывая о

первом дне учебы. А следующим утром, как только Валентина отправилась на учебу, Бунтов завел трактор и сразу поехал на реку, решив полить Розе огород, тем более что она рано утром уходит на почту. На реке заполнил цистерну — и на Розин участок. Осторожно подогнал трактор поближе ко двору, распустил шланг, а сам уселся на меже, закурил. И удовольствие у него на душе от вида вытекающей из цистерны воды необыкновенное. А еще более от предстоящего удивления, которое наверняка обозначит хозяйка огорода, когда увидит его политым. «Сюрприз так уж сюрприз будет!» — вздохнул от радости Бунтов.

Поэтому, когда поехал второй раз на Алешню, не торопился, делал все без оглядки на кого-то. Даже искупался. Он купается, плавает вдоль по речке, а вода уж давно хлышет из переполненной цистерны, и его это особенно не волнует, потому что спешить некуда, день большой. Наплавался Андрей, остановил насос и отправился на Розин огород. Заехал, распустил шланг и только тогда увидел Розу: скрытно стоит в вишнях и машет ладошкой, зовет... А у Бунтова от ее движения сразу сердце заколотилось. Подхватился — и к ней. А она, вместо того чтобы дожидаться и что-то сказать, торопливо пошла в дом, и Бунтову волей-неволей пришлось догонять ее. Догнал в сених и хотел повернуть, чтобы посмотреть в глаза, но она сама порывисто повернулась, громыхнула задвижкой, закрываясь изнутри, и покорно прижалась к нему, медленно подняла голову с закрытыми глазами и распахнутыми губами... И, не помня себя, Бунтов вцепился в них... Целовались они, как показалось ему, вечность, а потом Роза слегка отстранилась, взяла Андрея за руку и повела за собой. Когда же в комнате она ловко сняла платье цвета василька, то без одежды показалась удивительно миниатюрной и стройной. И почему-то со светло-оливковой кожей, хотя всегда выглядела смуглой. Она нисколько не стеснялась его. Уверенно и быстро разобрала постель и, ложась в нее, вдруг, как показалось Бунтову, испуганно застонала, словно проваливалась в пропасть.

Он не знал, сколько длилось удовольствие, на которое мог бы запросто променять всю оставшуюся жизнь, но оно, как показалось, быстро закончилось. Зато остался на душе восторг, нежность к Розе, которая продолжала целовать, не желая отпускать. И Бунтов мог бы так лежать бесконечно, боясь лишним словом нарушить взаимное успокоение.

Она, конечно, понимала его состояние, и когда он зашевелился, украдкой посмотрев на часы, сказала с легкой обидой:

— Ладно уж, иди... — И попросила: — Не забывай меня!

— Завтра приду, в это же время... — пообещал он и, провожаемый Розой до задней двери, поцеловав ее на прощание, тихонько вышел в вишенник, где сразу обругал себя, заочно оправдываясь перед Валентиной: «Гад я последний, гад ползучий!»

Пока доехал до реки, немного успокоился, но мысли о Розе, воспоминания о том, как все произошло, не выходили из головы. Поэтому, наверное, не спешил наполнять цистерну, словно хотел прийти в себя, отдышаться. Он заглушил дизель и решил еще раз искупаться, а, искупавшись, присел на дощатую лаву, на которой обычно бабы полощут белье, впервые за последний месяц радуясь солнышку, и мог бы так сидеть бесконечно долго, бултыхая ногами в воде, но чуть ли не вздрогнул от мужского голоса, показавшегося знакомым. Повернулся Бунтов и увидел сына, спускающегося к лаве, который, увидев отца, заулыбался, укорил:

— Вот он где скрывается, на лаве нежится! — И торжественно продекламировал:

*А за мостками тонкими
Блещет вода слюдой,
Ходят веселые окуни
На глубине золотой.*

— Где научился так складно говорить-то?! — приходя в себя, спросил Андрей и внимательно посмотрел сыну в глаза, пытаясь определить его настроение.

— Это один рязанский поэт раньше меня сказал, Валера Авдеев. Тоже воду любил. И погиб от нее... Ладно, не будем о грустном. Иди, бать, гостей встречай!

— Кто такие? — поднявшись на лаве и увидев крышу джипа, спросил старший Бунтов.

— Иванов или олигарх, как ты говоришь, приехал. Заглянули домой, а на двери замок. Спросили у соседей, где тебя можно найти — они и указали. Пойдем, познакомлю с Федором Герасимовичем.

Они пошли к машине, и Бунтов во все глаза смотрел на ожидавших мужчин: двое молодые — подтянутые, в темных костюмах, а третий — высокий, курносый шатен постарше и одет похуже: в клетчатой с неровно закатанными рукавами рубашке и в помятых серых брюках, совсем не похожий на тех олигархов, которых показывают по телевизору. Поздоровались, а Геннадий представил отца:

— Вот это и есть Андрей Николаевич, самый отчаянный человек во всей округе!

— Наслышан, наслышан! — внимательно рассматривая Бунтова, пожал руку «олигарх» и представился: — Федор Герасимович... Как настроение, Андрей Николаевич, как работается?

— Нам не привыкать. Сейчас вот картошку поливаю.

— А как бы нам ваше поле посмотреть?

— Особо хвалиться нечем, но показать можно, отчего нет. Только сперва мне надо бочку накачать — чего пустой рейс делать, солярку зря изводить?!

Бунтов завел «Беларусь», и, пока цистерна заполнялась, Федор Герасимович сказал Геннадию:

— А отец-то у тебя — настоящий хозяин! Не захотел попусту трактор гнать!

Когда остановились на краю поля, уже начинавшего зарастать травой, особенно в тех местах, где Бунтов воды не жалел, он пожаловался:

— Уж не обессудьте... Самому стыдно смотреть на такое поле... Без гербицидов оно за неделю зарастает бурьяном. А руками тут много ли сделаешь?

— Рабочих надо пригласить! — сказал Иванов таким тоном, будто бы напомнил о том, о чем и самому Бунтову давно надо бы знать.

— Было бы на что! — И показал на пальцах, что, мол, не на что.

— Это не проблема, поможем... Так что с завтрашнего дня и приступайте, Андрей Николаевич! — Кивком подозвав одного из сопровождавших мужчин с дипломатом, спросил у Бунтова: — На первый случай пятьдесят тысяч хватит?

Бунтов подумал, что ослышался, посмотрел на сына.

— Бери, отец, бери! — подсказал тот, а мужчина достал из дипломата толстую пачку тысячерублевок.

— Когда же верну-то, и с каких доходов?! — все-таки взяв деньги, испуганно спросил Андрей.

— Возвращать необязательно! — твердо сказал Иванов. — Считайте, что это ваша зарплата и тех людей, которые будут помогать вам. Скажите, Андрей Николаевич, какие культуры рентабельнее возделывать на здешних землях?

— Обычно пшеницу сеяли да свеклу, иногда кукурузу. Кукуруза сейчас не нужна — скота нет, а свекла очень трудоемкая. Спокойнее всего зерновыми заниматься, тем более что в этом году цена на зерно подскочила из-за засухи, но моим тракторишком все равно ничего не сделаешь. Нужна настоящая техника.

— А если мы новую купим, современную, сможете на ней?

— Медведей в цирке учат на велосипедах ездить...

— Тогда будем считать, что договорились... В ближайшие дни сделаем заказ на технику, пора начинать. Ведь, прежде чем заехать к вам, мы побывали в администрации, согласовали условия совместной работы и получили «добро»! Так что теперь дело за вами, уважаемый Андрей Николаевич. Если не возражаете, приглашаем на должность управляющего в создаваемом хозяйстве. Правда, пока исполняющим обязанности.

— Какой из меня начальник?! Не привык я к этому. Мне бы трактор хороший и чтобы никто не мешал работать.

— Не переживайте... Это только на самое первое время. Будет вам и квалифицированный управленец, и агроном, если понадобится, — все будет. Сейчас же нужно ваше желание. Пример вы уже подали, народ за вами потянулся. А это главное. Так что будем работать вместе. Вы уж не отказывайтесь, пожалуйста!

— Да он давно согласен, — поспешно вставил словечко Геннадий, — это сейчас немного ступешался.

— И правильно делает, проявляя осторожность. Такому человеку можно доверить хозяйство, — поддержал Иванов старшего Бунтова и направился к машине.

— Вы что же, так и уезжаете?! Заехали бы ко мне. Хозяйка, правда, уехала на учебу, но яичницу я бы и сам поджарил!

— Пап, не суетись, — охладил пыл отца Геннадий. — Пообедать — для нас не проблема. Передавай маме привет! Договорились?

— Договорились... — не очень-то охотно пообещал Бунтов, сразу вспомнив о своем сегодняшнем приключении с Розой.

— Ну, тогда, Андрей Николаевич, с вашего разрешения, мы отбудем?! — слегка улыбнувшись, спросил Иванов.

— В час добрый! — серьезно сказал Бунтов и попрощался за руку с приезжими людьми.

Еще разок съездив за водой, Бунтов более работать не желал и вдруг понял, что все это из-за денег. Не было бы их, и все продолжалось бы, как прежде, а теперь мысли закрутились совсем иные. Захотелось сходить в магазин и что-нибудь купить. Конечно, в другое время он пулей полетел за водкой и пил бы потом несколько дней, появись у него такие деньжищи. И не только сам пил, а напоил бы, наверное, всю слободу. Но теперь им овладел расчет, появилась ирония, доходившая до издевательства над собой. Мол, могу водки купить — хоть целый ящик! — а не буду, не хочу, а вот женщинам конфеток прикупить необходимо. Любят они сладкое, заразы. Подумал о женщинах во множественном числе и ус-

мехнулся: «Чего это? У меня лишь одна, Валентина!» И, укорив себя, вдруг понял, что идет за конфетами более для Розы. Он даже представил, как завтра зайвится к ней с кульком душистых конфет, а она потом будет их хрумкать и благодарить его... Поэтому попросит конфет самых дорогих, а чтобы не показывать на людях всю пачку, заранее приготовил одну купюру; надо бы, конечно, зайти домой и спрятать пачку в укромном месте, но пока не хватало сил с ней расстаться. Бунтов даже представил, как он будет покупать конфеты, а на него будут смотреть и наверняка завидовать.

Все бы так и было, если бы не Валентина, возвращавшаяся с учебы и случайно оказавшаяся в магазине. Все планы Бунтова сразу пошли насмарку. А она, как увидела его, сразу подступила с подозрением, решив, что он пришел за выпивкой:

— Чего здесь околачиваешься? Смотри у меня!

И ладно бы спросила один на один, а то при всех. И это не понравилось Андрею, будто пощечину отвесила.

— Смотрю, смотрю... — С вызовом сказал он и подступил к продавщице: — Зина, завесь-ка мне конфет самых хороших, да круг колбасы, да селедочку какую пожирнее! — И вдруг, будто что-то вспомнив, добавил: — И блок сигарет богатых, с фильтром!

Поленькая продавщица улыбнулась, принялась взвешивать продукты, а сама нет-нет да поглядывала на тысячерублевку, на то, как Бунтов небрежно помахивал ею, словно мух отгонял. Валентина, собиравшаяся купить две буханки хлеба, стояла рядом и ничего не понимала. Когда же Зина назвала Бунтову сумму — почти пятьсот рублей! — она поспешила выскочить из магазина, видимо, не желая видеть, как такая сумма выскальзывает из семейного бюджета. Когда Бунтов неторопливо вышел на улицу, Валентина зашипела:

— Чего вытворяешь-то?! Деньги из заначки, что ли, взял?!

— Да, оттуда, — отойдя в сторону, ответил Бунтов. — Заглянул сегодня в шкаф, а там — боже ты мой! — они пачками лежат! Вот взял одну, чего же на деньгах сидеть и голодать?!

Выдержав паузу, Бунтов достал из брюк пачку, показал Валентине, а та чуть ли не упала от неожиданности, даже побледнела:

— Чего ты все выдумываешь-то, паразит! Рассказывай, где деньги стянул!

Пришлось рассказать. А как рассказал, то Валентина попросила:

— А ну-ка, дай посмотрю, может, фальшивые?

— Чего городишь-то? Неужели Генка будет нарисованные подсовывать?!

Андрей отдал пачку, а жена сразу сунула их за лифчик, отчего платье встопорщилось еще круче.

— Больше не увидишь! — припугнула Валентина. — А то сразу распорядиться начал, хозяйничать!

Бунтову стало обидно, что Валентина так ловко выманила деньги, и он понял, что дальше пререкаться бесполезно. В другой бы раз он пошел и обязательно напился, но сейчас не мог позволить себе этого, перестал бы уважать, а, вспомнив Розу, злорадно подумал о жене: «Вот поэтому и гуляют мужики от таких, как ты! И всегда будут гулять!»

На следующий день, когда Валентина уехала в Электрик, он купил в ларьке шоколадку, разного печенья и, дождавшись, когда Роза прошла домой, предварительно крутнулся около своего крыльца и дал знать из раскрытой веранды, что сейчас придет к ней, и через сад и огороды отправился на свидание.

Если вчера все произошло вроде шутливо, самой собой, будто по-иному и сложиться-то не должно было, то сегодня он напоминал вороватого кота, пробирающегося за сметаной в чужую кухню. Он даже не осмелился сразу нырнуть в ее сад, а зачем-то прошел до фермы, чего-то там посмотрел, поковырялся в куче битого кирпича, будто присматривал что-то для себя важное, а после повернул назад, незаметно оглядываясь на всякий случай, опасаясь шального свидетеля. К его радости, на огородах никого он не увидел, только вдалеке какая-то старушенция собирала жуков, не обращая внимания на палившее солнце. А Бунтову только этого и надо. Около ветлы на Розиной меже он все-таки посидел несколько минут в тени и лишь потом быстро поднялся и — была не была! — заторопился под спасительную крону ближайшей яблони... Подумал, что, как и вчера, Роза будет встречать его, прячась в вишнях, но сегодня ее не оказалось, и он осторожно прошел к воротам, толкнул их... Они оказались незапертыми, как и дверь в сени, ведущая с заднего крыльца. В сенях повторилась вчерашняя история с целованием, но теперь Бунтов не спешил, ему захотелось по-настоящему прочувствовать все то, что в прошлый раз почти не понял из-за стремительности встречи. Но разве можно по-настоящему сдержаться, когда она дрожит от пяток до макушки. Он подхватил Розу на руки, опустил на кровать и, забыв о стыде, начал медленно раздевать ее. Помогая, она легко поворачивалась и стонала, словно его прикосновения вызывали в ней невероятную боль, поэтому и не постеснялась высказать недоволь-

ство от его медлительности: «Не возись!» А ему не хотелось спешить. Он смотрел на ее закрытые глаза, на оголившуюся грудь с длинными и темными сосками, почти черными, на узкий, в мелких родинках живот, часто поднимавшийся и опускавшийся вместе с дыханием, и так медленно приближался к ней, что она, торопя, обвила руками, показавшимися ему необыкновенно сильными, и уж более не отпускала.

— Нормально дошел? — поинтересовалась она, когда они все-таки обуздали себя, а он, отдышавшись, попросил попить.

— Все тихо... — успокоил он, принимая из ее рук кружку с квасом.

Дождавшись, когда он напьется, она и сама сделала глоток-другой и легла рядом с ним, прижавшись вновь задрожавшим телом. Он попытался что-то сказать, но она властно закрыла ему рот ладошкой и приказала:

— Молчи!

Она явно командовала, а он с необыкновенной легкостью и радостью исполнял ее желания, когда она, как бабочка, порхала над ним, или когда, вдруг притворившись раненой птицей, раскидывала на постели руки-ноги, или когда беззащитным гонным зверьком забивалась головой в подушки. Она была всякая хороша. И именно поэтому, не ощущая утомления, Бунтов пробыл у нее до вечера, а Валентине потом сказал, что ходил в Перловку за подшипником и что, мол, устал до невозможности, хотя с этого дня, оставив Розе денег, чтобы самому не мелькать в магазинах, начал частенько заглядывать к ней.

Мало-помалу он с Валентиной, конечно, помирился. Общее дело заставляло работать вместе. Валентина завела ведомость, как она сказала, «для отчетности», и теперь все, кто только желал, мог прийти на бунтовское поле (Колянинское тоже) и, отработав день, получить триста рублей. Дневную норму и оплату установила Валентина. Она каждый день перед отправкой на учебу давала мужу задание, а когда возвращалась, приходила на поле, сама рассчитывалась с поденщиками, словно не доверяла Бунтову, который в эти дни тоже без дела не сидел.

Дней за пять с помощью десятка человек разделались с прополкой, потратив при этом тысяч пятнадцать, а остальные деньги пока лежали без движения, правда, теперь Валентина не скупилась на солярку. А Бунтову и это дай сюда. Жить можно. Тем более что жена, в конце концов, поверила, что из общих денег можно взять часть мужу на зарплату. Пред-

ложила купить ему костюм, а у Андрея от такого предложения молнией стрелкнула мысль: «Вот бы желтые ботиночки да светлый костюмчик в темную полосочку прикупить — перед Розкой показаться!» Но как об этом скажешь?! Поэтому сразу отказался:

— Зачем он мне... Себе что-нибудь присмотри, чтобы на курсах модничать, да внукам подарки сделай. А то мы уж и забыли, когда, кроме игрушек, что-нибудь стоящее дарили. А еще лучше будет, если Маринке денег дашь — она с мужем в долгах как в репьях. К тому же беременная!

— Откуда знаешь-то?!

— Генка рассказал.

В общем, как они поругались из-за денег, так и помирились из-за них же. Тем более что сделали большое дело со своим полем. А тут и дожди прошли, и картошка зазеленела, закустилась, закрыла грядки. Душа радовалась. Осталось жуков поморить да, если надо будет, сделать небольшую выборочную прополку. А потом можно будет присматриваться, где, на каком рынке картошку продавать: то ли в Электрик ехать, то ли в Скопин, а то, может, и на саму Рязань замахнуться. Но это дело будущего, а пока новая забота свалилась на Бунтовых.

Колорадских жуков, будь они неладны, Бунтов поморил за один день, используя цистерну, и успокоился, но ненадолго. Как-то вечером позвонил Геннадий и сказал, что завтра приедут в слободскую администрацию люди и начнут оформлять покупку паев. Половинкина уже все знает, а им надо оповестить людей, но сделать это утром, чтобы прежде времени никого не баламутить. Да и для безопасности это необходимо, потому что приедут люди с большими деньгами. С сыном разговаривала Валентина, а Бунтов, догадавшись, о чем разговор, шепнул жене:

— Спроси, по какой цене будут скупать?

Валентина спросила у Геннадия и повторила для мужа:

— По тридцать пять тысяч...

Позже, когда она положила трубку и сидела какое-то время неподвижно, словно что-то обдумывала, Андрей невольно тоже задумался, а потом спросил, словно укорил, зная, о чем думала жена:

— Дались тебе эти тридцать пять тысяч?!

— А семьдесят не хочешь! У нас же два пая, забыл разве? Если сейчас не возьмем, то потом, может, и поздно будет. Надо ковать железо, пока оно горячо! А то у твоего олигарха сегодня одно может быть на уме, а завтра другое. И нам с тобой не по двадцать лет — надо думать о старости.

Они еще долго говорили, вспоминая хорошее и плохое из минувших лет, иногда и голос повышали, но, стараясь не уступать, Бунтов в самом начале разговора знал, что будет именно так, как решит Валентина. Ведь ее ни за что не пере-споришь, а настроение с прицела собьешь.

Проснулись Бунтовы чуть ли не с рассветом, и сразу Валентина засутилась, начала готовить завтрак на несколько человек. Давно сварила картошку и сделала пюре, давно пожарила котлеты, достала из погреба банку опят, напекла горку блинов, а гости не ехали и не ехали. Бунтовы устали их ждать и проглядели, когда кто-то постучал в окно. Выглянули, а перед домом стоит микроавтобус цвета морской волны иностранного производства, и около него — незнакомый светловолосый человек, аккуратно и «по-городскому» одетый, как сказал бы Бунтов, — в светлой рубашке с коротким рукавом, бежевых брюках и в кремовых туфлях. Увидев это, Андрей поспешил на веранду. Дверь открыл, а незнакомец представился:

— Меня зовут Вячеслав Павлович, я — юрист, а вы — Андрей Николаевич?

— Он самый. Проходите, пожалуйста!

— Вам привет от Федора Герасимовича и Геннадия! — со-общил гость и не спешил заходить в дом. — С удовольствием примем ваше приглашение, но в другой раз. Пригласите Валентину Ивановну.

Валентина же, похоже, слушала разговор из-за двери и, выглянув, позвала:

— За стол, за стол, гости дорогие!

— Некогда, собирайся! — настоял Бунтов, увидев, как гость категорично замахал незагорелой ладошкой.

В микроавтобусе с затемненными окнами, где, кроме шофера, оказалось еще двое крепких мужиков, у одного из которых Бунтов увидел из-под оттопыренного пиджака рукоятку пистолета, Вячеслав Павлович пояснил Бунтовым:

— Спешу вам доложить, что создано Общество с ограниченной ответственностью ООО «Засека», в котором вы, Андрей Николаевич, теперь являетесь управляющим и доверенным лицом Иванова Федора Герасимовича — учредителя этого общества, а вы, уважаемая Валентина Ивановна, — главным бухгалтером. С сегодняшнего дня, согласно заключенных с вами договоров, вам необходимо приступить к работе на вверенном вам сельскохозяйственном предприятии! Вот ваши генеральные доверенности на право занимать указанные должности и представлять учредителя во всех организациях, в том числе и судах. А также печать.

У Бунтовых от услышанного, наверное, челюсти отвисли, и юрист поспешил успокоить:

— Не волнуйтесь! Мы вам поможем: и сегодня, и в будущем. Если вдруг возникнут какие-то форсмажорные обстоятельства, сразу обращайтесь к нам. Вот вам обоим мобильные телефоны. Если не умеете пользоваться, то научим — освоить эту технику несложно — и тогда, думается, все вопросы всегда можно решить в оперативном порядке. Понятно?

Бунтовы молча кивнули.

— Ну, тогда поехали в администрацию! — попросил Вячеслав Павлович водителя.

На крыльце администрации, размещавшейся в одноэтажном сдвоенном кирпичном здании старой постройки и украшенном Российским флагом, ожидая гостей, уже сидели Авдотьиха и Петрович. Увидев автобус, они почтительно встали со ступенек и посторонились, особенно, когда на крыльцо выскочила Марьяна Половинкина и шикнула на них, пропуская гостей в здание администрации. Гости несли с собой какие-то сумки, коробки. В коробках, как потом оказалось, был компьютер и необходимые к нему приборы; *конфигурация*, как пояснили Бунтову. Компьютер установили в освобожденной комнате, один из приехавших поколдовал над ним, соединил с другими приборами и попросил Валентину сесть за стол. Валентина сразу покраснела, а Бунтов чуть ли не подтолкнул ее:

— Иди, иди — зря, что ли, в Электрик мотаешься?!

Она уместилась за компьютером, Вячеслав Павлович сел рядом и отечески сказал, хотя по возрасту годился Валентине в сыновья:

— Сразу начинаем работать в бухгалтерской программе Эксель...

Минут за десять он разъяснил и показал Валентине, что нужно делать, и вскоре из машинки по названию *принтер* выскочили распечатанные листочки. На них расписались, а Бунтов приложил печать и пошутил:

— Вот так работа! И почему я не учился в молодости?! А то бы всю жизнь так печать прикладывал!

Не обратив внимания на его шуточный тон, Вячеслав Павлович спросил:

— Вы будете свои паи продавать?

— Хотелось бы... — стеснительно отозвалась Валентина за двоих.

Она заполнила бланки, распечатала. Андрей расписался, а юрист сразу подал им папку, на которой было написано «Договора», и сказал:

— Начало положено, как говорится, с Богом!

Переглянувшись с мужчинами, Вячеслав Павлович кивнул, и один из них, щелкнув застежкой сумки, достал из нее пачку денег и начал отсчитывать. Отсчитав и пересчитав, отдал Валентине и Андрею по отдельности, попросил:

— Пересчитайте!

— Да ладно... — отмахнулся Бунтов.

Валентина тоже отказалась, а самой, конечно, хотелось пересчитать. Не зная, что с ними делать, она отвернулась и сунула в лифчик, заставив Вячеслава Павловича улыбнуться, а охранников отвести взгляд.

— Ну а теперь, чтобы не терять времени, начнем принимать других заинтересованных граждан! — предложил Вячеслав Павлович. — Андрей Николаевич, приглашайте людей и сразу проверяйте наличие свидетельств и паспорта!

Бунтов поспешно выскочил на крыльцо, а около него уж человек восемь собралось. Первой оказалась Авдотьиха.

— Проходи, Евдокия Ивановна! — пригласил Бунтов и подумал: «Тебя, заразу, не приглашать надо, а метлой поганой отсюда гнать! Ты, наверное, и недели-то в совхозе не работала! всю жизнь шинок держала, людей опаивала!» Когда Авдотьиха поспешно скрылась в коридоре администрации, Бунтов, схватив у Петровича сигаретку и несколько раз затянувшись, властно сказал: — Как Фирсова выйдет, пусть заходит следующий! — И вернулся в здание, ехидно подумав: «Исполнять обязанности!»

Но очень скоро ему надоело заниматься бумажной работой. «Пусть Валентина все берет в свои руки!» — решил он и незаметно махнул ей, чтобы вышла проводить. В коридоре шепнул:

— Поеду в Перловку. Бочку отвезу. Теперь она не нужна, когда дожди прошли, попрошу косилку. Не мужицкое это дело — с печатью сидеть, народ уж смеется, как над последним лодырем!

С легкой и стремительной душой сразу же отправился в Перловку, решив, что сегодня не след пробираться к Розе, хотя и договаривался накануне. Но кто же знал, что именно сегодня приезжие люди вконец взбаламутят слободу и весь народ в ней. «Хотя кое-кто в слободе даже рад этой мутной воде, в которой легче рыбу ловить, — думал Бунтов по дороге в Перловку, вспоминая Пичугина. — Неспроста он вертится среди людей, да не один, — явно почуял наживу, волчара!»

Пичугин, действительно, в это утро «пас» со своим корешом, специально приехавшим из Электрика, собравшихся людей, а некоторых — особенно пристально.

— Запомни вон ту крикливую старуху, — тихо говорил Пичугин другану Антону, по прозвищу Седой, указывая на Авдотыху.

— Она же с дуба рухнула! Коснись, на всю слободу кипеж поднимет!

— Зато сама откроет... Самогонкой она торгует, и мужики к ней гужом идут: с утра до поздней ночи. Одна лишь помеха: с ней внучка-малолетка живет, но та — я проверял — как темнеет, убегает на улицу, всю ночь с пацанами шарашится. Так что бабка в это время одна. Надо будет лишь припугнуть ее да еще на внучку указать: мол, чуть чего — на куски разорвем!

В Перловке Бунтов поставил цистерну и отправился к Темнову на доклад. В конторе Бунтову сказали, что директор будет через час. «Через час, значит, через час — мне спешить теперь некуда, — смирился Бунтов, — буду ждать!» Дождался, но не через час, а через полтора. Хотя времени было достаточно, но все равно не хотелось попусту убивать его, поэтому и раздражение накопилось. Как увидел Темнова, то сразу в штыки, да с подначкой:

— А я уж и думать чего не знаю, Алексей Алексеевич... Может, думаю, загулял парень!

— Днем гуляют только бездельники... — Темнов поправил пятерней чуб. — Чего скажешь-то, Андрей Николаевич?!

— Бочку назад прикатил... Ты-то забыл о ней, будто и не было никогда!

— Поневоле забудешь, когда ни скота в хозяйстве нет, ни пропашных... Как только и выкручиваемся-то, не знаю! Это у тебя дела идут. Говорят, с печатью стал ходить! Молодец! Ну а ко мне какие вопросы? — спросил Темнов, догадавшись, что гость не спешит уходить и готов поболтать на приятную тему.

— Хотя, как говоришь, с печатью я стал ходить, да только это пока пустые слова. Дело-то еще не скоро развернется по-настоящему. Поэтому приходится опять на поклон идти, Алексей Алексеевич: одолжи на денек косилку! Понимаю, что сейчас самый сезон, самим нужна, но ведь не одна же она у вас! А я бы сегодня свалил свою делянку, а завтра с утра пораньше вернул! Ну, как, договорились?!

— Считаю, что тебе повезло, потому что я не забыл, как ты мой огород без спроса полил и одну грядку замаял, отчего я от жены разнос получил... Ладно, это уже забылось, а за помощь — спасибо. Езжай в мастерскую и скажи сварному, чтобы отдал косилку на день. Только проверь, как он кронштейн приварил! Если кое-как — ты будешь отвечать!

Бунтов на прощание обменялся рукопожатием и, без лишних слов, — в мастерскую. Подъехал, а там трое чумазных мужиков обедают, разложив на газетах лук, яйца да сало и толстые куски ноздреватого хлеба. Пришлось их отвлечь:

— Темнов прислал... Велел косилку забрать, ту, что в ремонте была!

— Ну, если приказ, то тут уж никуда не денешься... Надо исполнять. Иди — вон она стоит — цепляй да коси, — подсказал сварщик.

Бунтов было направился к трактору, но приостановился, спросил у сварного:

— Слушай, а чего это ваш Темнов не в духе сегодня? Кто ему насолил?

— С бабой разводится, загуляла она, пока он на своей «Ниве» по полям носился, вот и не в духе!

— Ну, если это так, то полбеды! — тоже усмехнулся Бунтов. — Сейчас мужики на дороге не валяются, особенно те, кто с умом. Еще пять раз женится!

Бунтов работал почти до темноты и, все что хотел, успел сделать, наваляв рогатых валков, в которых луговой травы было меньше, чем бадерника. Чтобы не озадачивать себя на завтрашний день, сразу же съездил в Перловку, передал сторожу косилку. А как передал, то с легкой душой вернулся домой. На веранду заглянул — тарелки стоят, накрытые полотенцем. Пока умывался и переодевался, из дома вышла Валентина, да озабоченная не в меру.

— Чего такая? — удивился Андрей и пристально посмотрел на жену, пытаясь отгадать ее настроение.

— С бумагами совсем зашилась...

— Ты же не одна была! Они хоть заехали, перекусили на дорожку?

— Где там... Посидели в администрации до трех часов и смотались. Теперь жди, когда в следующий раз приедут!

— Не вздумай кассиром у них стать. Ты не видела, а я еще утром приметил, когда выходил покурить, как Петух около администрации с дружкой вертелся. Так что держись от чужих денег подальше. Наши-то хоть надежно убрала?! Маринке позвони, пусть приезжает и заберет часть, пока целы.

— Только что звонила. В пятницу все вместе придут, Данилку привезут!

— Надо бы раньше привозить, а то Петров день на носу, а они хватились!

— Правильно хватились, потому что сына на месяц отправляли в оздоровительный лагерь, а теперь до школы у нас

будет жить. Нечего ему летом в городе томиться. И Маринке меньше хлопот.

— Сразу бы надо об этом думать, — для порядка проворчал Бунтов, а у самого тревожно стало на душе.

Андрей вдруг понял, что любовная эпопея, так внезапно начавшаяся, так же внезапно может и закончиться: «Теперь, получается, прощай, Роза! Ведь и жена вот-вот окончит курсы, и внук будет веревочкой виться — разве от них ускользнешь?! Они теперь, получается, будут в тягость! Вот до чего дожил! — Сделав это открытие, он немного загрустил, но заставил себя взбодриться: — Еще неизвестно, как все обернется, а несколько дней у меня в запасе есть!» И чтобы эти дни посвятить Розе, он решил сохранить себя для нее, а на тот случай, если вдруг Валентина захочет сегодня внимания, попытался выведать ее настроение и опередить, если понадобится.

— Долго-то не копайся, надо это дело сделать! — и показал на руках, какое дело имел в виду, а Валентина сразу замахнулась тряпкой:

— В своем уме?! У меня экзамен через два дня! Я еле живая приползла, мне бы только до подушки добраться!

— Как хочешь, тогда в сарай пойду спать, а то сегодня духота какая-то необыкновенная!

— Иди, иди — комары-то нажгут!

— Нажгут — это верно, — согласился Бунтов и зарделся душой от вдруг пришедшей мысли: «Чего же я раньше-то о сарае не думал?! Надо бы давно туда перебраться, вся ночь в распоряжении: приводи, кого хочешь. А я, как баран, днем, на виду у всех, по чужим дворам шастаю!» Он хотя и отругал себя, но сразу же и успокоил: «Кто же знал, что так крепко с Розкой любовь завяжется!»

Шкодливое настроение он сохранил в себе и на следующий день. Как только ушла Валентина, он побрился, помылся, оделся поприличнее и пошел привычным маршрутом. Он ожидал, что, как обычно, начнет целоваться с Розой в сенях, но в этот раз она не проявила пылкости, а, закрыв изнутри дверь, лишь позволила поцеловать в щеку.

— Ты чего? — удивился Бунтов. — Или встала не с той ноги?!

— Я-то встала с какой нужно, а вот ты оказался бесподобным обманщиком! Почему вчера не пришел?!

— Комиссия же из Москвы приезжала. Весь день слобода на ушах стояла!

— Ври, ври... Слобода-то, может, и стояла, только ты почему-то полдня на тракторе по полю гонял! Тебе трактор дороже

меня! Если это так, то и скажи прямо! Навязываться я не хочу и не буду!

От словесного напора Розы, всегда казавшейся молчуньей, Бунтов на какое-то время опешил, не зная, что сказать ей, как оправдаться.

— Не мог я вчера! Пойми ты. До обеда в конторе к делам был привязан, а после обеда траву косил... Ведь специально вчера решил это сделать, а то пришлось бы сегодня этим заниматься. Разве непонятно?!

— Правда? Посмотри на меня! — Он посмотрел, а она, чуть улыбнувшись, насмешливо сказала: — Ладно, прощаю! Поцелуй... Крепко!

Он поцеловал и уже знал свои действия, потому что давно заметил, как она, подобно легкому перышку, любит опуститься на его узловатые руки, которые, казалось, и усилийто никаких не прилагали в этот момент, на них перенестись на кровать, испуганно охнув при этом. И в этот раз все так и было.

Когда пришло время успокоиться, она неожиданно разрыдалась, а он, как ни уговаривал, не мог уговорить. Даже сел на постели и чуть ли ни рывкнул:

— Скажешь или нет, что произошло?! Или мне уйти?!

— Из-за тебя все... Сколько раз вчера в сад выходила, тебя ждала, а трактор все мимо и мимо! Разве не обидно?!

Ей в этот момент хотелось все рассказать Андрею, и она бы это сделала, если бы он не целовал неотрывно и не закрывал ей рот. Розе очень хотелось пожаловаться на соседа, рассказать, как вчера Пичугин встретил в саду и начал приставать, издеваться, даже запугивать, сказав, что, мол, все знает о них с Андреем, что ноги ему переломает, если еще хотя бы раз увидит у нее! Поэтому Роза и плакала теперь, вспоминая вчерашний случай и не могла успокоиться, только туже прижималась к Андрею, словно хотела раствориться в нем, переложить все заботы и тревоги на него. Ему же были приятны ее слезы, приятно, что она отругала за вчерашний день, — от ее жалобных слов он чувствовал себя единственным волшебником на всем белом свете, который знает, как успокоить Розу. И он так старался, что она, в конце концов, бессильно откинулась и закатила глаза:

— Все, не могу больше... Сейчас помру!

— От этого не умирают! — ухмыльнулся Бунтов, хотя сам чуть не задохнулся, и по-настоящему рассмеялся от нахлынувшего настроения, которое бывает у сильных мужиков.

Он и уходил от Розы с этим настроением, когда они попили чаю, и она вышла за ним во двор, чтобы закрыться изнутри.

Около вишен его кто-то окликнул:

— Погоди, мужик!

Оглянулся Бунтов и увидел, как Пичугин вышел из кустов соседнего сада и, криво ухмыльнувшись, сразу с вопросом:

— Что, понравилось на халяву?!

— Не твоего ума дело! — твердо сказал Бунтов и почувствовал, как все задрожало внутри.

— В общем так, мужик... Еще раз увижу у Казашки — ноги переломаяю. А если и это не поможет, то на перо посажу!

— Ножиком, что ли, угрожаешь?! Так ножик-то и у меня имеется, и не один, понял?! — Плюнув в сторону Пичугина, Андрей отправился к выходу из сада; когда шел, очень хотелось оглянуться, посмотреть на Петуха, но сдержался.

Не теряя времени, Бунтов вышел на порядок и встретил пьяного Петровича, выливающего вдоль палисадников с двумя магазинными бутылками в карманах и пакетом пряников. Увидев Бунтова, Круглов заулыбался, широко раскинул руки и пошел навстречу, пытаясь обнять:

— Андрюша, дорогой, а я второй день гуляю! Спасибо тебе — вся слобода гуляет! Вот так праздник ты нам устроил. Жаль, что выпить со мной не можешь... А может, немного-то пропустишь?!

— Петрович, не приставай. Если можно было — не отстал бы, не сомневайся!

Встреча с Кругловым испортила настроение Бунтову даже более, чем разговор с Петухом, и когда он ввалился в дом и тяжело опустился на диван, то, вернувшись к тому времени Валентина, вертевшая мобильный телефон, это сразу заметила:

— Чего такой сердитый? И вырядился зачем-то, рубаху цветастую напялил?!

— Петровича встретил... Запил он хуже некуда, теперь недели две просыхать не будет, знаю его!

— Тебе-то что? У каждого своя голова должна быть на плечах! А чего это ты вырядился-то? Что за праздник?

— В Лонск ездил, хотел подарок прикупить Данилке, да выбрать не из чего. Одно китайское барахло!

— Да, отец, что-то ты подозрительно заботливым стал без моего пригляда?! И такой разборчивый! Имей в виду: в пятницу у меня экзамены, а с субботы я за тебя возьмусь по-настоящему! — Вроде бы шутливо сказала Валентина, а сама зло и косо посмотрела на мужа. — Хотя чего ждать субботы, сейчас вот возьму и проверю, где был! — с угрозой сказала она и начала разбирать кровать.

— На понт-то не бери! — не шелохнулся Андрей. — Заеги-зилась, молодая нашлась?! Давай-ка собирайся да на поле пойдем, сено теревить... А насчет проверки — это еще самому надо проверить, чем вы в Электрике занимаетесь?!

К вечеру, натаскавшись по колючей стерне с граблями да вилами наперевес, и Бунтов, и Валентина, и пришедший к ним на помощь Коляня с женой ухайдакались до невозможности, особенно жена Коляни Полина — объемистая и краснощекая, она, наверное, выпила за это время трехлитровую банку воды, которая из нее тотчас же выходила испариной. После работы все отправились купаться на Алешню, а когда искупались в чем мать родила, отделившись друг от друга разросшимся ивовым кустом, немного повеселевшие, они вернулись в слободу. Как только расстались с Фроловыми, Валентина, как оказалось, не забывшая дневной разговор, нахально сказала мужу:

— Хоть и устали, но все равно сегодня вместе ляжем, для этого дела! — И показала на руках, какое именно дело наметила.

Андрею ничего не оставалось, как оскорбиться, потому что после Розы мужик из него был бы никакой, заставить себя рассмеяться и хрипловато пропеть:

*Мелкий дождик моросил —
Я у милочки просил.
Мелкий дождик перестал —
Она давала, я не стал!*

— Ну и дурак! — не поняла и не поддержала Валентина, а Бунтов только этого и добивался.

До самого вечера они не разговаривали. И ужинали молча. Когда же собрались спать, он сообщил:

— И сегодня в сарае буду спать, на свежем воздухе!

— Катись! — легко согласилась Валентина, и это обрадовало Андрея, хотя легкость, с какой она согласилась с его своеволием, насторожила. «Наверняка какую-нибудь проверку задумала! — решил Бунтов. — Но мне-то теперь какое дело до этого? Сама ведь начала задираться! Вот теперь пусть и расхлебывает, вспомнит, как надо ценить мужа, а не относиться к нему наплевательски».

Прихватив банку с водой, Бунтов отправился в сарай. Уйти-то ушел, но все равно стало не по себе, беспокойно. Около сарая присел на пенек, огляделся в уже наступивших крепких сумерках, хотя и белесых поверх садов от светлеющей вечерней зари. Неподдалеку темнел трактор, от которого исходил запах солярки и дневное тепло, хотя сегодня он на тракторе не ездил, далее густела темная аллея рябин, казав-

шихся в этот час черными, а над ними, во всю глубину неба, копошились звезды и застыл молодой месяц, успевший к этому часу разрогатиться. И тишина разлилась над слободой необыкновенная, лишь отдаленный гомон молодежи у клуба чуть-чуть оттенял ее, да напоминал о себе сверчок, без усталости что-то точивший и точивший где-то совсем рядом... Бунтов, наверное, заснул бы на пеньке, но, уже окончательно засыпая, заставил себя подняться. Еле-еле добравшись до топчана, не раздеваясь, рухнул на него, заснул, наверное, раньше, чем голова коснулась прохладной подушки.

Он не слышал, как через некоторое время стукнула дверь на веранде, не слышал, как в сарай заглянула Валентина и коротко осветила фонариком. Убедившись, что муж на месте, она вернулась в дом.

Бунтов думал, что его жизнь в последний месяц самая что ни есть хлопотная и суетливая, но оказалось — ошибался. Он это понял, когда в пятницу приехала Марина с семьей и сразу устроила круговерть! К тому же так совпало, что в этот день Валентина окончила учебу, и теперь все разглядывали ее бумагу, выданную на курсах. Что ж, подходящий повод отметить событие! Наверное, и Марина поэтому приехала; Валентина, видно, ей все рассказала о завершении учебы, да и о деньгах наверняка шепнула. Так что все сходилось в один узел. К радости, нет ли — это для Бунтова другой вопрос, когда он начинал вспоминать Розу. Но что бы ни думалось, а он действительно соскучился по гостям — в этом и сомнения никакого. Внук это понимал и не отходил ни на шаг, когда дед вернулся с поля и теперь сидел на лавочке перед палисадником, о чем-то разговаривая с отцом. Но что Данилке до взрослых разговоров, когда у него свои интересы. Столько вопросов накопилось, и главный из них:

— Когда на тракторе прокатимся?

— О-о, парень, до сентября мы с тобой еще успеем штаны до блеска натереть — это я тебе обещаю!

— Давай сейчас! — не отставал внук, а отец его по-настоящему осердился.

— Чего прилип, давно ремня не получал! — припугнул Павел сына. — Это мне недолго... Отстань от деда, иди к маме и бабушке — помоги им.

Данилка, хотя и обиделся, но сразу не ушел, а еще немного, словно назло, повертелся около взрослых. А у них свои разговоры.

— Значит, Николаич, говоришь, промашка с землей вышла?! — допытывался похудевший за последние два месяца

Павел, всегда проявлявший интерес ко всему, что происходило на селе, потому что сам был выходцем из глубинки.

— Считай, что так и получилось... — вздохнул Бунтов. — Деньги швырнули — и вали на все четыре! И это еще хорошо, у нас по совести поступили.

— Рыночные отношения... — вздохнул Павел. — Ничего теперь не поделаешь! Смена формации, политического строя, уважаемый Андрей Николаевич! А такие потрясения всегда проходили с большой кровью, и всегда в тех войнах на первом месте стояла земля.

— Х-м, смена формации... — мыкнул Бунтов. — Что-то затянулась эта смена... Ты вот учился на инженера, а чего же простым слесарем на дядю вкальываешь?!

— А это мой выбор... Где больше могу заработать — там и вкальваю. Придет время, рассчитаемся с Мариной за квартиру — устроюсь по специальности.

— Печать будешь прикладывать?! — усмехнулся Бунтов.

— Почему же... У меня в дипломе записана специальность: «Эксплуатация машин и механизмов». Вот этим и буду заниматься.

Они еще немного поговорили, и их позвали за стол. Когда расселись, то Валентина достала из холодильника бутылку шампанского и попросила зятя:

— Открывай, Паш! Наливай мне и себе! Отец не может, а Марине нельзя!

— Правильно, — согласилась дочь. — К тому же сейчас пост идет.

Когда выпили за успешное окончание курсов, Валентина спросила у дочери:

— Когда же ты успела набожной стать? Вроде не замечала за тобой этого?

— В последние годы. А что, это разве плохо?

— Боже упаси, я разве так сказала?! Просто по себе сужу: мы-то всю жизнь не думали об этом, а о церкви вспоминали только на Рождество и Пасху, а ты-то вон как — с молодых лет прониклась, молодец. Верующий человек — совестливый, не опасный, а у неверующего неизвестно что творится на душе. Сейчас многие потянулись к церкви, храмы начали восстанавливать. Как-то была в Лонске — специально ходила смотреть, как в храме, где прежде был Дом культуры, всюду идут ремонтные работы. Говорят, что осенью храм откроют...

— Раньше бы это надо делать! — вставил словечко Бунтов.

— Ломать не надо! — продолжала задумчиво говорить хозяйка. — А то у нас всегда так: сперва ломаем, а потом вос-

становливаем... Ладно, не будем об этом. А ты, Мариночка, все-таки от скоромного не отказывайся. Даже в Писании говорится, что воинам, путникам и болящим людям соблюдать пост обязательно. К ним и ты относишься со своим положением.

— Мам, не заостряй внимание, — отмахнулась Марина и взглянула на сына.

— Да не заостряю я, не заостряю. Только сидим мы как на поминках. Отец, на гармошке, что ли, попиликай! — попросила Валентина мужа, а тот отмахнулся:

— Марина сказала же, что пост идет, нельзя веселиться!

— Что-то ты прежде никаких постов не соблюдал, да и сейчас, довелось бы стаканчик-другой пропустить, не утерпел бы!

— Ты чего?! — нахмурился Бунтов. — Провоцируешь?! Меня не собьешь!

— Плохо, что у нас сплошные крайности: то мы пьем без меры, а то не можем даже бокал шампанского выпить!

— Пей, кто тебе не велит! — нисколько не обиделся Бунтов на жену, потому что после ее подначки лишь сильнее радость расцвела, гордость за самого себя: мол, могу выпить — хоть сейчас! — а не буду! Придет время — первый предложу!

Наутро все подначки забылись, другое сразу стало волновать: сенокос! От заботы Бунтов проснулся рано, но будить домашних не спешил. Ведь спешить-то особенно некуда, потому что сено надо сгрести после обеда, когда роса высохнет. Раньше нельзя — иначе оно потом «загорится». Поэтому, от нечего делать, сходил к Коляне Фролову, напомнил о сегодняшнем деле. Когда возвращался, неожиданно встретил Розу. Она не хотела останавливаться, но он все-таки задержал, коротко спросил:

— Какие новости? Никто не обижает?

— Кто меня может обидеть?! — не глядя в глаза, стеснительно ответила Роза.

— А ко мне дочь с семьей приехала на выходные... — поспешил сообщить Бунтов, словно сказал, чтобы в ближайшие день-два она не ждала его.

— И у меня гости... Дочь с зятем за вишнями прикатали из Электрика. Вот за сахаром иду — будем варенье варить... Ладно, пойду я, на следующей неделе, может, увидимся!

Бунтов хотел спросить, почему «может», но не стал любопытничать, а пошел далее вдоль порядка, как будто и не было никакого разговора с Розой. А то, что остановились и перекинулись парой-тройкой слов, — так чего же не поговорить с почтальонкой, когда с ней все разговаривают — на виду

баба. Андрей убеждал себя, что это так и есть, но вдруг поймал скользкую мысль в том ее узком месте, в котором нельзя было не поймать, когда вспомнил Пичугина. Ведь как ни было перед самым собой, а он, Андрей Николаевич Бунтов, именно из-за этого пакостника начал изворачиваться, задумываться над тем, как найти новую лазейку к дому Розы. Ведь, что ни говори, а последний разговор с Петухом заставил быть собранным, расчетливым. Правда, Бунтов все делал с опозданием. Вот и сейчас, вспомнив Пичугина, подумал о том, что зря не закрывается в сарае: как говорится, береженого Бог бережет! А то или сам придет, или дружков пришлет. Сонного хрястнут монтировкой по голове — ищи тогда виновного. Исподволь родившаяся пугливая мысль повела Бунтова дальше, и он решил, что надо впредь стать оглядчивее и не быть размахаем. Поэтому, когда вернулся в дом и увидел, что все проснулись и собираются завтракать, нашел в ящике буфета выкидной нож, который хранился там лет уж двенадцать — с тех самых пор, когда отобрал его у сына, что называется, от греха подальше, — и заглянул в сарай. Здесь нож смазал, очистил от кое-где появившейся ржавчины и заново наточил лезвие, для проверки несколько раз шелкнул кнопкой. Пошелкав и убедившись, что нож вполне исправен, радостно опустил его в карман и почувствовал, как металлическая тяжесть радует сердце. «А то, гадость, вздумал ножом пугать! — в сердцах плюнул Бунтов, вспомнив Пичугина. — Приходи теперь, пугай!» Эта мысль придала уверенности, настроения, и, наспех перекусив вместе со всеми, он поторопил домашних:

— Пора, ребята, пора! А то уж солнце к зениту подбирается!

Оставив Марину в доме, они через десять минут были на лугу, если бурьянистое пространство, разукрашенное рядами скошенной травы, можно назвать лугом, где их встретил Коляня со своей курносой женой.

— Значит, все в сборе! — подтвердил увиденное Бунтов и подал команду: — Начинаем!

Он первым подхватил вилы и начал укладывать первую копну. Вскоре поднялась вторая, третья. Все уж давно вспотели, по очереди прикладывались к банке с водой, а работы оставалось ого-го сколько! Поэтому мало-помалу сбавили темп, работали размеренно, с остановками, когда женщины переводили дух, а мужчины закуривали. Только Данилка неумоимо носился по делянке, работая граблями, хотя его и предупреждали, что на колючей стерне бегать нельзя, но разве свой ум дашь. В конце концов, внук споткнулся, упал и до

крови оцарапал руку. Мальчишке хотелось разреветься, но он терпеливо молчал, пока бабушка промывала оцарапанную руку, а после, когда пыталась отправить к матери, не хотел уходить и всех звал с собой:

— Пойдемте домой! Завтра доделаете!

— Какой скорый! А вдруг ночью дождь ливанет! Что тогда? Заново сено пересушивать?! Нет, брат, не годится делать одну и ту же работу по сто раз! А если уж начал лениться, так и скажи!

— Ничего не заленился... — не сдавался зарумянившийся на солнце Данилка, продолжая канючить, и доканючил: Павлу надоело его слушать, и он пугнул сына:

— Тогда отправляйся к матери! Нечего под ногами мешаться да ныть!

После ухода внука Бунтов и женщин отпустил.

Не заставляя себя уговаривать, Валентина с Полиной подхватились, и только их видели. Мужчины же работали до конца и с легкой душой отправились на Аleshню. По пути Бунтов попытался вспомнить складные слова сына о шатких мостках да веселых окунях, но не вспомнил, но и без этого на душе было радостно. Накупавшись, они не спешили уходить с реки, а когда все-таки отправились в слободу, то на полпути он хватился, а ножа нет. Был бы обычный нож, то и вопросов никаких, а теперь пришлось изворачиваться.

— Мужики, вы уж далее без меня шлепайте, а мне надо вернуться — портсигар забыл! — сказал Бунтов, предварительно сунув портсигар за рубашку.

Бунтов вернулся, сразу нашел нож и хотел догнать мужиков, но охладил себя, усмешливо подумав: «Чего я все спешу-то?! Куда? Зачем? Не пора ли оглядеться, посмотреть на себя со стороны. Жизнь-то только раз дается!» Может, поэтому на полпути он остановился и долго смотрел на бесконечное раздолье, притихшее от необыкновенной тишины, которая, словно по заказу, разлилась окрест. И это его необыкновенное настроение усилилось до звона, когда он увидел, как навстречу идет Роза со своей дочерью, в которой природа почти ничего не сохранила азиатского, и худым, конопатым зятем.

Еще издали заметив Розу, — когда поравнялся с ней, шедшей в сиреновом сарафане, то увидел, что она шла босиком, держа в руках шлепанцы, — он во все глаза смотрел на ее загорелые ноги, а когда поравнялись, разглядел узенькие пальчики, словно никогда не видел их... Он поздоровался со всеми сразу, сказав «Здравствуйте!», но ответила только она,

словно ее дочь и зять были глухонемыми. Ответила обычно, как ответила бы любому встречному слободчанину:

— Добрый день!

Бунтов и Роза прошли мимо друг друга, даже не остановившись. Только обменялись взглядами, и Андрей увидел в них прежнюю любовь. «Погоди, девка, будут еще у нас сладкие минуты!» — с настроением подумал Бунтов.

Когда он не спеша пришел домой, то, молчком поужинав, собрался выйти на улицу, но тут Валентина выглянула из комнаты, спросила ехидно, еще более подлив масла в огонь:

— Быстро ты сегодня. А то, гляжу, Казашка на реку пошла. Ну, думаю, теперь наш Николаич так и будет вокруг нее вертеться, до ночи не дожدهшься!

Бунтов промолчал, не стал отвечать при зяте и дочери, хотя очень хотелось сказануть жене что-нибудь такое... Лишь мстительно глянул на Валентину, выскочил на улицу и жадно-прежадно затянулся сигаретным дымом. Долго сидел один, пока не вышла жена, держа пакетик с семечками, и, как ни в чем не бывало, спросила:

— Завтра-то чего делать будем? Или опять на реку убежишь?!

— Как ты угадала?! Вы делайте, что хотите, а у меня выходной будет! Пойду учить Казашку плаванию! — неожиданно зло ответил он, подыгрывая жене.

Валентина обиженно подхватилась и ушла в дом, а Бунтов, докурив сигаретку и пройдясь по саду, не дожидаясь темноты, отправился спать.

Он уж видел десятый сон, когда все-таки услышал чье-то царапанье в дверь... И сразу сна как ни бывало, кольнула мысль: «Роза пришла!» Но, быстро открыв дверь, увидел силуэт Валентины и сердито спросил:

— Что случилось?

— К тебе иду..

Бунтов хотел укорить, даже отругать, мол: «Будней, что ли, для этого не хватает?! Специально ждала, когда ребята приедут?!» — но она опередила: прижалась, вцепилась целовать, и он сразу забыл все обидные слова, которых наслушался от нее за день, ничего не мог поделать ни с ней, сильнее обычно пахнувшей подсолнушками, ни с собой.

Хотя и намеревался Бунтов устроить себе выходной на следующий день, да разве усидишь, ничего не делая, когда о сене забота гложет. Съездил он в Перловку за тракторной телегой, собрал мужиков и в тот же день они перевезли копны в слободу. И потная эта работа казалась в радость, когда они,

усыпанные сеном трухой, подносили навильник за навильником, набивали сарай. А как все сделали, то Бунтов подмел луг перед сараем и скомандовал:

— А теперь под душ!

Конечно, искупаться в Алешне куда приятнее, но уж больно не хотелось таскаться туда-сюда; к тому же Павел с Мариной начали собираться в Рязань. Но прежде все вместе сели обедать. Хотя за два дня и устали, но все равно за столом постоянно шутили, словно своим настроением поддерживали один другого. И почему-то Бунтову подумалось в эти минуты, быть может, некстати пришла мысль о том, что прежде вот так и жили люди: всей семьей работали, всей семьей усаживались за стол и вместе отдыхали. Но ничего не сказал о своих мыслях, потому что, помяни он об этом, сразу бы на него взъелись. Особенно Марина, у которой всегда на все особое мнение — это хорошо, кто бы спорил, — но почему-то ее мысли часто оказывались противными родительским.

Проводили они Марину с зятем, и Данилка проводил, правда, в какой-то момент поукисился, но быстро успокоился, когда дед напомнил о тракторе. Внук даже согласился посидеть с дедом на лавочке, но долго не пробыл из-за дедушкиного табачного дыма, убежал в дом, а Бунтов даже обрадовался этому. Невольно пришли мысли о том, что дальше делать, чем заниматься, какую бы придумать себе работу?! И тут удачно вспомнил о Долгой лощине, о том, что почти месяц назад прихватил делянку, которая давно ждала-дождалась его. Поэтому сразу поставил в известность Валентину

— С завтрашнего дня начинаю косить в Долгой! — сказал как можно мягче, чтобы не заводить жену.

— Чего к сену-то привязался?! — все-таки нахмурилась она. — Сам, что ли, есть будешь? Или спальную снасть опять готовишь?! — спросила-напомнила жена, всегда напоминавшая, когда разговор заходил о Долгой лощине, где в молодости муж путался с приезжей Анжеликой.

— Нашла что вспоминать?! — укорил Бунтов.

— Да ладно уж... Делай, что хочешь, — отговорилась Валентина, не желая разжигать ссору.

Она не могла не чувствовать, что муж в последнее время постоянно юлит, привирает, и все это неспроста. За многие годы совместной жизни Валентина настолько изучила его, что даже без слов могла понять, почувствовать то или иное изменение даже не в поведении, а в настроении. Знала, что он и врать горазд. Ведь и знакомство-то их началось с вранья, когда встретились с ним на танцах в слободском клубе, приехав в Казачью на уборку вместе с учащимися ПТУ, где учи-

лась на бухгалтера. Еще тогда он затуманил ей голову, сказав, пригласив на танец, что, является студентом, что, мол, как и ее, его прислали на уборку картошки из самой Рязани! А сколько Валентине в ту пору лет-то было: семнадцать едва исполнилось. По молодости всему верила. А как врал складно, паразит! Она-то, правда, проявила характер, все наскоки пылко ухажера отбила, хотя за месяц, проведенный в слободке, поняла, что за фрукт этот Бунтов, особенно, когда выяснилось, что он на год младше ее и что никакой он не студент... А он поухаживал-поухаживал и, видя, что ничего не получается, перед тем как уезжать ей, предложил расписаться, думая, что после такого заманчивого предложения девка напоследок растает. Но она и тогда отказала ему, попросила подождать до весны, когда закончит обучение... Думала, это охладит его, а он лишь сильнее разогрелся, ни за что не хотел отступать. Она колебалась, не могла сразу поверить в его искренность, но со временем так привыкла к своему озорному Андреюху, каждый выходной теперь приезжавшему в Скопин и частенько возвращавшегося в Казачью Засеку с синяками, что уже ни на что не обращала внимания, все прощала ему. А он, почувствовав ее серьезность, поумерил расхлябанность, которую теперь проявлял где и с кем угодно, но только не с Валентиной, в которую влюбился не абы как, а по-настоящему! Еще сильнее зауважал, когда она простила его первоначальное вранье и ни в чем никогда не укорила. Расписались они почти перед самым его призывом в армию. Кое-кто из родственников Андрея отговаривал, а отец, тот категорически не разрешал жениться, но Андрей всех переборол и сделал по-своему. Свадьбу сыграли в Казачьей Засеке в светлые апрельские дни, а через три недели Бунтов загудел в строительные войска и два года работал на бульдозере. Из армии демобилизовался, и встретила его Валентина уже с сыном, который к тому времени ходил всюю! С тех пор прошло чуть ли не сорок лет, а они, как молодые, все выясняют отношения.

Вот и сейчас, перекинувшись несколькими колкими словцами, они отстали один от другого, зная, что — ругайся не ругайся — а никуда им друг от друга не деться. Правда, Валентина, как ни делала невозмутимый вид, все-таки осталась в душе непоколебимой в своем подозрении. А то, что часто стала попрекать мужа Казашкой, так это было первое, что могло прийти на ум. К тому же Роза из-за своей работы почти каждый день мелькала перед глазами. Скрытная, никогда лишнего слова не обронит. Идет порядком так, словно и не обычная почтальонка семенит, а заморская принцесса

плышет. А на эту «принцессу» без слез не взглянешь: худюшая, ноги кривые, глаза раскосые — как идет порядком, от нее даже куры разбегаются. Так что Андрей на такую и пьяным-то никогда не позарился бы, а про трезвого и говорить нечего.

Валентина в своих мыслях старалась не зря, мало-помалу успокоила себя. Когда же утром Бунтов, все-таки прихватив Данилку, отправился на покос, перестала переживать, решив, что все подозрения родились именно в ту пору, когда ездила на курсы, оставляла мужа без присмотра.

Правда, Данилкиного азарта хватило лишь на один день. На следующее утро он заупрямился, не захотел рано вставать, и Бунтов отправился косить один. Валентина сделала вид, что ничего особенного не произошло, а сама через полчаса отправилась следом за мужем и издали, прячась в лесопосадке, понаблюдала за ним. Собиралась на несколько минут, а просидела около часа — все никак не могла стронуться с места, гадкая мыслишка так и сверлила: «А вдруг сейчас уйду, а именно в эту минуту к нему какая-нибудь тля прилипнет?!» Но нет, не дождалась. Пришлось без всякого результата возвращаться домой. Это не особенно и радовало, словно ей стало бы лучше, если она застучала Андрея. А как домой вернулась, то Данилка из окна выглянул и спросил так, словно знал, где она прохлаждалась:

— Бабушка, у деда была? А то я проснулся, а тебя нет!

— С чего ты взял? На поле ходила, хотела молодой картошки накопать. Ты любишь молодую картошку?

— Не очень, бабушка. Я чипсы уважаю.

— А они вредные, особенно для детей. А молодая картошечка в мундире да с пахучим маслом из подсолнушков — вот объедение!

Она говорила с внуком, а мысли об Андрее не выходили из головы. А когда выносила корм галдевшему около двора выводу индеек, то увидела шедшую другой стороной улицы почтальонку и сама себя отругала: «Кто она такая, если я только и думаю о ней! И с чего бы это, если она моего ногтя не стоит?!»

Если бы так думал и сам Бунтов, а то у него в это утро совершенно иные мысли вились и произрастали, пока туда-сюда ползал по лугу, радуясь, что держится роса. А как она высохла, то и косьбе конец, потому что по сухой траве косу с места не сдвинешь, жилы оборвешь. Поэтому с легкой душой протер косу, потуже привязал подбрусник и, подхватив сумку с пустой банкой из-под воды, зашагал в слободу. Возвращался огородами и, проходя мимо Розинога, увидел ее

саму: стоит в вишнях и на него смотрит, но никаких знаков не подает, словно говорит: вот она я, чего же ты ждешь, особого приглашения? Таинственный вид Розы, ее нарочитая неподвижность — все это заставило Бунтова замереть душой, а после почувствовать, как заколотилось было успокоившееся после косьбы сердце. И мысли совсем другие пришли, заставившие твердо решить: «Что бы ни случилось, а сегодня к Розе иду!»

Перекусив после покоса, он отправился в сарай, но долго не мог заснуть, хотя бы вздремнуть: мысли так и вились, так и путались. Все-таки задремал, да так разоспался, что, когда проснулся, оказалось, что солнце к вечеру покатилося. Это Бунтову на руку: все ближе встреча с Розой, хотя Валентина все-таки не утерпела, укорила:

— Весь день проспал... Чего ночью-то делать будешь?

— У меня теперь одна забота: покос! Чуть свет надо вставать!

Вечером, Бунтов, будь его воля, сразу бы отправился к Розе, бегом бы побежал, но нет — надо делать вид, что он действительно собрался спать. Поэтому, затаившись, наблюдал через щель, дожидаясь, когда погаснет свет в доме. И как только он погас, то Бунтов сразу вышел и сел в сторонке, решив понаблюдать: выйдет Валентина проверять или нет? Если выйдет, он сразу увидит ее да еще укорит при необходимости, если нет — то и вовсе на душе станет спокойно. Более часа томился Бунтов, притулившись около забора на подвернушемся коротком бревнышке, и никого, на свое счастье, не дождался. В слободе все это время было тихо, лишь время от времени доносились от клуба то музыка, то девичьи голоса. А как минул час, то более не хватило сил дожидаться неизвестно чего. Он тихо вышел из засидки и отправился к Розе, но не огородами, где, коснись, было бы непонятно его появление, а порядком, быстро переходя от палисадника к палисаднику, прислушиваясь и приглядываясь ко всему, что творилось вокруг.

Он дошел почти без помех, лишь в одном месте пришлось затаиться у чужого палисадника, когда какая-то парочка шла по асфальту навстречу, впрочем, этой парочке ни до кого не было дела: парень что-то бубнил и бубнил, а девчонка в ответ заливалась смехом. Бунтов только подумал: «Молодцы — никого не боятся, ни от кого не скрываются!» Через минуту рядом скрипнули ворота во двор и образовалась щель, в которую Андрей нырнул и сразу оказался около теплой Розы, будто только что нежившейся на солнышке... Он чуть не задохнулся, прижав ее к себе и не жалея в этот момент поцелу-

ев. Но вот она легонько освободилась и повела Бунтова за руку. Когда входили в сени, шепнула:

— Осторожнее...

И ее голос, по которому Бунтов соскучился за последние дни, показался слаще сладкого, приятней приятного из всего того, что может быть на свете. И это лишь начало, ну а после, когда они, обнявшись, бухнулись на кровать, то и вовсе все поплыло в голове... Бунтов не мог сказать, сколько продолжалось волшебное путешествие и сколько еще могло продолжаться, если бы не слабый голос Розы, приведший в себя, напомнивший, где он находится. Она прижалась к его щеке, обвила руками и прошептала:

— Не могу больше, умираю!

Потом они какое-то время лежали молча, приходя в себя. Она отдышалась быстрее, и, видимо, хотела запоздало укорить его, но сказала с такой интонацией, словно жаловалась сама себе:

— Как же я долго ждала тебя?!

Он ответил не сразу, а когда сказал, то тихонько рассмеялся:

— Не больше года!

— У меня и неделя к году приравнивается! У меня свой счет. Так и знай!

Пришел он в себя, более или менее освежившись в мыслях своих, лишь когда за окном обозначилась ранняя июльская заря. Он сел на постели, сладко потянулся, потому что действительно невыносимо хотел спать:

— Пора собираться!

Она послушно поднялась, закрыла за ним дверь со двора и, немного постояв и прислушиваясь, не услышав ничего подозрительного, вернулась в дом и, упав на постель, охнула:

— Вот и все счастье: было, и нет его! Теперь жди, когда оно вернется!

Пробравшись огородами к дому в обманно предрассветных сумерках, когда все очертания плывут и дwoятся, Бунтов тихонько нырнул в сарай, заметив при этом, что старый полынный веник, который он предусмотрительно положил под ворота сарая, лежит на месте, и поэтому вполне можно предположить, что Валентина в эту ночь не проверяла.

Свежесть раннего утра взбодрила Бунтова, и когда он добрался до лошаины, то и сонливость пропала. Захотелось работать и работать. И зазвенела коса, и застучал брусок, когда Бунтов, протерев полотно косы росистой травой, ловко точил его, словно дробь отбивал. Когда добил первый рядок почти до конца, то обратил внимание, что в одном месте кто-

то собрал в кучурку подсохшую вчерашнюю траву, а подошел ближе — кучурка сильно примята, а рядом лежит чей-то забытый сиреневый платочек... И сразу в Бунтове что-то всколыхнулось, заставило радостно вздрогнуть, словно те, кто был здесь сегодняшней ночью, одного с ним рода из племени влюбленных. И ощущение этого прибавляло сил. Посматривая на мятую кучурку, Бунтов косил и косил, почти без перекуров, вспоминая минувшую ночь, которую отдал Розе.

Вволю накосившись, Андрей тяжело плелся домой в тот час, когда уж солнце вскарабкалось на самый обрыв небосклона. Усталость, как он ни хорохорился, давила тяжелей тяжкого, и вся его мечта сейчас была лишь в том, чтобы добраться до дому, умыться, чуток перекусить и рухнуть спать. Все бы так и было, но у веранды его встретила Валентина и сразу как кипятком ошпарила:

— Тебя участковый ждет!

— Какой еще участковый?!

— Самый обыкновенный... Милиционер наш!

Заглянул Бунтов в веранду, а там действительно сидит носатый, со сросшимися бровями Мустафа и что-то пишет в планшетку. Фамилию участкового Бунтов не знал, но она была нездешняя, трудно произносимая, схожая с именем, потому что участковый этот прибыл несколько лет назад то ли из Дагестана, то ли из Чечни взамен местного участкового, которого осудили за то, что, скооперировавшись с местной шпаной, распродал половину коров в соседнем отделении. Тогда и поставили приезжего участкового, наверное, более строгого, которого, видимо, притянул сам начальник милиции, тоже выходец с Северного Кавказа. И вот этот лейтенант сидит у Бунтова на веранде. Услышав Бунтова, поднял голову, встал, надел фуражку с гербом и руку к козырьку:

— Вы Андрей Бунтов?

— Он самый, — невольно заробел Бунтов, сразу вспомнив ночное путешествие к Розе. — А в чем дело?

— Минувшей ночью в вашей слободе совершили преступление в отношении Фирсовой, похитили пятьдесят тысяч рублей... Поэтому у меня к вам есть несколько вопросов. Расскажите, может, кого подозреваете, или видели каких-либо подозрительных людей, которые могли совершить это преступление?

Бунтов сразу вспомнил Пичугина и решил, что это его рук дело или его сообщников. Ведь неспроста они вертелись у администрации в те дни, когда привозили из Москвы день-

ги. И вот результат: одну уже грабнули! Правда, о мелькнувших подозрениях Бунтов не сказал, лишь наигранно удивился:

— Откуда у нее столько денег-то?! Ведь за паи давали по тридцать пять тысяч, а, как вы говорите, что пятьдесят отняли?!

— Сумма общая, вместе с трудовыми сбережениями!

— Ха! У нее трудовые сбережения?! Да она уж лет десять на пенсии!

— И все-таки, скажите, — настоял горбоносый лейтенант, говоривший почти без акцента, — есть ли у вас какие-либо по этому поводу соображения, тем более что, если судить по свидетельским показаниям, вас видели сегодняшней ночью у дома Фирсовой?!

— А вот в этом ошибочка вышла! Никто меня видеть не мог, потому что я с вечера завалился спать, а едва рассвело — ушел на покос!

— Вас никто и не подозревает. Просто мы ищем возможных свидетелей.

— Чего нет, того нет! Ничего подозрительного не видел и не мог видеть! — резко сказал Бунтов и поднялся из-за стола, давая понять, что разговор окончен.

Следом поднялся и лейтенант и, козырнув, вышел из веранды, напомнив:

— Если все-таки что-то узнаете — сообщите нам!

Участковый ушел, а Бунтов подсел к Валентине, спросил, имея в виду Авдотьиху:

— Чего у нее случилось-то?

— Да как же... Она все утро по слободе бегает, рассказывает, как ночью двое в масках пришли в дом и, приставив нож к горлу, забрали все деньги! Вот страсть-то! Небось, Пичугин с дружками позарился!

— Да он вроде бы уехал в Москву.

— И ты поверил?!

— Зачем же тогда Авдотьиха открыла-то им?

— Ты где-то умный, а где-то не очень... Забыл, как сам бегал к ней среди ночи за самогонкой?! Вот и эти так же. Мол, пришли за выпивкой, а сами вон чего удумали!

— У нее же внучка живет?! Она-то чего?

— Нашел защитницу. Она всеми ночами на дискотеке пропадает... Да, — вдруг что-то вспомнила Валентина и внимательно посмотрела на Бунтова, — а кто тебя мог ночью видеть, если ты должен был спать? Или тоже по ночам шарахаться наравне с молодежью?! Смотри, проверю — не поздоровится!

— Вот пристала-то! — плюнул Бунтов. — Совсем баба спятила, бог знает что мерещится! Когда поумнеешь-то?!

— Когда человеком станешь, тогда и поумнею вместе с тобой!

— А сейчас я кто, по-твоему?

— Зверь ночной! К тому же хичный!

Валентина так и сказала, исковеркав слово «хищный», от чего получилось не столько обидно, сколько смешно. И Бунтов рассмеялся:

— Сама ты «хичная»! Пойдем в дом, есть хочу!

— Зубы-то не заговаривай! — не приняла Валентина тон мужа и внимательно посмотрела на него; от ее взгляда Бунтову сделалось не по себе.

Поэтому долго за едой не просидел. Чуток поковырялся в сковородке с яичницей и, чувствуя, как засыпает, поскорее отправился в сарай и рухнул на топчан, сразу забыв обо всем на свете. Он бы, наверное, проспал весь день, но после полудня пришла Валентина и позвала обедать. Андрей кое-как протерев заспанные глаза, сел на топчане и зло спросил:

— Ну, чего тебе? Чего ты ко мне все время лезешь и лезешь, спать не даешь?! Гестаповка!

— О тебе же забочусь, чтобы голодным не был!

Пообедав, Андрей собрался вновь полежать в сарае, но жена не пустила.

— Тебе подстригаться пора! — напомнила она таким тоном, что Бунтову отказаться никак было нельзя.

Разделся он по пояс, накрыл плечи какой-то тряпицей и покорно сел в тени палисадника. А как присел, то и Валентина тут как тут, начала ножницами шелкать!

— У тебя и ножницы хичные! — усмехнулся Бунтов, вспомнив забавное слово жены. — Все в хозяйку!

— Давай без комментариев. Сиди и помалкивай.

Бунтов думал, что Валентина, как обычно, будет час с ним возиться, а тут чуть ли не за пять минут остригла, даже сомнение взяло. Поэтому, когда она закончила, то заглянул в доме в зеркало, повертел головой и ужаснулся! Да и было от чего: Валентина так в этот раз остригла, как не стригла никогда: лесенкой, клоками — хуже, чем паршивую овцу! Он сразу на улицу. Она же сидит на лавочке, подсолнушки поплеывает и хоть бы ей что.

— Ты что же это натворила-то?! Специально, что ли, сделала? Как мне теперь на людях показаться?! А вдруг олигарх придет?

Валентина в ответ рассмеялась, а он вернулся в дом, схватил первую попавшуюся рубашку и отправился к Коляне, а как пришел, то попросил:

— Выручай! — и показал на лесенки от уха до уха.

Фролов сперва ничего не понял, а потом принялся хохотать — еле-еле Бунтов остановил его. Да и то, когда хотел уйти.

— Кто это тебя так?! — спросил Коляня, едва сдерживая смех. — За что?!

— У моей жены спроси! Ну, так подстрижешь или нет?

— Вообще-то я не цирюльник, но подровнять немного смогу. Пойдем во двор.

Вернувшись, Бунтов от нехватки настроения забился в сарай, потому что не хотелось ни говорить с Валентиной, ни видеть ее, хотя обиды большой не имелось. Больше удивление брало от ее пронизательности, от умения по каким-то ничтожным подозрениям придумать историю о том, что он, ее муж, если уж не гуляет, то к кому-то испытывает явную симпатию.

Пораньше уснув, он и встал рано, и настроение хоть куда — со вчерашним не сравнить. Быстро собрался и отправился на покос. И опять обнаружил примятую копешку и несколько окурков около нее вместо вчерашнего платочка. «Скоро я с вас налог буду брать!» — подумал Бунтов и рассмеялся, позавидовал тем, кто повадился сюда ночью, и на миг представил себя с Розой! Вот было бы здорово побывать здесь с ней, поглядеть на звезды, помечтать о чем-нибудь хорошем и встретить рассвет, послушать стук перепелов, журчание жаворонков в высоком небе.

То ли оттого, что выспался, то ли от этого романтического настроения, но в это утро Бунтов косил дольше обычного и добил-таки делянку, сделал то, что хотел. Поэтому и возвращался в слободу с настроением удачливого охотника, лишь вместо зримой добычи нес в себе доброе настроение, от которого хотелось летать. Правда, дома Валентина опять ошарашила:

— Купцова сегодня ночью ограбили! Руку ножом порезали, когда он костылем отбивался!

— На инвалида замахнулись! Вот твари! Милиция-то хоть знает?

— Опять Мустафа по порядкам носится, да что толку. Все, конечно, Пичугина подозревают, а мать его клянется-божится, что он в Москву уехал на заработки. Вот и думай, кто это мог у нас сделать?!

— Какие-нибудь залетные... — сказал без всякого сомнения в голосе Андрей. — Петух для отвода глаз уехал, а прежде своих дружков навел. Вот увидишь, как немного шумиха сойдет, так и он появится. Как пить дать!

— И чего же ты молчишь-то?! Сказал бы об этом Мустафе!
— Спешу и падаю докладывать... Ему сообщишь, а он, быть может, с ними в сговоре. На другую ночь и подожгут. Не успеешь из огня выскочить!

— Страсть-то какая... С сегодняшнего дня спать в дом переходи, а то нас с Данилкой прищучат, и крикнуть не успеем.

— На вас не замахнутся — кишка тонка. Так что не переживай! — постарался успокоить Бунтов жену, от слов которой сразу екнуло сердце, словно он уже лишился возможности бывать у Розы.

В сомнениях прошло несколько дней. За это время Бунтов с Валентиной перевезли высушенное сено из Долгой лощины, забив сарай под завязку, а остаток сложили копной за двором. А через неделю Бунтов подговорил Коляню ехать на рынок.

— Дело верное — поверь мне! — убеждал Бунтов приятеля, предварительно побывав в Электрике и все разузнав там. — Три мешка на твоём мотоцикле до рынка дотянем? Дотянем! А это полтора центнера. Вот и считай, сколько они стоят?! Почти четыре тысячи на двоих! Люди за такие деньги месяц вкальвают, а мы за одно утро заработаем!

— Как все у тебя легко и просто! — продолжал сомневаться Коляня.

— Значит, согласен? По тебе вижу — согласен! Тогда держи краба! — подал Бунтов руку хозяину. — В пятницу вечером ко мне подтягивайся, да сразу на мотоцикле.

Уходя от Фролова, Бунтов вдруг почувствовал, что устал убеждать его, словно это ему одному надо. «А ведь, коснись, деньги-то пополам будет делить, да еще и за бензин вычтет, поросенок!» — злился Андрей, но сколько бы он ни злился, а на душе все равно сделалось радостно, и с этим радостным чувством он возвращался домой. Даже не огорчила встреча с Пичугиным, торопливо шагавшим с легкой сумочкой вдоль порядка. Поравнявшись, остановились, поздоровались.

— Откуда путь держишь? — спросил Бунтов, желая убедиться, что тот действительно ездил в Москву.

— В столице неделю пожил, а толку никакого... На стройке работал, арматуру вязал на нулевом цикле.

— Чего-нибудь заработал?

— Дождешься от москвачей... Послушал я работяг, которым по два-три месяца не платят, забрал у бугра паспорт, сдал спальное место в вагончике и адью! Буду в Электрике устраиваться, на станцию проситься! Говорят, в охране места есть! — Внимательно и, как показалось Бунтову, подозрительно посмотрев в глаза, Пичугин спросил: — Какие новости в слободе?

— Ох, малый! Лучше и не спрашивай! Пока тебя не было, двоих ограбили, а Петрович в больницу с инсультом угодил. Парализовало мужика!

— Ну, это еще при мне... А грабителей-то не нашли? Или опять наш Мустафа только за пропавшими курами гоняется?!

— Поди, найди их! Говорят, чьи-то залетные были!

— Совсем шпана распоясалась, — притворно вздохнул Пичугин.

— Обнаглели вконец! — согласился Бунтов и поспешил расстаться с Пичугиным, потому что перед глазами стояла последняя встреча с ним в саду у Розы, едва не закончившаяся дракой.

Разговор с Бунтовым прибавил настроения Семену Пичугину, хотя он прекрасно знал, что произошло в слободе, когда получил от дружка по мобильнику условные слова «сенос закончился» — сообщавшие о выполнении дела, на которое он сам и подбил их, и все организовал, чтобы хотя бы на воле заставить друганов подзабыть свое тюремное прошлое. И более они разговоров на эту тему не вели, потому что знали: коснись серьезная разборка, все их разговоры милиция представит в распечатанном виде в качестве доказательства их сговора. А так только можно мучиться догадками да подозревать. И подозревать, конечно же, его, Пичугина! Потому что более в слободе некого. Ведь о нем еще с весны начали ходить слухи, когда вернулся из заключения, что, мол, чужое белье с веревок снимает, что половину кур переловил у соседей — в общем, если что случилось в слободе плохое, сразу вспоминали о Петухе. «Думайте, что хотите, и сам я буду делать, что хочу!» — решил Семен, когда подошел к дому.

Мать, конечно, сразу кинулась с расспросами, но ему было не до нее. Ничего не стал объяснять, лишь попросил:

— Хавчик есть?

Не по годам подвижная Вера Степановна, привыкшая к его блатным словам и кое-какие из них понимавшая, сразу засуетилась:

— Сейчас яичницу поджарю... Я ведь не ждала тебя.

— Не парься, мать! Яичница так яичница... Только пошустрей, а то надо в Электрик ехать, сейчас Бунтов сказал, что там места в охране имеются!

Будь его воля, Семен и от материнской еды отказался бы, вовсе бы домой не заходил, а из Москвы сразу отправился бы к дружку, бывшему в курсе всего, что произошло в Казахской Засеке, но в деле не участвовавшему; лишь однажды

Петух показал ему жилища Авдотьихи и Купцова. Для дела другие пацаны нашлись. К ним и рвался теперь Пичугин, чтобы получить свою долю и погулять от души.

В тот же день с корешом Антоном Седым Пичугин сначала добрался с каким-то дальнобойщиком до города Кораблино, а потом, сменив машину, спокойно прибыли в другой город — Хупту, где их ждал корефан, у которого можно было перекантоваться и погулять. И оторвались они от души: вечером привезли с вокзала двух девах и гуляли с ними всю ночь. Под утро их выгнали, а сами спали до обеда. Проснувшись, опохмелились, поделили деньги и другим путем, чтобы не привлекать внимания, теперь уж через Скопин, вернулись в Электрик, где разбежались кто куда и затаились.

На другой день после своего вторичного возвращения в слободу, Пичугин вновь поехал в Электрик, так как была суббота, и он в эти дни пристрастился с Седым собирать «дань», как они называли свое немного устаревшее ремесло, о котором в больших городах и на больших рынках давно забыли. Правда, прессовали не сильно, с понятием, чтобы не настраивать против себя. В основном, брали по сотне. С тех, кто торговал мясом, по три-четыре, а бабушек так и вовсе обходили стороной. Ну, если только когда малосольных огурчиков зацепят на закуску. Антона на рынке все знали, постоянные торговцы говорили с ним как со старым знакомым, чуть ли не с братом родным. А два-три месяца назад и Пичугин примелькался. В иные дни, когда Антон находился в сильном похмелье, Пичугин собирал деньги самостоятельно. В будний день выручал поменьше, в выходные — посOLIDнее и, конечно, не в один карман. Все знали о порядке на рынке, даже милиция, но все на это смотрели и будто не замечали. Ведь ребята не только собирают, но и за порядком следят. И действительно, никогда при них никаких ссор, ругани, не говоря уж о драках. Если вдруг кто-то с кем-то повздорит из-за места или еще из-за чего-то, то крепкий Антон сразу тут как тут: кого припугнет, кому под яблочко двинет, а кого и вовсе выкинет с рынка. Иди тогда и жалуйся администрации, доказывай свою правоту! Себе же дороже будет. Один такой привез в прошлом году продавать телятину, да подешевле других пустил. Народ сразу в очередь. Продавца того предупредили, а тот ни в какую: мол, мясо мое, за место я заплатил, по какой цене хочу, по такой и продаю, и отстаньте от меня! От него отстали, а не прошло и десяти минут, как появился шустрый пацан в натянутой на глаза бейсболке, плесканул из пузырька на мясо и — ходу, затерялся среди покупателей. Хватился мужик, а телятину бензином облили.

И попробуй, догони малолетнего негодяя. Мужик тот даже в милицию заявлять не стал. Сразу все понял. Мясо в багажник и бежать с рынка. Только и видели его. Так что все это Пичугин знал и радовался, что сумел зацепиться на рынке, ведь до серьезных дел и к серьезным людям его не допускали, зная его поганое тюремное прошлое, из-за которого он носил позорное прозвище. Но это среди своих, а для всех остальных он — Семен. Он хотя и плюгав, и вида почти в нем никакого, зато рядом молодой, крепкий Антон. Попробуй откажи такому!

В эту субботу все так и было, как всегда. Идут Антон и Пичугин по рядам, и вдруг Пичугин видит знакомую физиономию Бунтова!

— Ба, какие люди! — расплылся Петух в улыбке, увидев Андрея за прилавком, а рядом с ним Колянню, скучавшего на мотоциклетной люльке, и тому кивнул.

Увидев Пичугина, Бунтов на какое-то время растерялся, совсем не ожидая, что увидит знакомое лицо, да еще какое. Ведь копая вчера с Коляней картошку и сегодня собираясь на рынок, он и предположить не мог, что встретит здесь Пичугина. А он, оказывается, вон чем промышляет, народ обирает!

— Земляки мы, — немного придя в себя, отозвался Андрей, посмотрев на Седого, и вспомнил о сотне, которую заранее приготовил по совету соседей по прилавку.

— Картошкой решил поторговать? — начал допытываться Пичугин. — У тебя ее много, это верно, чуть ли не все поле за слободой занял. Скоро озолотишься! По какой цене торгуешь-то?

— Как и все, — указал Бунтов на ценник. — Двадцатка за килограмм!

— Это молодец, что как все, выделяться нехорошо... Ну, ладно, поговорили и хватит... Приготовил?

— Чего? — Бунтов сделал вид, что не понял, о чем речь, хотя догадался, что Петух спрашивает о причитающейся сотне. — А, это-то?! Еще не наторговал...

— Я ведь дважды не подхожу, учти... Когда наторгуешь — сам принесешь, только умножь на два. Понял?!

— Чего это он?! — удивился Седой, и хотел уж было подступить к Бунтову, но Петух остановил кореша:

— Погоди... У нас с ним свои разборки!

Бунтов промолчал, заскрипел зубами и сделал вид, что более не замечает Пичугина и его друга, которому, не будь Петуха, он отдал бы сотню, будь она неладна, а этой сволоте Пичугину — ни за что! Когда они отделились, Коляня тихо спросил:

— Чего связываешься-то?! Отдай, и пусть подавятся!

— Обойдутся! Пяток лет будет тяжело, а потом привыкнут!

Коляня пожал плечами, а к Бунтову прицепилось такое поганое настроение, что хоть возвращайся домой. Но это только в первые минуты, а как вспомнил, сколько у него картошки растет за слободой, то подумал о Пичугине: «Обойдешься, козел смрадной!» Андрей продолжил стоять за прилавком с таким видом, что будто ничего не случилось, хотя соседи и заметили его словесную перепалку и теперь ждали развития событий с явным интересом. А Бунтову безразлично их бабье любопытство, наплевать ему на него. Он свое дело знает: торгует себе и торгует, и неплохо это получается, потому что картошка у него ровная, чистая — одна из лучших во всем ряду. Поэтому Бунтов и продал ее быстро, и, продав, начал собираться, не зная, что из будки охранников за ним наблюдает Пичугин, который, увидев сборы Бунтова, не выдержал и отправился к нему, чтобы поговорить. Тем более что в этот момент приятель его отошел.

Андрей не заметил момента, когда появился Петух, только почувствовал на плече его руку. Оглянулся, а тот дышит перегаром и в упор смотрит кошачьими глазами:

— Отойдем, поговорить надо!

Бунтов молча пошел за Пичугины и на всякий случай нащупал в кармане нож. Когда за контейнерами Петух остановился, Бунтов заметил, что он держит правую руку в кармане. «За рукой надо следить, нельзя прозевать, если дело далеко пойдет!» — приказал себе Бунтов и с вызовом спросил у Пичугина:

— Ну и чего?!

— Не уважаешь пацанов! Мы с тобой по-хорошему, а тебе напоминать надо, что ты не один живешь: и жена у тебя есть, и внучок бегаёт! Смотри, как бы с ними чего не случилось, а над домом красная птица не заплесала!

— Это тебя не касается, кто у меня бегаёт! А за внука да жену я тебе голову оторву! — Бунтов замахнулся, хотел припечатать Пичугина к контейнеру, но тот увернулся, левой рукой отбил наскок Бунтова и почти одновременно выдернул из кармана правую... Бунтов сразу даже и не понял, что у Пичугина в руке нож, и на мгновение замер, а когда увидел движение лезвия, то невольно дернулся, уклонился, но до конца не успел и почувствовал резкую боль в левом боку, словно напоролся на гвоздь, и схватился за бок, будто хотел выдернуть мешавший предмет.

— Это тебе, сука, на память! — сквозь зубы плюнул Пичугин и, не торопясь, брезгливо вытер о собственные брюки нож, сложил его.

Бунтов попытался что-то сказать в ответ, но не мог вздохнуть и осел, прислонившись к контейнеру. Хотел позвать Коляню, но не хватило воздуха произнести хоть словечко, а перед глазами поплыли розовые круги...

Коляня нашел Бунтова минут через десять, когда вернулся из промтоварного магазина и, не обнаружив приятеля около мотоцикла, подождав, отправился на поиски. Вернее, даже не отправился, а заглянул за ближайший контейнер. Бунтов к этому времени пришел в себя и сидел на голой земле среди мусора, даже не пытаясь кого-то звать, а лишь зажимал окровавленной рукой бок, словно держал что-то важное, что боялся потерять.

— Кто тебя так?! — спросил, подскочив к Бунтову, перепуганный Коляня и упал на колени, пытаясь осмотреть рану и поднять приятеля.

— Не знаю, кто-то залетный... — не открылся Бунтов. — Попроси у кого-нибудь аптечку!

— Какая аптечка! Тебя в больницу срочно надо везти! Подожди здесь! — Фролов кинулся за контейнер, но вернулся, стянул с себя рубашку, приложил к распоротому боку Бунтову: — Держи!

Сам же выскочил за контейнер, крикнул:

— Мужики, народ, на помощь!

Кто-то бросился сразу, кто-то шел не спеша, словно из любопытства. Когда несколько человек сгрудились около Бунтова, не зная, что делать, кто-то догадался позвонить в «скорую». Хотя и мал Электрик, но «скорая помощь» не ехала и не ехала, и Коляня, наблюдая, как у Бунтова от боли и страдания ходят желваки по побелевшим щекам, предложил:

— Надо самим везти! У кого машина?

Окровоавленного Андрея, конечно же, никто в собственную машину укладывать не пожелал, и тогда Коляня попросил:

— Помогите донести, на мотоцикле повезу, раз такое дело!

— Погоди, — кто-то остановил его, — «скорая» идет.

Врач «скорой» отогнала собравшихся, сделала Бунтову два укола, и когда его положили на носилки, то он так и лежал крючком, словно удерживал внутренности распоротого живота. Коляня увязался за приятелем в машину, но Бунтов отрывисто сказал:

— Домой езжай! — и слабо махнул рукой.

Пока грузили Бунтова, появился милиционер, начал опрашивать возможных свидетелей, но никто, как оказалось, ничего не видел и не слышал: все сразу превратились в слепых и немых.

В больнице Бунтова тотчас отправили в операционную, и при операции выяснилось, что рассечены бок и брюшина, но внутренние органы, к счастью и на удивление, оказались не задетыми. Розовощекий врач, делавший операцию, даже пошутил:

— Как мешок распорол! При таком ранении студентам можно анатомию изучать!

Правда, веселых слов врача Бунтов не слышал, так как находился под наркозом. Очнулся он в палате. И первое, что увидел, это, как показалось, безбрежный белый потолок, от вида которого закружилась голова, когда Андрей попытался опустить взгляд и рассмотреть в палате все остальное: светильники по стенам, кровать, людей; некоторые из них пытались говорить с ним, но Бунтов, плохо разбирая вопросы, отвечал первое время невпопад. Все вопросы сводились к одному: «Кто же тебя так, милоч?! За что?!»

Не зная, что отвечать, Бунтов твердил одно:

— Шпана наскочила... С кем-то перепутала!

То же самое он сказал немного погодя пришедшему человеку, представившемуся следователем, с его слов записавшего обстоятельства нападения и внешность нападавшего. И Бунтов наврал, сказав, что нападавший был плотный, щекастый и молодой совсем, лет, быть может, двадцати. В общем, Бунтов специально путал следователя, продолжая скрывать имя нападавшего, потому что знал: расскажи он о Петухе, и того сразу заграбастают, посадят в предварилровку, и тогда прощай мысль о мести. А Бунтову очень хотелось отомстить, очень хотелось всадить нож по самую рукоятку Петуху под дых. И не пугала перспектива оказаться за решеткой, долгий тюремный срок. Правда, было бы стыдно перед Валентиной, детьми, внуками. Но что он мог с собой поделать, если в нем копилась и копилась сладкая страсть мести. Особенно она захлестывала, когда Бунтов представлял, как теперь, избавившись от него, пусть и на время, Петух начнет увиваться вокруг Розы... Думая о Розе, Бунтов довел себя до невозможного состояния, когда казалось, что он никогда никого не любил на свете сильнее ее. И, страдая по ней, Бунтов почему-то ни разу не подумал о Валентине, а вспомнил о ней только тогда, когда она, раскрасневшаяся и испуганная, оказалась в палате и взяла его руку в свои руки:

— Что, мой дорогой, случилось? Кто тебя так?

— Ничего особенного. Откуда узнала-то?

— Фролов рассказал... Приехал из Электрика без колес, и сразу ко мне, а я чуть в обморок не упала, когда услышала, что ты в больнице с ранением!

— Пустяки — на сучок напоролся... А как это Коляня «без колес» вернулся?!

— Ну, на колесах, конечно, только на спущенных... Пока он с тобой занимался, на его мотоцикле все шины порезали! Не веришь, что ли? — спросила Валентина.

— Охотно верю, — не оставив места сомнениям, кивнул Бунтов и неожиданно для себя рассмеялся в душе, представив, как Коляня улепетывал из Электрика.

Фролов лишь мог догадываться, что нападение на товарища — дело рук Петуха, но Бунтов почему-то ничего не сказал, если это было действительно так, а все свалил на мифическую шпану. Откуда было знать Коляне Фролову, пугливому и осторожному мужику, что в такой момент, в какой сошлись за контейнером Бунтов с Пичугиным, выбирать не приходилось. Это как на войне: или ты, или тебя!

Пичугин же после этого случая ни о чем не сожалел — что произошло, то произошло! — зная, что недолго ему оставалось быть на свободе. Пырнув Бунтова, Петух отправился к охранникам в будку, допил бутылку с Седым, которому рассказал о Бунтове, и напомнил:

— Ты ничего не видел и не слышал, а я сваливаю! Поеду домой, попою напоследок.

— Совсем, что ли, ку-ку?! — озадачился Антон, сразу протрезвевший от слов Пичугина. — Езжай в Хупту и там отсились.

— Сделаю так, как хочу! Хватит трекать! — твердо сказал Пичугин и грохнул кулаком по дощатому замызганному столу. — Я пошел!

Уходил он, не таясь. На улице остановил машину и, не жалея денег, по пути в слободу накупил водки и еды. Пока ехал, мечтал о том часе, когда увидит соседку Розу и поговорит с ней.

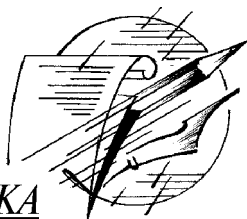
Продолжение следует

О СМЫСЛЕ НАШИХ КАТАСТРОФ

Катастрофа, которую довелось пережить нашему народу на исходе XX века, настолько масштабна, что все связанные с ней даты (провозглашение «независимости» Украины, проведение украинского референдума, подписание Беловежских соглашений) и всякое о ней воспоминание отзываются в душе болью.

При этом не остается сил задуматься над высшим смыслом того, что с нами произошло, и о том, как и за счет чего народу, прожившему семьдесят лет без Бога, привыкшему к тому, чтобы руководствоваться в своей жизни если и не исключительно материальными интересами, то амбициями, страстями, гордыней и в массе своей продолжающему жить такой жизнью, возможно исцелить свою душу и возвратиться к тому духовному состоянию, которое позволило бы нам, воспитанникам советского инкубатора, быть готовыми к тем испытаниям, которые подстерегают нас в новейшую эпоху.

Если задуматься о духовном состоянии нашего народа и качестве нашей элиты, то приходит понимание того, что другого исхода ожидать было нельзя, и

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

осознание, что наши сегодняшние беды нужны для того, чтобы выжечь из наших душ все для них губительное, все чуждое, наносное, нежизнеспособное. Посредством этих бед мы постепенно очистимся, избавившись от духовной порчи, приведшей нас к нынешнему состоянию, и превратимся в некий «чистый лист», на котором смогут быть написаны новые, подлинные смыслы, незамутненные идейным мусором, набранным нами в наши души за все годы безбожной жизни. Дай Бог, чтобы в горниле ожидающих нас испытаний, мы обрели ту истинную точку опоры, которая поможет нам избавиться от наших гордыни и своеволия, оборачивающихся на деле безволием и беспомощностью... Быть может, тогда мы будем в состоянии выработать спасительные для нас формы нашей государственной и общественной жизни.

И даже нынешнее разделение Русского народа на отдельные три страны — это не только разрез по живому единого державного тела и попрание наших традиционных жизненных смыслов, миллионы невинных жертв и слом миллионов судеб... Это еще и своего рода эксперимент в поиске путей возрождения нашей жизни...

Сегодня, расколотые на три части, мы пробуем обособленно писать на тех самых «листах» отдельные свои «программы спасения». И приобретаем опыт, правда, по большей части, негативный. Но и он необходим для того, чтобы определить те губительные пути, на которые не стоит уже никогда возвращаться.

Так, сегодняшняя Россия, хоть и признает себя формально преемницей исторической России, но всё время после катастрофического 1991 года вела себя в идейном отношении как наследница осуществляемой после февральской революции 1917-го года попытки перестроить русскую жизнь на интернациональных началах — попытки, ставшей первой ступенью нашего падения. И нынешняя либеральная попытка очень скоро привела к тем же плачевным результатам, что и предыдущая. Но постепенно, под давлением многих желающих извне воспользоваться духовной беспомощностью новой России на этом избранном ею пути, российская правящая элита начинает обретать понимание того, что в грядущих глобалистских раскладах для России, в любом ее виде, место не предусмотрено, и что навязываемый России либеральный путь развития — лишь средство ее скорейшего уничтожения. Поэтому нынешняя Россия — по-прежнему, на ощупь — ищет спасительные точки опоры. И все больше начинает сопротивляться разрушительным процессам.

Что же касается Белоруссии, то ее руководство все эти годы вело себя более независимо от внешних «демократизаторских» воздействий, пытаясь воспроизвести в пределах бывшей советской республики некую уменьшенную копию Советского Союза. Это похоже на то, как если бы СССР, вместо крушения, продолжил бы свое бытие, пойдя по пути Китая. В Белоруссии сегодня — авторитарная власть с преимущественным, по советскому обычаю, вниманием к хозяйственной сфере; при том, что вопросы, касающиеся духовности и культуры, решаются ею, в основном, по остаточному принципу, и теми же «механическими» методами, которые применяются в хозяйственной сфере.

Белорусский опыт подтвердил многое из того, что мы уже знали по опыту советскому. При всех несомненных успехах в социальной политике «белорусская модель» демонстрирует свою уязвимость в тех же сферах, в которых был уязвим и СССР. Эта уязвимость — в преимущественной установке белорусского общества на достижение материальных целей. Все это очень напоминает советское общество, которое соблазнило в свое время, пользуясь подобной его идейной установкой отказаться от «синицы» социалистической экономики ради несуществующего капиталистического «журавля» (несуществующего потому, что достижение этого «идеала» заставило бы наш народ отречься от своей духовной сущности и, что называется, «самоликвидироваться»), и которое, погнавшись за упомянутым «журавлем», даже и не подумало о тех самых губительных последствиях. Правда, удержаться от бега за подобного рода «журавлями» Белоруссии сегодня во многом помогает и негативный опыт соседней Украины, доказывающий, что лучше не искать «от добра добра», так как может быть хуже.

Невнимание к тем духовным основам, на которых должна строиться здоровая жизнь в обществе, непонимание их часто вынуждают белорусского лидера, контролирующего власть в стране и имеющего возможность формировать ее духовный облик, совершать серьезные ошибки, которые, при других обстоятельствах, могли бы оказаться катастрофическими для страны. От последствий всех этих ошибок нынешнюю Белоруссию спасает поддержка России.

Совершенно по-иному повела себя власть Украины. То, что считается сегодня на Украине ее «национальной элитой», совершило полное предательство в отношении собственного народа. Вопреки выбору народа избранная этим народом правящая прослойка — в личных своих интересах — тянет весь народ этой части Руси в западную кабалу. При этом народу

запретили даже проводить референдум по вопросу его геополитических предпочтений (хотя, в свое время, именно благодаря декабрьскому, 1991-го года, референдуму и появилась на свет эта злокачественная «держава» и ее столь же злокачественная «элита»).

А это означает, что, фактически, на Украине нет теперь государства и сколько-нибудь ответственной перед народом власти, а есть лишь некая правящая прослойка, выполняющая неизвестные народу указания извне и являющаяся по отношению к собственному народу чем-то вроде надзирателей. И есть народ, которому предоставлено право дегradировать и вымирать, продлевая свое существование по циничному принципу, сформулированному в воровском мире: умри ты сегодня, а я завтра.

Видимо, так происходит оттого, что та духовная болезнь, которой болеет теперь весь русский народ, на Украине проявилась в наиболее опасной форме. Народ на Украине дальше всего зашел в пренебрежении и отторжении спасительных для него духовных ценностей, больше всего отдалился от национальных ориентиров, так что даже, на протяжении последнего столетия, дал себя переименовать, утратив национальное имя. Справедливости ради, стоит сказать, что именно в этой части Руси наш народ подвергся внешнему давлению наибольшей интенсивности и длительности по времени. И теперь народу этой части Руси, похоже, придется пройти через наибольшей трудности очистительное испытание — необходимое для восстановления утраченных ценностей и смыслов.

И сегодняшняя попытка правящей украинской «элиты» продать свой народ в западную кабалу, как и те последствия, к которым это неминуемо приведет, позволит нам в будущем объединиться на новых, более здравых началах, не оглядываясь на теперешнюю, дискредитировавшую себя «национальную элиту» и на всю нынешнюю «державную» атрибутику, существующую для придания людоедским процессам «форм приличия».

В самом деле, население Украины, все годы так называемой ее «независимости» исправно ходившее на все выборы в надежде изменить свою участь к лучшему, перебравшее за долгие два десятилетия весь предоставленный ему набор украинских политиков и успевшее уже во всех них разочароваться, — должно бы уже прийти к выводу, что дело вовсе не в политиках, а в самой «украинской державе», которая никакую иную элиту не может порождать в принципе.

Поэтому ожидающие Украину испытания будут длиться до тех пор, пока ее население в массе своей воочию не убедится, что всё произведенное «независимой украинской державой» — той государственной формой, в рамках которой этому населению сегодня предписано жить, — может породить только предателей: образованных и полуграмотных, мужского и женского пола, старых и молодых, блондинов и брюнетов... но только предателей, и выбирать между ними бессмысленно. А потому корень зла следует искать в самой этой гибельной «государственной форме».

Это, кстати, даст возможность нашему народу избежать тех затруднений, которые последовали после Переяславской Рады, когда между русской властью в Москве (и, затем, в Петербурге) и освобожденным от польского владычества и гнета русским народом Малой Руси более чем на сотню лет обосновалась хищная и всегда готовая к предательствам «европейски ориентированная» прослойка из казацкой старшины. В свое время в Речи Посполитой, этой прослойке не удалось получить желаемый для нее статус полноценной элиты из-за религиозного и сословного презрения к ней со стороны польской элиты, однако, после присоединения Малой Руси к России, она охотно соглашалась служить Европе в качестве предателей российского государства и своего народа.

Именно поэтому к грядущим испытаниям следует относиться как к довольно неприятной, но необходимой лечебной процедуре. Бояться же «летального исхода», то есть полного поглощения Украины Европой, не нужно. Ведь Украину сегодня тянут в Европу и навязывают ей «европейские ценности» вовсе не для того, чтобы облагодетельствовать, а для того, чтобы использовать ее в своих корыстных целях. По-другому нынешняя Европа поступать не способна.

Не может по-другому поступать и украинизаторская «элита». Ведь украинизаторы борются за торжество своих идей вовсе не потому, что считают эти идеи истинными и желают приобщить к ним других. На самом деле они борются не за украинские национальные идеалы, не за украинский язык и тому подобное, а за добытые посредством торжества своих идей привилегии и возможность господствовать в «ций крайини», как любил выражаться бывший президент Ющенко.

Господствовать же новые европейские хозяева и прислуживающая им «элита» украинского «государства» могут лишь за счет подавляющего большинства населения, оболваненного или задавленного. И потому этому большинству, которому уготована такая участь, неизбежно придется сопротивляться, вырабатывая постепенно наиболее действен-

ные формы этого сопротивления. Когда Запад правдами и неправдами насаждал «демократию» на постсоветском пространстве, то делал это не ради нас, не ради того, чтобы приобщить нас к благу, а ради того, чтобы нас обезоружить. И потому никакого принятия в «европейский дом», в «золотой миллиард» и тому подобное нам ожидать не стоит, а стоит лишь ожидать дальнейшей «демократизации» — до тех пор, пока мы не поузмеем.

В этом и есть та главная причина, которая рано или поздно выведет всю Россию из смуты и поставит ее на то место в мире, на котором ей надлежит пребывать.

Нечто подобное уже случилось в нашей истории. Многое из того, что происходит с нами сейчас, происходило в свое время в Галиции, с тогда еще русским ее населением. Однажды уже полякам в пору их владычества над этими землями удалось добиться своего и переделать русское православное население Галиции в униатов. Но так как это делалось не ради блага галичан (не ради их приобщения к «правильной», по мнению католиков, религии, а ради самих католиков), то в результате перехода в унию бывшие православные вовсе не стали своими для господ этой земли — поляков и продолжали подвергаться социальному гнету. Их продолжали считать второсортными, поэтому неизбежный социальный протест дал в свое время импульс русскому национальному возрождению, которое возникло уже в среде униатов.

Правда, у народа, у которого посредством унии была исковеркана его исконная вера, это возрождение не могло быть достаточно жизнестойким, и враги русского народа в конце концов нашли лазейки для того, чтобы превратить галичан в средство для осуществления своих целей...

Но если возможно было задавить маленькую Галицию, то задавить таким же образом огромную Россию, которая является сегодня оплотом православия в мире, — невозможно. Тем более что потенциально на стороне России — весь остальной мир, обреченный Западом на угнетение.

Так что и с теперешними европейскими мечтаниями украинствующих в итоге ничего не получится. Максимум, на что могут они рассчитывать, — это на то, что им на какое-то время помогут оторваться от России, сделав из них средство для ее ослабления.

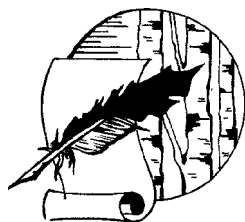
О том же, что после надлежащей «терапии» мы рано или поздно вернемся к нашей исконной жизни, — сомнений никаких нет. И гарантией тому — наша православная вера.

То, что именно православие является тем бастионом, который «врата ада не одолеют» и который даст нам возможность

в свое время перейти в контрнаступление, доказывает и наш опыт двадцатилетнего блуждания порознь среди хаоса идей и смыслов.

Все эти годы в каждой из трех наших стран происходили попытки самоорганизации населения на разных началах. И опыт этот засвидетельствовал, что никакая из существующих идеологий без внешней подпитки не способна к развитию. Все «успешные» идеологические проекты держались лишь на властном финансировании или на внешних грантах. И при исчерпании финансовых источников — немедленно затухали. Даже если это те или иные модификации внедряемой в наши души «идеологии распада», когда, казалось бы, «сочувствующим» и делать ничего не надо, кроме как деградировать и «распадаться», то и они требовали от организаторов этого процесса финансовой поддержки для работы «лидеров» и «агитаторов».

Подлинная же, пусть и постепенная, самоорганизация народа на путях его возрождения происходит во всех наших странах лишь под покровом Церкви.

Михаил МАРТЫШКИН

Недавно Михаил Мартышкин издал книгу, в которую включил стихи, написанные в конце 50-х — начале 60-х годов прошлого столетия. Тогда, еще молодой человек, он был осуждён и отбывал немалый срок в лагерях Сибири. Отбывал, по его собственному мнению, совершенно справедливо. Но и там, в условиях многих лишений, творчество помогло ему выжить, осмыслить жизнь и своё место в ней.

Некоторые стихи из этой книги мы предлагаем вниманию читателей.

ДИКИЙ ФРАЕР

МАТАДОР

Раз в неделю совали в кормушку
Для бритвы — в коробке — прибор,
И горячую воду — в кружке...
Марка лезвий была — «Матадор».

Автор

Намылив щёки густо-густо
Как настоящий брадобрей,
Срезаю я щетину с хрустом,
Чтоб стать немножко красивей.

Поскольку развлеченья редки,
Есть удовольствие в бритве.
А я гляжу на этикетку
В каком-то странном забытье.

...На этикетке — парень стройный
Изящно вскинул сталь клинка...
Гудят трибуны, ветер знойный
Доносит тяжкий рёв быка.

Великолепен бык огромный!
Склонив упрямые рога,
Он взгляд, багровой мути полный,
Уставил тупо на врага.

А тот, — должно быть, храбрый малый! —
Он лишь нахмурился слегка
И плащ раскрыл пурпурно-алый,
Дразня взбешённого быка.

Ждёт парень страшного момента:
Рога мелькнут, как два ножа,
А он, под гром аплодисментов,
Отпрянет, смерти избежав.

Потом при криках: «Торо, bravo!» —
Сверкнёт, как молния, клинок
И обагрит струёй кровавой
Арены золотой песок.

...Я счастлив тем, что за решёткой,
Отдавшись сладостным мечтам,
Могу себе представить чётко
Всё то, чем жизнь прекрасна там,

На воле: небо голубое,
Красавицы и их любовь,
Цветы, закаты, гул прибоя,
Театры, танцы, бой быков!

А если сердце станет глухо,
Забудет солнце и весну,
Я сам себе от уха к уху
По горлу бритвой полосну.

ЗАКОН ДЛЯ СИЛЬНОГО

Когда беда, твой адрес отыскав,
Захочет нанести визит нежданно,
Уйди на дно, на грунт, как батискаф,
Затерянный в глубинах океана!

В житейском море каждый одинок.
Спасения в себе самом ищи ты!

Не вымолвить, упав у чьих-то ног,
Конечно, ни пощады, ни защиты.

Поэтому сдержи в гортани крик,
Не возопи: «Спасите наши души!»,
Когда беды смертельно-бледный лик
Прильнёт к иллюминатору снаружи.

Борись. Сражайся. Победи. Тогда
Ты обретёшь свою беспечность снова.
Но может так случиться, что беда
Тебя достанет и со дна морского.

Со страшной силой, мордой по камням,
Потащит, вывор-р-рачивая р-р-руки!
И ты утратишь счёт ночам и дням,
А мир утратит запахи и звуки.

Померкнет звёздный купол золотой.
Умрут Шекспир, и Гойя, и Бетховен.
И потускнеет, съёжась, шар земной,
Который был сияющ и огромен.

Ну что ж, перед бедою все равны.
Но только тот воистину мужчина,
Кто может встать — с усмешкой! — у стены
Под наведённым дулом карабина.

Для сильного таков закон земной:
Беду — любую! — не считать бедой!

НОВАЯ КАМЕРА

Открылась со скрипом камера-гроб.
Вошёл надзиратель. Рыгнувши щами,
Наморщил в усилии низкий лоб:
«Заключённый на «М»! С вещами!»

Много с нами не говорят.
К грубости мы давно привычны.
Ведут коридором: «Руки назад!» —
Летит начальственный окрик зычный.

Дошли. Надзиратель, гремя ключом,
Дырку в замке торопливо ищет.

Вхожу, задевая косяк плечом,
Стою, оглядываю жилище.

Обычная камера. Как и все.
Мог бы представить себе заранее, —
Будка собачья во всей красе,
Только расширенное издание.

Но кто-то гвоздём на стене начертил,
И подчеркнул для ясности вящей:
«Ты, входящий сюда, не грусти,
И не радуйся, уходящий!»

Перечитываю, не дыша,
В сердце словно восторг «свиданки».
Здравствуй, родственная душа,
Незнакомый остряк «таганки»!

Я снова камеру оглядел, —
Пол бетонный... Железо коек...
Хорошая камера! Здесь сидел,
Как и я, — оптимист и стоик!

РЕВНОСТЬ

Имя — Зоя! — во мне поёт
Бесподобным, волшебным меццо.
Как вино, веселит и жжёт,
Сладкой болью сжимает сердце.

Сердце глупое! Не зови!
Позывные не шли, как спутник!
Может быть, для её любви
Слишком страшно, что я — преступник?

Может, глаз её синеву
Не туманит тоска разлуки,
Не во сне моём — наяву! —
Ей уж кто-то целует руки?

Словно вижу сквозь эту тьму:
Он... она в незнакомом доме...
С лёгким стоном прильнув к нему,
Изогнулась она в истоме...

Что ж, зубами скрипи теперь!
Кто мне выдумал муки эти?
Я решётку трясу, как зверь,
В лунном, жутком,
Мертвящем свете.

НЕНАВИСТЬ

Снег кололся иголками.
Ветер выл над бараками.
Нас считали пятёрками,
Охраняли с собаками.

Шли мы длинной колонною,
За заборами хмурыми.
Мы глаза воспалённые
На прожекторы жмурили.

Шли — безмерно усталые,
А за нашими спинами,
Как за волчьей стаею,
Люди шли с карабинами.

В тусклом звёздном мерцании
Мироздание кремнилось.
И плескалась в молчании
Затаённая ненависть.

1000 ЗЕКОВ

Мороз рисует арабески
На окнах ледяной иглой.
Позёмка воеет зло и дерзко
Над полированной до блеска
Чугунно смёрзшейся землёй.

А мы долбим тугую глину,
Вгоняя клин в кривой излом.
Дымятся на морозе спины,
И бьют кувалды в шляпку клина,
Из глины высекая звон.

Нет, мы романтики не ищем:
Долбаем, тяжело дыша...

Чтоб выжить в этой волчьей тыще,
Здесь нужен нож за голенищем
И сердце — холодной ножа.

* * *

Смерть мудреца, конечно, не пугает:
Обречено живое умереть.
Те, кто боится смерти, полагают,
Что им известно, что такое смерть.

Возможно, это лишь уничтожение
Того, что было до сих пор тобой?
Но это же — отсутствие движения,
Глубокий, всеобъемлющий покой!

Или нас просто ждёт переселение
В другое место? В некий мир иной?
Никто не знает правды, к сожаленью.
За гробом всё для нас закрыто тьмой.

А вдруг бессмертна ты, душа моя,
И смерть — лишь разновидность бытия?

Андрей РУМЯНЦЕВ

ВЗЫВАЕТ ВРЕМЯ К ДОБРОТЕ

* * *

День рожденья. Янтарная осень.
Не бывает хлебов золотей.
Мама втайне гордилась, что восемь
Родила она крепких детей.

Говорила: «Не надо нам денег,
Нам дороже в семье сорванец».
В той, где выросла мать, было девять,
И тринадцать — где вырос отец.

Кедрачи — вековая порода —
Удивлялись мне, хвою клубя:
«Это сколько ж родного народа
На земле окружает тебя!»

* * *

Лицо счастливого отца
В кругу его сестер и братьев.
И разговоры, и объятия,
И расставанье у крыльца.

Да что ж опять в картине той
Мне показалось необычно?
Ведь ни один не крикнул зычно,
Не похвалился красотой.

Обычен день. Обычны лица.
Обычны теплые слова.
Но как — замри! — щебечет птица,
Струится свет,
Течет листва!..

* * *

Какое чудо мне дала
Земная щедрая судьбина:
Воды гремящая лавина
У стен родимого села.

Байкал! Над счастьем и бедой
Твой голос вечен у завалин.
У бабки чай опять заварен
Твоей клокочущей водой.

И выше вздыбленной земли,
Прекрасней, чем любая небыль,
Твоя волна летит вдали,
Как и душа земная, к небу!

* * *

И когда ты на утлом пароме
Подплываешь к родным берегам,

Блещет солнце в алмазной короне.
Будто музыка в праздничном доме,
Воробьиный разносится гам!

Все, как в детстве:
Луга, и болота,
И Байкал, и гольцы вдалеке.
Только избы из улицы кто-то
Вырвал, словно засохшие соты,
И сумел утопить их в реке.

Уноси, роковое течение,
Нашу радость и нашу печаль!
На Руси
И людское мученье,
И пичуги пугливое пенье —
Все вбирает участливо даль.

Но в минуты загаданной встречи,
Поцелуев, объятий и слез
Загораются горные свечи,
И полынные жаркие речи
Опаляют и берег, и плес.

Потому что на утлом пароме
Ты приплыл к дорогим берегам.
Пляшет солнце в алмазной короне,
Словно дивная музыка в доме,
Воробьиный разносится гам!

* * *

Здесь и в праздничный день
редки дальние гости.
Не хлопочут хозяйки
над стряпнею чуть свет.
И никто не оставит
цветка на погосте,
И никто не помашет
прохожему вслед.

Голоса вечерами
у завалинок глуше.
Телевизор вопит
про убийства и блуд.

Все мне кажется,
 что, потеряв свои души,
Люди ищут во тьме
 и никак не найдут.

Русь!
 Солдаты твои в орденах и медалях
Даже здесь,
 в обойденной судьбою глуши.
Сколько солнца в твоих
 не тускнеющих далях —
Озари этим светом
 потемки души!

НОВЫМ РУССКИМ

Ну что вы жалуетесь, милые,
Что суд толпы — жестокий суд?
Кто воровал со страшной силою,
Тех на Олимп не вознесут.

Вам нужно быть к тому готовыми,
Нося позорное тавро.
Напрасно вас назвали новыми:
Что с вами станет, то старо.

* * *

Ты, родная, бежишь от нужды и тщеты?
От того, что обрыдли плебейские норы?
Сколько тысяч таких дочерей нищеты
В забугорные пущи везут сутенеры!

Им не жалко иконной твоей красоты.
Ты — ходячий товар, золотая посылка.
На невольничьем рынке
Для похоти ты —
Подсвежённая русскою сказкой подстилка.

Да о чем я!
Не так ли Россия сама
Бьется
(Где ее царственный норов,
И святая краса,

И палата ума?)
В мерзопакостных лапах чумных сутенеров?

И на нашем веку,
И на наших глазах
Распинают ее!
Это мы, ратоборцы,
Притаились трусливо в полях и лесах,
Не Егории, нет, а больные егорцы!

Лучше смерть!
Лучше черная, лютая смерть!
Испытай, если ты и труслив, и бесславен,
Как на землю твою, на родимую твердь,
Опустился позорный изгаженный саван!

* * *

Они вешают увлеченно
О соплеменнике своем,
Как будто это кот ученый,
Что ходит по цепи кругом.

Известно, ими не случайно
«Златая цепь» ему свита.
Ведь нет поэзии и тайны
Там, где их гам и суета.

Им надо сотворить кумира
В своем торгашеском роду,
Чтоб слава дутая кормила
Их ненасытную орду.

МАТЁРА

В.Г. Распутину

В туманах отчего простора
Сквозь годы темные и дни
Мне с болью виделись,
Матёра,
Твои прощальные огни.

Жила ты маятно и трудно
Со всею Русью заодно.

И вот, пробитая, как судно,
Ушла на сумрачное дно.

А нынче Русь, как ты,
Матёра,
В глухое впала забвенье.
И та же лапа мародера
Спешит обшаривать ее.

И лишь одна не стерлась мета:
Украшен храм, незыблем крест,
И далеко зарницы света
От них уносятся окрест.

В туманах отчего простора
Мы верим,
Этим дорожа,
Что возродится вновь,
Матёра,
Твоя бессмертная душа!

* * *

Взывает время к доброте.
Оно от зла устало.
Ты мне о страхе, темноте,
А я о ветке талой.

Ты мне о ценах и деньгах
И о безумной власти.
А я о золотых деньках,
Когда бывал я счастлив.

Ты мне о крови и вражде,
Я — о своей надежде:
О солнце, ветре и дожде...
О том же, что и прежде.

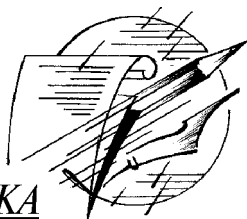
РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛЕ СОБЫТИЙ В БИРЮЛЁВЕ

Азербайджанские претензии к России

В октябре 2013 года Азербайджан направил ноту в Министерство иностранных дел РФ в связи с задержанием своего гражданина Орхана Зейналова, подозреваемого в убийстве 25-летнего Егора Щербакова в московском районе Бирюлево.

Посол Азербайджана в Москве Полад Бюль Бюль Оглы (знаменитый в советские годы певец) обвинил российские СМИ в нагнетании истерии: «Это, в общем-то, бытовая драка, бытовое убийство, которое происходит в мегаполисах ежесуточно. Это не редкость. Для полиции это трудовые будни. Вы посмотрите, какую вокруг этого устроили истерию».

По мнению уважаемого г-на посла, спецназовцы из СОБРа задерживали Орхана Зейналова чересчур жестко и нарушили презумпцию невиновности, называя его «преступником» до решения суда. Как говорится на сайте посольства, «могла иметь место некая провокация в интересах третьих сил, заинтересованных вбить клин в азербайджанско-российские отношения». Официальный представитель азербайджанского МИДа Эльман Абдуллаев также зая-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

вил в Баку, что российские СМИ нагнетают обстановку и «раздувают инцидент, произошедший на бытовой почве».

В российском МИДе на это реагировали с удивлением. «Заявления азербайджанского представителя о раздувании в России антиазербайджанской истерии носит надуманный характер и оснований под собой никаких не имеют», — прокомментировал официальный представитель МИД РФ Александр Лукашевич.

Лукашевич также отметил, что в МИД были очень удивлены словами Бюль Бюль Оглы о том, что дело Зейналова носит политический или национальный характер: «Акцент на неких национальных аспектах абсолютно не делался, — подчеркнул Лукашевич. — Поэтому мы исходили и исходим из верховенства закона, во-первых, а, во-вторых, из неотвратимости наказания за совершенное преступление».

По поводу ноты, которую Азербайджан направил в российское внешнеполитическое ведомство, Лукашевич заверил, что предусмотренные международными договоренностями нормы будут обеспечиваться и реализовываться.

Тем временем Руководитель общественно-политическим отделом администрации президента Азербайджана Али Гасанов считает, что «искусственно раздувается создавшаяся ситуация, что служит в многонациональном и многоконфессиональном российском обществе усилению дискриминации, ксенофобии и расизма и открывает дорогу для новых правонарушений». Он назвал «неадекватными» меры, предпринятые правоохранительными органами РФ, а российские СМИ обвинил в «разжигании страстей». «Все это может стать бумерангом и создать условия для нежелательных для российского общества процессов», — сказал высокопоставленный азербайджанский чиновник.

Между тем, с резким заявлением выступила радикальная азербайджанская «Организация освобождения Карабаха» (ООК). ООК заявила, что в РФ проводится «антиазербайджанская кампания», и предупредила, что могут быть приняты «адекватные меры» в отношении русских, проживающих в республике. ООК потребовала, чтобы российские власти компенсировали ущерб, «нанесенный азербайджанцам в результате беспорядков». Кроме того, ООК призвала наказать сотрудников правоохранительных органов, «которые применили насилие в отношении Орхана Зейналова». В заключение она обвинила российских правоохранителей в предвзятости, потребовав в связи с этим экстрадировать Зейналова на родину и судить его там. Авторы заявления советуют не испытывать «терпение азербайджанского народа». Заявление организации направлено в посольство РФ в Азербайджане.

Так что же происходит на самом деле? Задержан гражданин Азербайджана, который 10 лет проживал в России, нигде официально не работая, непонятно чем промышляя, один раз уже отсидел в колонии за совершенное преступление, задержан за немотивированное зверское убийство молодого москвича на глазах его девушки. Преступление вызвало огромный общественный резонанс в российском обществе, возмущенном невероятным валом этнической преступности, буквально захлестнувшей Россию. Азербайджану никто претензий не предъявлял. Но, как выясняется, суровое обращение с убийцей (сознавшимся в совершении преступления и опознанном на очной ставке девушкой погибшего москвича), является великим испытанием для «терпения азербайджанского народа». Такое впечатление, что в России постоянно терпят страдание тысячи невинных и законопослушных граждан Азербайджана, их притесняют во всех сферах жизни, отказывают в правах, подвергают дискриминации. Для тех, кто знает, какой огромный сегмент торговли контролируют выходцы из Азербайджана в нашей стране, какой владеют недвижимостью и различными предприятиями другого прибыльного бизнеса, это звучит как неудачная шутка. Интересно, задумывались ли представители ООК, что произойдет, если истощится терпение русского народа, страдающего от беспредела этнических криминальных группировок?

«Союз нерушимый»...

Разумеется, на требование радикальной организации никто не обязан обращать внимания. Мало ли радикальных организаций в самой России. Но вот реакция официального Баку удивляет не только МИД России. Как, впрочем, и реакция уважаемого г-на посла, которого мы хорошо знаем. Дело в том, что еще совсем недавно, в «мрачную тоталитарную эпоху» позднего СССР Полад Бюль Бюль Оглы вместе с всенародным любимцем Муслимом Магомаевым достойно олицетворял национальную культуру Азербайджанской ССР. Муслим Магомаев и сегодня является легендой советской эстрады. Меньше знали о деятелях науки и изобразительного искусства, таких, как, например, Таир Салахов. Чествовала вся страна в те годы труд бакинских нефтяников. Говорят, Баку был не только одним из самых красивых, но и гостеприимных городов, где дружно жили азербайджанцы, русские, армяне, греки, евреи. Одно время огромной популярностью пользовалась команда КВН г. Баку во главе с капитаном Гусманом. Не хочу сказать о том, что все было идеаль-

но в межнациональных отношениях в то время, но, во всяком случае, говорить о какой-то антипатии к азербайджанцам не приходилось. Даже на уровне персонажей беззлобных анекдотов в советское время из кавказцев присутствовали только соперничающие друг с другом армяне и грузины. Никому и в голову бы не пришло в то время говорить о какой-то «анти-азербайджанской истерии». Что же произошло за эти годы?

Не будем вспоминать развал Советского Союза, кровопролитную войну в Нагорном Карабахе и Сумгаит, армянские погромы в недавно мирном и процветающем и действительно многонациональном красавце Баку. Распад СССР сопровождался разгулом националистов, множеством трагедий, и судьба русских в некоторых других республиках оказалась гораздо трагичнее.

Понятно, что российские правозащитники, привычно заголосят об «извечной русской ксенофобии». Но позволю себе вспомнить лишь несколько событий, омрачивших российско-азербайджанские отношения за постсоветские годы.

О том, что большинство рынков в столице России принадлежат азербайджанцам или контролируются ими, широко известно. Хорошо известно москвичам и то, что высокие цены не только на южные овощи и фрукты, но и на подмосковную, тульскую и орловскую картошку на рынках поддерживаются искусственно. Вряд ли это способствует росту симпатии москвичей к гостям столицы из теплого южного государства. Можно было бы списать слишком заметную роль в московской торговле на замечательные способности и опыт азербайджанцев в коммерческих делах. Не станем вспоминать и миллиардера Тельмана Исмаилова, заработавшего на печально известном «Черкизоне» колоссальное состояние. При этом государство несло не менее колоссальные потери. Все это — издержки построения «рыночной экономики». С этим русские, предположим, готовы смириться.

Но вот сложно смириться с тем, что представители Азербайджана все чаще режут молодых москвичей. Вероятно, уважаемый г-н посол не знаком с криминальной хроникой. Не буду приводить всю статистику. Вспомню лишь некоторые факты.

Очередное «бытовое» убийство...

21 декабря 2012. Сотрудники московской полиции задержали гражданина Азербайджана Эльвина Абдуллаева, который в столичном метрополитене нанес смертельные ножевые ранения 25-летнему мужчине. На станции «Перспект

Мира» между Эльвином Абдуллаевым и Олегом Шугуровым возник конфликт. После чего гражданин Азербайджана на глазах свидетелей «нанес ему не менее четырех ножевых ранений в область груди и головы» и попытался скрыться с места происшествия, но был задержан сотрудниками полиции. Днем ранее в столичной подземке от нанесенных ножом ран скончался 28-летний Андрей Клочков. очевидцы говорят, что Андрей вступился за старика, которого кавказцы оскорбляли.

Эльвин Абдуллаев утверждал, что защищался. Андрей Клочков был убит двумя представителями Кавказа. Их задержать не удалось, но можно не сомневаться, если бы были задержаны, то стали бы доказывать, что нанесли москвичу двенадцать (!) ударов ножом, защищаясь, в порядке самообороны. Как и Орхан Зейналов, на которого, по его словам, напали ни с того ни с сего, и стали избивать Ксения Попова и Егор Щербаков.

Нельзя не вспомнить о том, как чуть не прервалась спортивная карьера выдающегося российского спортсмена, четырехкратного чемпиона Олимпийских игр Александра Попова. Заступившись за свою девушку, олимпийский чемпион едва не поплатился жизнью. 24 августа 1996 года Александр Попов вместе с другом Леонидом провожали к метро своих девушек. Торговцы арбузами стали отпускать в адрес девушек оскорбительные замечания. В завязавшейся драке торговцы-азербайджанцы, несмотря на явный численный перевес, пустили в ход ножи и камни. Александр получил удар ножом со спины в левый бок, на который сразу не обратил внимания, пока не началось сильное кровотечение. Девушки сумели остановить машину и довести раненного до больницы. Врачи диагностировали, что нож прошёл на 15 сантиметров вглубь, задел левую почку, пробил диафрагму, зацепил лёгкое. Тренированность организма Попова не позволила случиться серьёзным осложнениям. Через день после выхода из больницы Александр крестился.

В то время никто не стал подчеркивать, что олимпийский чемпион, гордость российского спорта едва не погиб от руки выходцев из Азербайджана. Но за эти годы количество подобных преступлений постепенно стало переходить в иное качество. Конечно, и жители русских городов совершают подобные преступления. Но невозможно спорить, что поведение «гостей» столицы и преступления, совершенные южанами, за последние годы все чаще бросаются в глаза. Бессмысленно повторять как мантру заклинание — «у преступности нет национальности».

Еще один из красноречивых фактов в истории межнациональных отношений — события в поселке Харагун Читинской области. Единственным источником существования поселка являются лесозаготовки. Как известно, лес — дело прибыльное, и именно это обстоятельство привлекло в этот далекий край гостей из солнечного Азербайджана. Очень скоро в поселке поселилось пятьдесят азербайджанских семей и большинство из них не стали обременять себя оформлением регистрации. В отличие от тех местных жителей, которые в основной своей массе работали на официально выделенных им участках, азербайджанцы вырубали лес абсолютно незаконно. Официально зарегистрированный участок был лишь у одного — остальные же воровали лес, прикрываясь его документами.

Когда количество мигрантов увеличилось, их поведение резко изменилось. Возмущенные тем, что приезжие хищнически рубят их родной лес, жители пытались призвать гостей к порядку. Но им отвечали, что жить здесь азербайджанцы будут до тех пор, пока «не срубят последнее дерево». Одновременно с появлением кавказской диаспоры в Харагуне стали распространяться наркотики, хотя раньше об этой беде харагунцы не знали. Развернулась и торговля спиртом.

Столкновения между жителями поселка и азербайджанцами случались очень часто. Но сначала харагунцы пытались решить проблему законными средствами, обращаясь во властные и правоохранительные структуры. В самые разные учреждения и самым разным лицам отправлялись обращения, публиковались открытые письма. Одно из них было опубликовано в газете «Забайкальский рабочий» от 15 сентября 2005 г.: *«В настоящее время рядом с нами их проживает человек 150—200, и каждый месяц еще появляется человек десять... Мы боимся за жизнь своих детей и внуков... Мы обращались и к местной власти, и в милицию, но там нам сказали, что выселить их может лишь миграционная служба. Но, наверное, пока не грянет гром, как у нас обычно бывает, ничего не произойдет... Мы просим принять срочные меры к гражданам Азербайджана, которые проживают у нас в селе, пока не случилась трагедия. Они угрожают нашим жизням и жизням наших детей и внуков».* Под этим обращением было 108 подписей. Милицейское начальство в ответ заявило, что оно «держит» ситуацию в Харагуне на особом контроле.

Прошло девять месяцев. 15 мая 2006 г. в зале игровых автоматов в Харагуне вспыхнула действительно бытовая ссо-

ра. Местный парень заступился за продавщицу, которую оскорбляли гости из солнечного Азербайджана. В драке победили харагунцы. Возмущенные «гости» забили «стрелку» и вызвали на усмирение Харагуна свою «крышу» из Читы. Пообещав, что когда приедет бандитская «крыша», вооруженная автоматами, то всех непокорных харагунцев «положит». Однако харагунцы не испугались. К 23 часам почти все мужское население деревни, с 14 до 50 лет, было вооружено и ожидало «карателей». Узнав об этом, приехавшая «крыша» быстро ретировалась. А жители деревни, вспомнив все унижения и оскорбления, перенесенные ими за последние несколько лет, двинулись к домам азербайджанцев, поджигая или переворачивая их автомобили. Тех кавказцев, которых удавалось поймать, избивали, однако женщин и детей не трогали. Один из мигрантов впоследствии скончался от полученных побоев. Примечательно и то, что били не всех подряд азербайджанцев. Тех из них, кто был известен своей порядочностью, не трогали. Показательно, что азербайджанец — владелец местного магазина не пострадал, и сам его магазин никто не тронул.

После погрома все азербайджанцы, за исключением одного, женатого на русской, поселок покинули. Прибыл ОМОН, а в местных СМИ стали активно распространять версию о «пьяной драке» и грабежах. Тогда же стали собираться сельские сходы, которые шли в течение недели после погрома. Власти стали обвинять харагунцев в «несанкционированных митингах». Хотя «несанкционированный митинг» в лесной деревне — сильно звучит. 20 мая очередной сход принял резолюцию, потребовав от властей задержать истинных зачинщиков. Сельчане потребовали найти и вывести из леса азербайджанцев и не выводить ОМОН из села, пока не будут выселены все азербайджанцы. Кроме того, жители Харагуна потребовали закрыть спиртные точки и игровые автоматы, усилить охрану школ, детсада и больницы, запретить отпуск винно-водочных изделий несовершеннолетним. Вроде бы законные требования к власти, обязанной поддерживать порядок и бороться с преступностью. Но власти, разумеется, «ради борьбы с ксенофобией и утверждения толерантности» поспешили арестовать около 25 человек харагунцев, обвинив их в хулиганских действиях и массовых беспорядках. Дальневосточникам пришлось вести серьезную борьбу, чтобы люди, восставшие против криминального беспредела на своей родной земле, были оправданы.

После Харагуна была Сагра, которую замолчать не удалось. Во время событий в Сагре, когда банда из 60 предста-

вителей северокавказских и закавказских республик отправилась «усмирять» уральское село. Простые русские мужики, понимая, что на полицию надеяться не приходится, защищая своих жен и детей, сами дали отпор бандитам. Несмотря на огромное численное превосходство, им удалось разогнать вооруженных «карателей». Но погиб в этой «битве при Сагре» также этнический азербайджанец — 28-летний уроженец Грузии азербайджанской национальности Фаиг Мусаев.

«Черные ястребы» в московском метро

6 мая 2008 года в московском метро ранили ножами школьника Павла Новицкого и студента Федора Маркова. Группа парней-кавказцев на перегоне между станциями «Киевская» и «Парк Победы» с криками «аллах акбар!» и «русские свиньи» избили ребят, расстреляли из травматики и пытались зарезать. Особенно работать над доказательством их вины не пришлось. Всю сцену избиения нападавшие снимали на камеру мобильного. Сначала кадры появились в интернете как доказательство «доблести», а затем — и в уголовном деле. Как главная улика.

Маркову восемь раз выстрели в голову из травматического пистолета. Одна из пуль так и осталась в правом виске. Но этого показалось мало и со словами «он еще жив, его надо добить!», ударили в грудь ножом — лезвие всего пару сантиметров не дошло до сердца. Когда поезд подъезжал к станции «Парк Победы», пырнули ножом и Павла. Потом бесчинствующая стая вывалила из вагона, и один из стаи, Рашад Мамедов, бегал по платформе с пистолетом, пугая людей.

Кто-то из пассажиров связался с машинистом. Сотрудники милиции попытались задержать хулиганов, но удалось поймать лишь одного из них — Дильгама Гусейнова. Через Гусейнова вышли на еще шестерых участников побоища — Гранта Арутюнова, Чингиза Арифуллина, Рашада Мамедова, Шахина Худиева, Ага Рагима Сыдыхова и Расула Халилова.

Кто же они, эти «черные ястребы»? Гусейнов — гражданин Азербайджана. Хуциев, Сыдыхов и Мамедов — тоже азербайджанцы, но в Москве обосновались давно и уже получили российское гражданство. Арутюнов, Арифуллин и Халилов — москвичи. Еще свыше десятка человек, участвовавших в избиении, проходили как «неустановленные лица».

Интересно, что большая часть преступников — студенты-юристы: двое из них (Худиев и Арифуллин) учились в колледже Международного юридического института при

Минюсте, а еще двое (Халилов и Мамедов) являлись студентами Международного юридического института при Министерстве юстиции. Остальные трое подсудимых учились в других вузах. Гусейнов — в Национальном институте бизнеса, Арутюнов — в Академии народного хозяйства при правительстве России, а Садыхов — в Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова. Нетрудно предположить, какое правосудие могли бы вершить в России эти будущие работники юстиции!..

Но и сегодня в России правосудие действует весьма избирательно. Несмотря на то, что одного из потерпевших ударили ножом в сердце, так что он чудом выжил, «покушение на убийство» в деле не фигурировало. Не упоминался и мотив национальной ненависти. Вопли «аллах акбар!» и «режь русских» не стали поводом для этого. Не было ни слова об «организации экстремистского сообщества». Одного из нападавших судили за «нанесение телесных повреждений», прочих — за... «хулиганство». «Никакой национальной подоплеки в этом деле нет, — решительно заявлял адвокат Дильгама Гусейнова Андрей Воинов. — Это обычная мальчишеская драка, спонтанная, нелогичная и жестокая». Дело пытались явно спустить на тормозах. Но после того, как отпущенного под подписку о невыезде Халилова застрелили около дома, суд решил, по-видимому, спасти остальных «черных ястребов» от самосуда, все-таки упрятав за решетки. Под давлением общественности все же суд сумел разглядеть «хулиганство по мотивам национальной ненависти».

Ради справедливости необходимо заметить, что ненависть к русским жителям Москвы сумела в одной банде соединить армянина с азербайджанцами... Действия «черных ястребов» больше напоминают террор против местного населения, чем обычное хулиганство.

Поэтому нелишне будет задаться вопросом: неужели это российские СМИ «разжигают истерию и антиазербайджанские настроения»? Хотелось бы поинтересоваться, были ли в Азербайджане истории, подобные волнениям в Харагуне? Возможно, действовали в Баку организации русской молодежи наподобие «черных ястребов»? И ездят ли русские бандиты «на гастроли» в Баку, а если ездят, то в каких микрорайонах Баку люди жалуются, что из-за приезжих из России боятся вечером ходить по улицам?

Сафаров — национальный герой?

Хотелось бы задать вопрос послу Азербайджана: как он оценивает некоторые действия властей его родной страны в

отношении преступлений, совершенных гражданами республики на чужой территории? Это особенно любопытно в свете требований Организации Освобождения Карабаха экстрадировать Зейналова в Азербайджан.

В 2004 году находясь в Будапеште в рамках программы НАТО на курсах по обучению английскому языку, офицер армии Азербайджана Равиль Сафаров с особой жестокостью убил своего коллегу — армянина. На допросе преступник сознался, что ненавидит армян, т.к. родом из Нагорного Карабаха. Ненависть Сафрова вызывало то, что два армянских офицера здоровались с ним, хотя он им не отвечал. В последний раз армяне, поздоровавшись с Сафаровым улыбнулись, что переполнило его чашу терпения. Купив топор, он решил отрубить им головы. Время выбрал предутреннее, чтобы сон был крепче. Зарубить Сафаров успел одного Гургена Маркаряна. Судом Рамиль Сафаров был признан вменяемым и осужден на отбывание пожизненного заключения в венгерской тюрьме с правом подачи прошения о помиловании только спустя 30 лет. Экспертиза признала Р. Сафарова вменяемым, асоциальным, а также установила, что в силу наличия у преступника взглядов расистского характера возможно повторное преступление в его исполнении. При этом следствие установило, что никаких конфликтов между армянскими офицерами и Сафаровым до совершенного преступления не было.

Но в 2012 году отсидев вместо 30 лет тюрьмы всего восемь, Сафаров был экстрадирован на родину. В Баку его встречали как национального героя: в аэропорту убийцу встретили представители министерств обороны и юстиции, чтобы тут же зачитать ему решение президента Ильхама Алиева о его помиловании. Кроме того, ему было присвоено звание майора, вручены ключи от подаренной государством квартиры, а также вся офицерская зарплата, накопившаяся за годы тюремного заключения в Венгрии. Более того, омбудсмен Азербайджана Эльмира Сулейманова назвала его «примером для молодежи» и национальным героем.

Передача Венгрией Сафарова в Азербайджан вызвала возмущение не только в Армении. С осуждающими заявлениями выступил МИД России, Европейский союз выразил обеспокоенность теми возможными последствиями, которые сложившаяся ситуация может иметь для региона Южного Кавказа в целом. Генеральный секретарь НАТО Андерс Фог Расмуссен выразил глубокую обеспокоенность помилованием Сафарова. Сопредседатели Минской группы ОБСЕ по урегулированию карабахского конфликта заявили, что поми-

лование азербайджанскими властями Сафарова нанесло ущерб мирному процессу и доверию между Баку и Ереваном.

Власти Венгрии ранее заявили, что решение об экстрадиции Сафарова было принято в обмен на четкие гарантии того, что на родине осужденный продолжит отбывать тюремный срок. Но многие армянские СМИ утверждали, что передача Сафарова состоялась после того, как Азербайджан приобрел у Венгрии правительственные облигации стоимостью в 3 млрд. евро, что фактически может означать выкуп Азербайджаном своего офицера.

Надо заметить, что далеко не все в Азербайджане были согласны с чествованием Сафарова и возвеличиванием его как героя. Были слышны голоса и тех, кто утверждал, что Сафаров совершил преступление, переступил границы чести и достоинства офицера, зарубив топором во сне спящего человека. Говорили о том, что возвеличивание преступника, нарушившего элементарные принципы военной этики, является прямым оскорблением памяти азербайджанцев, погибших в карабахской войне, и наносит огромный вред имиджу Азербайджана. Мне трудно представить, что уважаемый Полад Бюль Бюль Оглы придерживается иной точки зрения.

Но, согласитесь, на фоне такого отношения к убийце Сафарову странно слышать упреки в нарушении юридических норм при аресте Зейналова. Вероятно, более уместно сегодня было бы услышать сожаление о том, что из Азербайджана на территорию России приезжают такие личности, как и Зейналов, а также соболезование семье погибшего Егора Щербакова.

Такая «консерватория», г-н посол...

По официальным данным, Республика Азербайджан в настоящее время входит в число лидеров трудовой миграции в Россию. По приблизительной оценке в России проживают от 3 до 3,5 млн. граждан Азербайджана. Более точные цифры назвать трудно, поскольку значительная часть мигрантов не учитывается ни азербайджанской, ни российской статистикой. Основной поток их идет в Москву и Московскую область, где проживают от 1 до 1,5 млн. азербайджанцев. От 200 до 300 тысяч проживают в Санкт-Петербурге и его окрестностях. А остальная часть распределена практически по всей территории России, включая Дальний Восток. Трудовая миграция из Азербайджана смягчает проблему безработицы в республике. Финансовые переводы от азербайджанцев, работающих за рубежом, являются важнейшим фактором, вли-

яющим на жизненный уровень населения закавказской республики. Но специалисты утверждают, что отток огромных сумм валюты из России в Азербайджан (как, впрочем, и в другие республики ближнего зарубежья) наносит значительный ущерб самой России. Казалось бы, азербайджанцы должны ценить спокойствие и стабильность в стране, которая дает им возможность зарабатывать неплохие деньги.

Но можно вспомнить, что представители азербайджанской диаспоры в Москве однажды умудрились организовать в гостеприимной Москве массовые беспорядки. В мае 2002 года на рынке у «Лужников» какой-то азербайджанский торговец погиб в разборке с себе подобными, но «не кавказцами», более двух тысяч возмущенных азербайджанцев с гробом погибшего двинулись по Комсомольскому проспекту на штурм мэрии, по пути чиня различного рода беспорядки. Правда, завидев бегущий навстречу ОМОН, толпа рассеялась с завидной скоростью. Посольство Азербайджана и руководство общины тут же заявили свой официальный протест. Хотя представим, что бы сказал уважаемый посол, если бы десятки тысячи москвичей с гробом Егора Щеголева пошли по улицам Москвы.

Не собираюсь утверждать, что преступления выходцев из Азербайджана составляют самую значительную часть в преступлениях, совершенных представителями ближнего зарубежья или северокавказских республик. Но для криминалистов не секрет активная деятельность азербайджанских ОПГ в России и Москве. Как, кстати, ОПГ грузинских и армянских.

Разумеется, основная часть вины за то, что происходит в России, лежит не на выходцах из ближнего зарубежья, а на собственных коррумпированных чиновниках и силовиках. Весьма своеобразные формы «рыночных отношений» в нашей стране сумели наладить г-да реформаторы за прежние десятилетия.

Но, представим, что может произойти, если в России, наконец, начнется подлинная борьба с криминалом, а московское правительство решит навести порядок на городских рынках. Возможно, что наступление на этнические ОПГ некоторые страны ближнего зарубежья воспримут как ущемление своих национальных интересов.

Россию постоянно упрекали в имперской политике. Но имперская политика в Британской империи заключалась в выкачивании прибыли из колоний. Деньги, заработанные предприимчивыми колонизаторами в колониях, уходили в метрополию. Сегодня огромные средства, заработанные азер-

байджанцами, уплывают из России в Закавказье. Похоже, многие азербайджанцы стали считать Россию своей колонией, из которой имеют законное право выкачивать добычу. Это становится больше похоже не на братскую помощь России в трудоустройстве граждан бывшей советской республики, а на колонизацию «гостями» российских пространств. Гости и друзья себя так не ведут.

Поведение этнического криминала уже давно представляет угрозу не только стабильности России, но стало угрозой существования самого Российского государства. Уверен, что большинство жителей Азербайджана порядочные и доброжелательные люди, ни в коем случае не желают зла России, помнят опыт спокойной совместной жизни в СССР, добрые отношения между народами. И потому не хотелось бы, чтобы криминальные сообщества и отморожки-убийцы определяли отношения между нашими странами. Вместо нот протеста в защиту прав убийцы, вероятно, руководству Азербайджана стоит озаботиться качеством контингента, представляющего республику на просторах России. Невозможно не признать, что существуют влиятельные силы, которые хотели бы поссорить наши страны. Россия этого явно не желает. Думаю, и Азербайджан тоже. Но слишком нелогичное поведение официального Баку в ситуации с Зейналовым заставляет думать о том, что именно на Азербайджан оказывает давление некая третья сторона. И весьма могущественная.

А г-ну послу Поладу Бюль Бюль Оглы, любимому мноими в СССР певцу, хотел бы напомнить миниатюру Жванецкого, популярную в брежневское время. Как бывший советский человек с консерваторским образованием г-н посол должен ее помнить:

«Консерватория, аспирантура, мошенничество, афера, суд, Сибирь.

Консерватория, частные уроки, еще одни частные уроки, зубные протезы, золото, мебель, суд, Сибирь.

Консерватория, концертмейстерство, торговый техникум, зав. производством, икра, крабы, валюта, золото, суд, Сибирь.

Может, что-то в консерватории подправить?»

Или, может быть, в азербайджанской диаспоре что-то подправить, чтобы отношения между странами не омрачать?

Способна ли власть искоренить этнические банды?

Реакция Азербайджана на задержание циничного преступника Орхана Зейналова заставляет более пристально взгля-

нуть на события в Бирюлеве и серьезно задуматься над некоторыми вопросами. Эта реакция, мягко говоря, не совсем адекватна сложившейся ситуации. Суровое обращение при задержании преступника, совершившего немотивированное зверское убийство молодого москвича, народное возмущение жителей микрорайона, уставших от разгула этнической преступности, хамства и вызывающего поведения всех «гостей с юга» (заметим, не только из солнечного Азербайджана), в закавказской республике почему-то называют «раздуванием антиазербайджанской истерии». Высокопоставленные чиновники угрожают России «эффектом бумеранга», а радикальные организации запугивают «ответными мерами против русского населения Азербайджана» и требуют «не испытывать терпение азербайджанского народа».

Неужели задержание азербайджанского отморозка-убийцы и закрытие московскими властями по требованию местных жителей овощной базы, которая стала рассадником криминала и умудрялась существовать, нарушая все нормы российского законодательства, — это политика, направленная против интересов Азербайджана и азербайджанского народа, который за последние годы в количестве нескольких миллионов дружно переместился на территорию России? И, надо сказать, большинство из этих граждан сопредельного независимого государства до последнего времени очень неплохо себя чувствовали в гостях.

Если и раньше за преступников всегда дружно заступались представители различных диаспор, используя все свое влияние, а попросту говоря, выкупая своих единоплеменников (что и привело к событиям на Манежной), то теперь мы видим, как одной из диаспор удалось подключить и государственные структуры своей республики. Подобное развитие событий вокруг убийства в Бирюлеве Егора Щербакова наводит на серьезные размышления о ближайшем будущем России.

Ситуация с неуклонным ростом преступлений мигрантов против коренного населения уже напоминает не обычную криминальную хронику, а сводки с фронта необъявленной войны. Все, что происходит сегодня, больше похоже на развязанный против русских террор этнических банд. И невозможно определить, чем руководствовались эти преступники, убивая, грабя или насилуя местных жителей — своими звериными инстинктами, психическими отклонениями или же откликнулись на призывы к джихаду против России, которые уже открыто звучат у стен мечетей в Москве и Петербурге. Повторяю, убийство русских мигрантами должно рас-

следоваться как акт террора против местного населения, а не подверстываться под разряд «бытовых», как было принято в последние годы. Преступление в Бирюлеве показывает, что подобные немотивированные убийства, совершенные выродками вроде Зейналова, могут взорвать ситуацию и привести к массовым волнениям в стране. Этнические криминальные ОПГ сегодня должны рассматриваться как часть организованного террористического подполья, и к ним должны применяться самые жесткие меры. В ситуации, когда из Сирии в Россию готовится переброска тысяч «джихадистов», подготовленных в диверсионно-разведывательных центрах и получивших опыт боев в городских условиях с сирийской армией, этнические ОПГ должны быть ликвидированы и обезврежены в кратчайшие сроки. Вспомним, что в годы Великой Отечественной к бандам уголовников, убивавших и грабивших населения в тылу, применялись точно такие же суровые меры, как и к заброшенным диверсантам. Точно так же коррумпированные чиновники и силовики, связанные с этническим криминалом, должны проходить не по уголовным статьям, а по статье за измену Родине.

Представители диаспор из стран ближнего зарубежья и северокавказских республик должны убедиться, что порядок в стране будут наводить жестко и попытки выгородить преступников могут быть чреваты не только осложнениями в бизнесе и финансовыми потерями.

Пример Бирюлева показал, что продуктовые и овощные базы, рынки, торговые центры, которые контролируются этническими ОПГ, стали представлять повышенную угрозу не только как средоточие криминала и нелегальной эмиграции, но могут быть опорными пунктами для бандподполья. Вспомним, где и как сосредотачивалось оружие и боеприпасы перед терактами на Дубровке, в Беслане, в Буденновске. Любые территории, занятые обширными подсобными помещениями и населенные сотнями нелегалов, — места, откуда исходит повышенная опасность.

Реакция Азербайджана и азербайджанской диаспоры на задержание Зейналова, совершившего зверское убийство в Москве, наглядно продемонстрировала несколько фактов. Азербайджанская диаспора считает Россию местом, где можно выстраивать бизнес, получать сверхприбыли незаконными средствами, используя коррумпированность российских чиновников и представителей силовых ведомств. Взяв под свой контроль огромные сегменты торговли и сферы услуг в Москве, представители азербайджанской диаспоры считают такое положение вполне законным и готовы его активно

отстаивать, используя свое лобби в коридорах власти и купленных СМИ. Сегодня, когда России приходится отвечать на очень серьезные вызовы, терпеть это больше невозможно. Контроль иностранных граждан над огромными сегментами продуктового рынка российских городов, и прежде всего столицы, не только наносит ущерб экономике страны, но и угрожает безопасности России.

Отношения между Россией и Азербайджаном в последние годы были довольно стабильными и ровными. Не меньше 3,5 млн. выходцев из Азербайджана зарабатывают неплохие деньги в России, обеспечивая регулярный приток значительных валютных средств в закавказскую республику. Как уже говорилось, представители азербайджанской диаспоры контролируют в России огромные сегменты торговли и сферы услуг, владеют прибыльным бизнесом, недвижимостью. Можно утверждать, что при поддержке коррумпированных чиновников во время построения в России либеральной модели рыночной демократии азербайджанцам был создан режим наибольшего благоприятствования. Как, впрочем, и другим представителям ближнего зарубежья. И потому сложно объяснить шумную реакцию не только радикальных организаций, но и официального Баку на жесткое задержание опасного преступника, совершившего зверское убийство в Москве.

Следовательно, можно предположить, что азербайджанские власти ведут себя так под давлением могущественной третьей стороны, которая заинтересована в осложнении отношений между Россией и сопредельными странами. В свете визита в страну принца Саудовской Аравии, пытавшегося купить у России отказ от поддержки Сирии, недавних провокаций в Арктике, скандалов с избиением российского дипломата в Голландии, поведение властей Азербайджана можно воспринимать как участие в развернувшейся антироссийской кампании.

Миллионы мигрантов, прежде всего нелегальных, но и легальных, в таком количестве — серьезнейшая угроза безопасности государства. Интересы бизнеса, получающего сверхприбыли от массового завоза гастарбайтеров, полностью противоречат интересам не только коренного населения, но и угрожают самому существованию независимого Российского государства.

Заключения о «толерантности» и «нарушении прав человека» необходимо оставить т.н. «правозащитникам» из различных НПО, работающим под контролем и на деньги геополитических противников России. Необходимо принимать

самые решительные, жесткие и энергичные меры для исправления ситуации, не оглядываясь на различные рекомендации Евросоюза и пр. подобных «друзей» нашей страны.

Поведение Азербайджана и азербайджанской диаспоры показывает, что любые преференции гражданам новых государств, возникших на территории бывшего СССР, не приводят к добру. Поведение Азербайджана убеждает нас, что Россию видят в качестве «дойной коровы», на территории которой можно прежде всего зарабатывать деньги за счет ее богатых ресурсов, не считаясь с интересами местного населения. Фактически Россия сегодня выглядит как богатая ресурсами колония, в которой предприимчивые азербайджанцы зарабатывают деньги и отправляют их в метрополию — Азербайджан. Не разделяя граждан России по национальному признаку, мы должны с сожалением заметить, что многие азербайджанцы, проживающие в России и даже получившие российское гражданство, сегодня продемонстрировали, что интересы своего бизнеса и своей диаспоры для них в этой ситуации оказались выше, чем интересы России.

Очевидно, что межнациональная напряженность создает наилучшие условия для тех сил, которые стремятся к смене власти в России. На волне народного возмущения засильем этнического криминала и массовым наплывом мигрантов очень легко спровоцировать серьезные волнения и беспорядки, а по возможности устроить очередную «народную» революцию. Все, кто способствует созданию этой «революционной ситуации», должны рассматриваться как враги российской государственности, возможности их деятельности должны быть ограничены. Будь то деятельность чиновников, представителей бизнеса или медиа-сообщества.

Представителям различных диаспор, в том числе и многочисленной азербайджанской, пора понять, что они находятся в гостях на территории исторического Русского государства, созданного русскими и другими братскими народами, государства, которое, прежде всего русские, совместно с другими коренными народами обустроивали и защищали на протяжении веков от вражеских нашествий.

Мы постоянно слышим сентиментальные рассуждения о том, что мигранты — это же «наши бывшие соотечественники». Но слишком часто ностальгия людей по Советскому Союзу используется в корыстных интересах российскими коррумпированными чиновниками и бизнесменами, а также чиновниками из бывших советских республик. При этом правительства многих государств на постсоветском пространстве открыто шантажирует Россию, угрожая своим

сближением с США. Но если сильная и стабильная Россия прагматично, без всяких сантиментов станет жестко отстаивать прежде всего свои национальные интересы, то это только вызовет уважение у соседей. К такой России скорее потянутся, с мощным Российским государством захотят дружить. К тому же основная часть нынешних трудовых мигрантов родилась после распада СССР, не имеет опыта совместной жизни в едином государстве, оторвана от единого культурного поля, существовавшего в Советском Союзе, и относится к России откровенно потребительски.

Россия, где проживает больше 80 процентов русских, по всем международным нормам — мононациональное государство, т.е. государство русского народа. Сегодня же историческую Россию желают превратить в общий дом, гигантское общежитие для жителей всех стран СНГ.

И когда русские люди и представители других коренных народов чувствуют себя не просто ущемленными, но беззащитными перед нашествием иноплемеников, когда рост этнической преступности больше напоминает целенаправленный террор против местного населения — в таких условиях никакое государство существовать не сможет. Это чревато масштабной гражданской войной. Если же потоком мигрантов будет постепенно размыто единое культурное ядро российского народа, то неизбежно начнется и деградация государства во всех сферах. И в том, и в другом случае существует угроза не только исторической Российской государственности, но и существованию самого русского народа.

То, что не удавалось на протяжении веков совершить вторжением иноземных полчищ, может произойти в результате «мирного нашествия иноплеменных». Поэтому все разговоры о необходимости для России принять еще 25—30 млн. мигрантов, якобы вызванных потребностями экономики, должны рассматриваться как бред не вполне вменяемых людей или как сознательная деятельность по подрыву российской государственности. Когда мы слышим о том, что Россия должна ежегодно принимать 2—3 млн. мигрантов, то надо четко понимать, что эти зарубежные и доморожденные «эксперты» озабочены не решением экономических проблем нашей страны. Они решают стратегическую задачу — замещения русского населения на территории России иными этносами. Вот такое изящное окончательное решение «русского вопроса».

Самая главная задача государственной власти сегодня — заслужить доверие собственного народа. Это возможно только в случае решения самых больших вопросов — очищение стра-

ны от этнической преступности и наведение порядка с мигрантами, как нелегальными, так и легальными. С собственными преступниками также постепенно разберемся, но нашествие криминальных элементов со всего ближнего зарубежья должно быть остановлено немедленно. Русские люди должны чувствовать, что являются хозяевами своих улиц, районов, поселков, городов, настоящими хозяевами своей родной страны. Народ должен почувствовать, что власть защищает его интересы, а не навязывает идеи некой «мультикультурности» и пресловутой «толерантности». Но для этого власти необходимо предпринять решительные шаги: перестать оглядываться на своих и зарубежных «столпов демократии» и, наконец, осмелиться во всеулышание признать, что Россия это историческое государство русского народа и других братских коренных народов, связанных с русскими общей историей. Объявить русский народ государствообразующим народом. Необходимо решительно и бесповоротно порвать с откровенно русофобской политикой прежних лет и строить страну, опираясь на традиционные ценности Русской цивилизации.

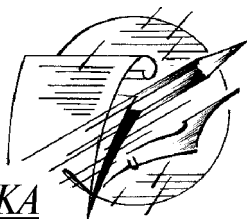
Если русские почувствуют доверие к власти и вновь осознают себя подлинными хозяевами в родной стране, то многие тяжелейшие проблемы будут преодолены, а сложные вопросы государственного строительства будут решены за короткое время.

РОССИЯ — ГЕТТО НАЦИОНАЛЬНОГО «БОЛЬШИНСТВА»?

8 ноября 2013 года в Москве прошла Международная научно-практическая конференция на тему «Единство в различиях: мировой опыт в сфере регулирования межэтнических и межконфессиональных отношений». Организатор конференции — московский Департамент межрегионального сотрудничества, национальной политики и связей с религиозными организациями.

Конференция стала реакцией на изменения в Стратегии государственной национальной политики РФ на период до 2025 года, связанные с принятием президентом РФ Федерального закона от 22 октября 2013 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения полномочий и ответственности органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц в сфере межнациональных отношений».

А это значит, что теперь предусмотрено наказание руководителей вплоть до лишения поста за возникновение межнационального конфликта. Таким образом, местные власти превращаются в за-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ложников ошибочных решений Федерального центра. Подобные изменения в законодательстве являются не чем иным, как попыткой власти сложить с себя ответственность за последствия всё ужесточающейся проамериканской политики.

Программный офис для России от мировой толерантности

В день конференции зал EVENT-ХОЛЛ просто ломился от жаждущих разрешения животрепещущего межнационального коллапса. Со всех сторон звучала оживленная речь, еще ничего не началось, а дискуссия уже шла. Говорили на русском, английском, немецком, арабском. Чтобы рассадить всё прибывающих участников, устроители добывали откуда только возможно дополнительные стулья.

Ажиотаж вполне понятен — это же национальная политика! Общественность в ожидании перемен. Всем хочется знать: куда же «дует ветер» в России? Вот в зал вошел раввин в роскошной долгополой шляпе, за ним появляется мусульманский имам в белоснежном, похожем на кремовое пирожное, тюрбане. На первом ряду сидит архиепископ Егорьевский Марк — человек, сделавший для русской Церкви так много доброго.

Большими светящимися буквами на сцене обозначено название конференции: «Единство в различиях». Чтобы не терять времени напрасно и что-то заранее почитать о мероприятии, набираю название в Яндекс-поисковике: «Единство в различиях»... «Какая-то бессмыслица», — мелькнуло у меня в голове, в то время как Яндекс уже открыл список страниц с этим словосочетанием. Первой среди рейтинговых строк роковым образом обозначилась почему-то строка со странным названием: «Общемасонский форум: единство в различии...». «Фу ты... и сюда эта ерунда влезла», — возмутилась я, и конференция началась.

«Москва стоит на пороге серьезных изменений в подходах к выравниванию межэтнических балансов и гармонизации отношений в многонациональном мегаполисе, — сообщил во вступительном слове Руководитель Департамента межрегионального сотрудничества Юрий Артюх. — Легальная и нелегальная трудовая миграция во всех экономически развитых городах и регионах — это плата за комфорт и прогресс, но она вызывает серьезный клубок проблем экономического и социального характера. Мы не ждем универсального чудо-рецепта, но учиться на чужом опыте гораздо правильней, чем на своем собственном. Инструментарий межэтнического и межконфессионального регулирования обширен и достаточно универсален в применении. Мы выслушаем широчайший

спектр авторитетных мнений, и в принятии решений будем ориентироваться и на эти советы, и на реалии нашей жизни».

Готовый слушать «авторитетные мнения» зал напряженно молчал. Меня же этот «универсализм» и эта однобокая «ориентация», признаться, сразу же заставили как-то напрячься, запахло чем-то не очень приятным.

И вот появился он — главный толераст почтенного собрания, первое слово ему! Директор департамента национальных меньшинств генерального Секретариата Совета Европы — господин Кожемяков. Две весёлые женщины, сидящие за моей спиной (да благословит их Господь), отмочили первый комментарий: «Ну, этот с потрохами Россию сдаст». Выступающий хорошо понимал, что в зале собрался народ грамотный и его, прямо скажем, не очень-то любящий, оттого речь докладчика была настолько толератична, что в какой-то момент господина генерального секретаря стало даже жалко, — так беспомощно он выглядел в своем лицемерии. Словно уж на раскаленной сковороде, он всеми силами изворачивался, чтобы говорить, но чтобы всё больше бы да ни о чем. Словосочетания типа «степень толерантности», «интеграция меньшинств», «регулирование этнодемографии» господин Кожемяков произносил и вовсе почти что шепотом, спрятав, по его же собственному выражению, «шляпу Совета Европы под стол». И можно было бы даже пожалеть его, мы, русские, народ сердечный, жалостливый, да вот только один маленький нюанс: не он, не господин уполномоченный борец за права «униженных и оскорбленных» меньшинств, а мы в оккупации. И вот, тихим блеющим голоском, точно извиняясь, посол европейских ценностей сообщает нам, что оказывается «не так давно Совет Европы пересмотрел свой статус для России, и теперь это не просто представительство, а целый программный офис со специально собранным для России портфелем предложений», а точнее сказать, приказов. «Ой, — своевременно остановился Кожемяков, — но я, по моему, уже превысил свои полномочия».

Так что готовься, матушка Россия, взялись за тебя по-крупному, нападение усиливается. Выходит, что и верно Яндекс определил... общемасонский форум... он и есть! «Значит, ничего нового мы здесь не услышим», — подумала я и, похоже, точно так же подумала и большая часть присутствующих, поскольку вторая секция уже проходила в полупустом зале. Но я осталась до конца.

Европа смердит

Так куда дует ветер в России? И кто в доме хозяин? Диктатура Запада налицо. Выступающие в следующих секциях не

раз сетовали на абсурдность самой постановки вопроса, их возмущала безальтернативность в выборе путей решения проблемы: «Устроители форума нам строго запретили говорить о российском опыте в области решения межэтнических и межконфессиональных проблем». Что ж, узнаваем и этот трюк с фальш-ходом. Американская демократия в чистом виде: мы вам даем свободу выбора, мы за свободу, мы за демократию... Но только выбирать вы будете из того, что предложим вам мы. Итак, два пути развития: западная демократия или демократия западная. А теперь выбирайте!

«Я не знаю, свистнуть, что ли?», — отмочили второй комментарий весёлые женщины, сидящие за моей спиной, когда представитель по межнациональным отношениям от РАН госпожа Дробижева призвала муниципалитеты решать вопросы национальной политики России самостоятельно. И зал взорвался криками возмущения!

Я уж не говорю, что на форуме присутствовали комиссары по делам беженцев ООН. Я не говорю о том, что в России орудует целый ряд организаций, которые упорно навязывают нам свои правила игры в области миграции и национальной политики. Я не говорю, что коррумпированные власти имеют свою личную выгоду с этого «великого переселения народов».

Я не говорю, что, к примеру, 90% занятости в строительном секторе распространяется на выходцев из Средней Азии, а точнее, на рабов из Средней Азии, которых бессовестно используют как дешёвую рабочую силу, между тем как квадратный метр жилья в столице по мировым расценкам стабильно занимает второе почетное место после Токио. Всё ведь очень просто: мы живем в условиях дикого капитализма, когда рыночная экономика не регулируется нормами закона и всё отдано на откуп коррумпированным чиновникам.

Я не говорю, что сейчас легально в нашей стране работает совсем небольшой процент трудовых мигрантов и распространена практика, когда работодатели не платят государству, а дают взятки напрямую полиции. Я не говорю, что преступность среди приезжих возросла в этом году на 42% и каждое пятое тяжкое преступление в Москве совершается мигрантами. Я не говорю, что Минздрав озвучил цифру, что в 2012 году во всей РФ мигранты родили 34 000 младенцев, и всё это за счет тех налогов, которые платят граждане России. В итоге получается, что медицинское обслуживание и образование гастарбайтеров оплачивают российские налогоплательщики. Я не говорю, что по данным социологов «Левада-центра», в 2013 году идею введения визового режима со странами Средней Азии и Закавказья поддерживали 84% российских

граждан. И главное, я ведь не говорю, что такая политика совсем не согласуется с планами В.Путина по созданию в стране к 2020 году 20—30 миллионов высокотехнологичных рабочих мест и повышению производительности труда в 2 раза. Всё это реалии, уже давно ставшие злокачественной опухолью на теле России, которая душит ее вот уже как 22 года. Так кто в доме хозяин?

Все эти вопросы так и остались без ответов, о них на Конференции никто не говорил. И справедливы были замечания из зала: «Как всё это уже достало! Вместо решения своих проблем мы всё заискиваем перед Западом! Лучше бы уж белорусов спросили, что нам делать! Есть у нас, в конце концов, президент, или его нет?»

Действительно, что нам может предложить пресловутый Запад? Смерть экономики? Геноцид государствообразующей нации? Еще Достоевский устами Ивана Карамазова сказал: «Я хочу ехать в Европу, но знаю, что увижу там лишь кладбище». Европа смердит! Она задушена гидрой либерального фашизма. Проблема с мигрантами сейчас стоит практически перед всеми странами Европы. По мнению экспертов, грамотно спланированное перераспределение миграционных потоков — как раз и есть один из инструментов нанесения смертельного удара по экономике государств. Ведь благодаря, в том числе, неразумной миграционной политике сегодня экономика Европы и терпит фиаско. Так какой опыт мы будем перенимать? Что нам хотят подsunуть в этих чемоданчиках от Совета Европы? Какую из моделей смерти?

Демократия провозглашает фантомное равенство всех между собой, а это никак не стыкуется с вопросами решения миграционных проблем, я уж не говорю, что идея мультикультурализма просто шизофренична по своему содержанию. Не могу не привести цитату из гениального Ивана Ильина: «...мысль погасить богоданное многообразие народов, упразднить это богатство исторического сада Божия, свести все к мертвому подобию и однообразию, к равенству песка, к безразличию после уже просиявшего в мире различия — может родиться только в духовно мертвой, больной душе. Эта плоская и пошлая химера, эта всеразрушительная, безбожная затея есть порождение души злой и завистливой, — все равно, стремится ли эта химера воинственно подмять все народы под один народ или растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения».

И выхода из этой проблемы нет. Если условия задачи находятся в заведомом противоречии друг другу, это означает одно — задача не имеет решения. Европа в тупике. Именно поэтому Меркель и признала поражение всеобщего равен-

ства, сказав знаменитое: «Мультикультурализм не удался». Британский премьер Дэвид Кэмерон также отрекся от рокового изобретения, ведь вместо мультикультурного общества, страны Европы получили все те же параллельно существующие различные культуры, разве что с чудовищным демографическим перевесом в сторону некоренных народов. Возникла реальная угроза, что облик Европы через пару лет изменится до неузнаваемости и здесь будут жить совершенно другие нации и будут образованы совершенно иные государства.

При подобном раскладе говорить о проблеме, метко названной В. Путиным «права большинства», даже не приходится. Ведь процесс миграционной политики, который запускает мировая толерастия, иначе как геноцидом коренных народов и не назовёшь, а теория мультикультурализма оказалась изобретением, которое можно сравнить с системой гетто, но только для коренных народов. Скажите, это ли не кровная месть сионизма?

В итоге сломавшие голову европейские умы идут на далеко не самые демократические решения. Так, Франция совсем недавно выслала из своей страны 30 тысяч цыган.

Политика ЕС обнаруживает свою несостоятельность. Толерантная Европа уже признает свои ошибки, она все больше и больше конфликтует с США. Оголтелый либерализм привел Европу к хаосу. Что говорить? Все всё понимают, только толку от этого пока никакого. Но вернёмся к Конференции...

Ясным взглядом на проблему порадовал председатель информационного синодального отдела РПЦ Владимир Легойда, который выступал одним из последних и сказал коротко, но ясно — я, мол, хотел говорить на другую тему, но поглядел, что тут у вас происходит, и вот что скажу: почему мы должны мириться и терпеть то, что противно Богу? Почему мы должны терпимо относиться к содомии, когда это богомерзкий грех? Разве этому нас учил Иисус Христос? Давайте разделять понятия европейской толерантности и христианской терпимости. Это два взаимоисключающих понятия!

Зал радостно поддержал долгожданные слова Владимира Романовича, которые были у всех на уме и вот, наконец, материализовались в речи докладчика. Конечно, все всё понимают! Народ наш мудрый, его не проведёшь! Представитель дублинского толерастичного актива, только что хваставшийся достижениями своего «кружка любителей бога» и рассказывавший, сколько чашек кофе они выпили на своих multi-culti-посиделках, чуть ли не залез от ужаса под стол. А ведущий секции Владислав Флярковский (от него я такой прыти, признаться, не ожидала: в ходе обсуждений он буквально блистал антиамериканским юмором и получал от этого ог-

ромное удовольствие), подхватил запал Легойды и предложил принять закон, согласно которому слово «толерантность» и вовсе исключалось бы из русского языка, а его употребление наказывалось бы штрафом. Зал рукоплескал! Но кто-то сказал, что программа «Толерантность» уже включена в национальную политику... Возникла пауза...

Всё верно, так и есть: правительство Санкт-Петербурга приняло программу «Толерантность» на 2011—2015 годы в соответствии с положениями государственной национальной политики РФ и утвержденной указом президента и теперь лоббирует вопрос о федеральном финансировании программы.

Мигрантов депортировать нельзя легализовать

Некая растерянность ощущалась на протяжении всей конференции. Куда дует ветер? Было ясно, что пока это роза ветров. И дело здесь, в первую очередь, конечно в неоднозначной политике Кремля, ибо последнего слова президентом сказано так и не было.

В связи с прошедшими Днем народного единства, «Русским маршем» и событиями в Бирюлево совершенно естественно на всех уровнях власти оказался поднят национальный вопрос. Высказывание президента относительно миграционной политики граничило, можно сказать, с гениальностью. По типу известной головоломки «казнить нельзя помиловать», Владимир Владимирович вольно или невольно сформулировал следующее: мигрантов депортировать нельзя легализовать. Вот и понимай, как знаешь.

В ноябре прошлого года множество изданий поместили на своих порталах статьи с заголовками: «Путин против ужесточения миграционного законодательства в России». «Ужесточать законодательство не надо, нужно добиваться безусловного уважения законов, обычаев и культуры страны; это многоплановая работа, и она характерна не только для России», — сказал Путин, принимая руководителя фракции ЛДПР Владимира Жириновского.

Однако вслед за этим на президентском сайте Kremlin.ru была размещена запись беседы главы государства с тем же Владимиром Жириновским, в которой есть следующие слова Путина: «Это не значит, что не нужно ужесточать наше внутреннее законодательство, связанное с этой сферой деятельности (миграционная политика), наоборот — нужно... Самое главное, чтобы все соблюдали закон».

Вот, собственно, в таком подвешенном состоянии и болтаемся, и кто в доме хозяин, сказать пока трудно.

Правда, в том же ноябре президент России сообщил, что внес в Государственную думу законопроект о более широком использовании таких государственных символов, как гимн и флаг. Капля в море, а все же приятно. Но что же дальше? Ведь все мы помним статью В. Путина «Россия: национальный вопрос» 2012 года. в ней было трезвое и довольно взвешенное понимание самого большого вопроса современной России. Не пора ли, г-н президент, от слов переходить к делу, или вы чего-то боитесь?

Страхи о русском вопросе

Коль скоро стоит вопрос о том, кто в доме хозяин, то неплохо было бы спрашивать у хозяина: а можно ли к вам в гости? Но, к сожалению, русских не спрашивают, хотя бы они, чтобы к ним приезжали легальные или нелегальные мигранты.

Российской обществу хорошо запомнилось событие, когда 23 января 2012 года спикер парламента Чечни Дукваха Абдурахманов заявил, что законодательное собрание его республики готово выступить с инициативой о закреплении за русским народом статуса государствообразующего в России. «Мы как субъект, имеющий право законодательной инициативы в Государственной думе и Совете Федерации, готовы выйти с такой инициативой. Нет никакой проблемы. Исторически за русскими такое право есть. Почему бы это не сделать. Мы не болееем никакими национальными болезнями», — заявил «Русской службе новостей» председатель парламента республики, при этом подчеркнул, что «если мы в Конституцию добавим строчку, что русские — это государствообразующая нация, то никто ущемлён не будет».

Это предложение было высказано в связи со здоровой оценкой нарастающей опасности межэтнических и межконфессиональных конфликтов.

Начиная с 1991 года, в России менялись этнодемографические пропорции, и сегодня Москва представляет собой огромную бочку, доверху наполненную порохом. Достаточно одной искры, какого-нибудь нового Бирюлёва, и все мы станем жертвами необратимого процесса. Нужно быть реалистами, на «авось» уже не один раз ставили, Бог долго терпит, да больно наказывает. Акцент на проблеме легальности или не легальности мигрантов — это уход в сторону от главного вопроса, а именно: пропорции коренного населения и приезжих. Вдумайтесь, Россия занимает второе место в мире после США (45,8 млн.) по числу мигрантов. Такие данные приводит департамент ООН по экономическим и социальным воп-

росам. Эксперты насчитали в РФ около 11 млн. приезжих. Но если учесть, что у США нет государствообразующего народа, то это значит, что Россия по количеству приезжих занимает лидирующее место в мире. Вот повезло-то! Раньше по ВВП лидировали, а теперь по гастарбайтерам. Исходя из подобной статистики, можно констатировать, что мы, коренные русские, по степени вытеснения некоренными народами уже уподобились американским индейцам.

Перед выборами мэра Москвы был произведен опрос москвичей. Их просили назвать самую большую проблему мегаполиса. Первое место занял именно миграционный вопрос. Всю предвыборную кампанию Собянин построил на миграционной проблеме. Однако то, что показывают нам по телевидению, — это лишь капля в море и далеко не выход из ситуации. Проблеме нужно решать, конечно же, на правительственном уровне! А что мы, собственно, ропщем? Правительство этим и занимается... Вот, пожалуй: согласно постановлению кабинета министров, в 2014 году армия гастарбайтеров пополнится более чем на 1,6 млн. человек (или 93,5% от квоты нынешнего года). То есть модель миграции незыблема и ревизии не подлежит? Так чего тогда обсуждаем? Какие конференции? Какие «круглые столы», коли уже все давно решено? Или это очередные игры американских социологов, пытающихся нащупать угасающий пульс национального самосознания «вымирающих русских»? Что ж, сами европейцы вам когда-то уже всё сказали по этому поводу. Или не терпится испытать на себе?

«В такое просто не поверишь, пока своими глазами не увидишь, — писал в своем дневнике в 1941 году офицер 7-й танковой дивизии вермахта. — Солдаты Красной Армии, даже заживо сгорая, продолжали бой. Победа нам уже не кажется столь недалекой. Напротив, отчаянное сопротивление противника подрывает боевой дух немцев. Никого я еще не видел отчаяннее этих русских. Настоящие цепные псы! Никогда не знаешь, что от них ожидать. И откуда у них только берутся танки и все остальное?!»

В традиции русских — стоять до конца. А уж когда этот конец настанет — Бог один и ведает. Так было и так есть.

Во время Второй мировой войны И.В. Сталин взывал к национальному чувству и патриотизму, а позднее провозгласил русских «руководящим народом», что совсем не мешало большинству русских (80%) своей Родиной называть весь Советский Союз, а малым народам — гордиться дружбой со своим большим и сердечным братом.

ДВА РАССКАЗА

КАКТУСЫ

Стоял яркий осенний понедельник. Комната заводской многотиражки, где я временно работала корреспондентом, утопала в солнечном свете, но на душе моей было как-то не светло и совсем уж нерадостно — пустовало кресло редактора. То ли он задерживался, то ли ушёл в подполье, на больничный лист, я не знала, но второе значило бы полный аврал — мы и так всегда горим по вторникам перед выпуском, а без редактора я сгорю гораздо раньше, а именно сегодня...

К полудню мои тревожные мысли прервал телефонный звонок.

— Не волнуйся, солнышко, газету без материала не оставим. Записывай: Анохин Сергей Васильевич, цех ПЖБ, формовщик. Он разводит кактусы. О нём уже была статья, в подшивке за прошлый год: найди, почитай. Там, конечно, не густо, но ты в цех сходи, может, ещё чего интересенького узнаешь. По-моему, он из Воронежской области, холостяк. Скрытный человек, замкнутый. А что делать?.. Больше у нас никто ничего не разводит...

ПРОЗА

Я грустно улыбнулась, а голос в трубке успокоил:
— Не грусти, у тебя всё получится — ты и немного разговоришь!..

В цехе производства железобетона пыль, грохот. Краны снуют туда-сюда. А в дальнем углу орудует лопатой мой герой-цветовод. Высокий, плечистый. Оно и понятно — с малыми силёнками тут делать нечего.

— Здравствуйте, Сергей... — отчество проглотило неимоверное дребезжание.

Только утихло, я тут как тут — с ручкой и блокнотом. Не успела представиться, цель своего визита объяснить, как снова включили вибростол.

Ну, всё, думаю, плакал мой материал. А минут через пять заводской цветовод сам ко мне подошёл:

— Не надо обо мне, о молодых пишите, — сказал и отвернулся.

Дождалась я затишья и опять к нему:

— Сергей Васильевич, не о ком больше, и номер горит... Может, я к вам домой приду? Кактусы мне покажете...

Вечером того же дня мне в полной мере дали почувствовать себя незваной гостьей. Даже стены в тёмной прихожей Сергея Васильевича встретили меня откровенно неприветливо. Он же, закрыв за мной дверь, молча ушёл в комнату.

Я быстро разулась, прошла следом, уселась на диван, аккуратно накрытый не старым ещё плюшевым покрывалом, и достала блокнот с ручкой.

Сергею Васильевичу было на вид под сорок, а волосы его, которые в цехе скрывала защитная каска, сплошь покрывала седина. Большие чёрные уставшие глаза, как мне показались, избегали моего взгляда. Он и дома был неразговорчив, каждое слово я словно вытягивала из него.

На нижней полке стола столбиком лежали книги, были среди них и толстые, и тонкие, и новые, в красивом переплёте, и несколько книг ну совсем потрёпанных, как говорится, зачитанных до дыр. Над столом тоже были книги, на узкой резной полочке ручной работы красовались «Физика», «Неорганическая химия», «Астрономия», какие-то толстые словари, энциклопедии, словом, всё, что привело меня к немалому удивлению: зачем этот разнообразный букинистический букет формовщику железобетона? Для повышения квалификации... или интеллекта?

— Вам сколько здесь? — указала я на фотографию, что висела над письменным столом.

— Это не я... это мой сын... Андрюша... — сказал он приглушённо.

«Ничего себе холостяк! — подумала я. — Почему ж в прошлогоднем интервью о сыне умолчал?»

А Сергей Васильевич уже стоял у подоконника:

— Вот мои кактусы, — буркнул себе под нос, отодвинув штору. — Другие цветы у меня не прижились...

— Ой, да они у вас и цветут!.. — почти воскликнула я, подойдя к окну.

Из глиняных горшочков, заслоняя свои колючки, на меня глядели невиданной красоты хрупкие, нежные, большие и поменьше, белые, малиновые и розовые лепестки.

— Цветут... — ответил он сдержанно. — Но не все...

— А мои ни разу ещё не цвели, — сказала я и приуныла. — И землю им готовишь, и разговариваешь с ними...

Он посмотрел на меня с недоверием, а я, вдруг вспомнив, зачем пришла, поинтересовалась, где он учился, работал до завода.

Он отвечал коротко, иногда одним словом, и вскоре я совсем потеряла надежду, что узнаю что-нибудь новое, про жену, например, про сына. Пару раз я пробовала разговаривать его, но, увы, Сергей Васильевич упорно не слышал мои вопросы.

— Говорил же вам, пишите о других, не люблю я этого, журналистов ваших, — сказал, когда я уже стояла на пороге.

— Ну, извините, — ответила я, обуваясь. — А вообще-то я и не журналист, я — писатель, если это хоть как-то меня реабилитирует. Но надо же как-то жить, книгу-то сейчас не издать...

Солнце ударило в глаза яркой вспышкой, словно сфотографировало. Оно как раз присаживалось на верхушки сосен вдали городского парка. Бодрым шагом я вышла из подъезда, завернула за угол дома и пошла вдоль догорающего палисадника.

Тропинку под моими ногами густо выстлали ярко-рыжие листья. Я приостановилась, чтобы собрать их в кленовый букет, и в этот момент кто-то окликнул меня сверху мужским голосом:

— Девушка!..

Я подняла глаза и увидела Сергея Васильевича. Даже имя моё он не запомнил.

— Пойдите!.. Я сейчас... — и скрылся в окне.

Минуты через две он стоял уже около меня. В потёртых джинсах и защитного цвета ветровке он выглядел даже молодцевато. Глаза его словно ожили, блеснули мне в беглом

взгляде. На какое-то мгновение он показался мне парнишкой, слегка смущённым и растерянным.

— Вы, и впрямь... кактусы любите?..

Наши взгляды встретились, и мне показалось, что я увидела в них нечто, напоминающее доверие.

— Я считал, что девушки должны розы любить... — сказал, должно быть, оправдываясь.

Он достал из кармана пачку «Беломора», закурил. Я молчала, не то, чтобы боялась спугнуть его добровольный порыв к общению — я уже смирилась, что напишу в рубрику «Интересные люди» второсортный, серенько-пресный очерк.

— Я вот и сам не знаю, почему именно кактусы выбрал... — нарушил молчание Сергей Васильевич. — Может, потому, что колючие?..

— А мне они такими беспомощными кажутся, несмотря на колючки... Мне их жалко, как будто не цветы, а дети... — ответила я.

— И это есть, — тихо, словно самому себе, сказал Сергей Васильевич. — А ещё вы о жене меня спрашивали... А если не было её?..

— Сейчас многие, не расписываясь, живут... — так же тихо ответила я. — Сына же вам родила?.. Значит, жена.

— Может, вы и правы... — как-то сразу согласился он, но уже через минуту засомневался: — Хотя, как сказать...

Мы решили выйти на центральную улицу и пройти по аллее парка, и сначала сбиваясь, а потом спокойно и неторопливо, словно забыв обо мне, он начал рассказывать о своей жизни, конечно, не для статьи в многотиражку.

— Нас у матери пятеро было: три брата и две сестры, — начал он издалека. — Мы-то были, а отца у нас — нет. Кто последний — тот и отец. Не везло ей с мужьями, хоть и красивая была...

Голос его был негромким, и некоторые слова словно тонули в его душе.

— Ладонки у неё были мягкие, теплые. Потом, в детдоме, я только их и вспоминал. Как она меня жалела. Кто-нибудь из старших обидит — реву, а она подойдет, посадит к себе на колени и гладит, гладит по голове...

С моим отцом она дольше всех жила. Трезвый — он ничего, добрым был, а как напьётся... то с кулаками на неё, то с топором. Старшие спрячутся по углам, притихнут. А я подбегу, повисну у него на руке. Она у него как камень, только волосатая...

Так в драке и убили его где-то...

После меня мать ещё двоих родила...

Сергей Васильевич, докурив, достал из пачки новую папиросу. По его глубоким затыжкам до бухающего кашля, по дрожавшим пальцам я поняла, что он не просто волнуется. Внутри у него идёт борьба, вздымается в нём какая-то сила, тёмная и тяжёлая, но он сдерживает её другой, светлой, быть может, более мощной силой.

Мы прошли уже территорию аттракционов, детских и взрослых: осталось позади «Чёртово колесо», маленькие будочки-кассы. Мимо танцплощадки, мимо воркующих стоек голенастых девчонок, покуривающих у входа ребят, вдоль неглубокого, заброшенного пожухлой листвой канала, шли к городскому пляжу.

Из предыдущей статьи я знала, что Сергей Васильевич — воспитанник детдома, поэтому догадывалась, о чём пойдет речь.

— Мне говорили, что в детском доме... на выживаемость — каждый за себя, это правда?

Он ничего не ответил, как будто и не услышал моего вопроса. Повторить его я постеснялась. Шла и вспоминала своё детство: отец тоже пил, тоже буянил. Мы с братом росли запуганными зверьками, и один раз я так же, как Сергей Васильевич, висела на руке отца, испугавшись за мать.

Мы вышли к реке, и хотя купальный сезон давно закончился, за кустами раки слышались разговоры, смех, всплески воды — кто-то бросал в неё камушки.

— Пятнадцать лет мне было, — заговорил он, наконец, — когда в меня одна интернатская влюбилась... Беленькая такая, голубоглазая... Худенькая, как стебелёк... Волосы тонкие, пушистые, она их то и дело за уши заводила.

Он быстрым жестом показал, как она это делала.

— На соревнованиях меня высмотрела — я в баскетбол за нашу команду играл, — в первый раз я услышала мягкие нотки в его тихом голосе. — Мы в тот раз проиграли, но она сказала потом, что тогда уже за меня болела.

Я удивилась той мимолётной нежности, которую уловило моё чутьё. Значит, он не так сух, как это кажется с первого взгляда.

— Всё ходила вечерами за воротами детдома, в окна заглядывала. Ребята уж подкалывать стали, мол, не хватает у неё. Особенно Качан с Грызлой глумились. У Грызлы вообще, все бабы — б... Он и мать свою в глаза не видел, она от него в роддоме отказалась. Качан тоже на них зуб имел, обозлился, за людей их не считал, дескать, есть люди, а есть бабы.

Сергей Васильевич опять потянулся к своему «Беломору». Стало прохладно, ветер с реки подул. Опять он затыживался, кашлял, и руки его дрожали. Я чувствовала, что нервное это...

— Вы не устали? А то давайте присядем, — показал он на лавочку у дерева.

Мы сели. Дерево большое. Ветви до самой земли склонились, лежали на влажном песке.

— Доходилась она, довысматривалась. Вы же, женщины, только с виду беспомощные, а на деле... настойчивее нас. Как-то договорились мы с ней, Санькой её звали, встретиться после отбоя, ночью на берегу. Честно сказать, думал, может, она испугается, не придёт. Интернат-то её на другом конце города. Куда там!..

Сергей Васильевич замолчал, словно решал про себя, рассказывать мне дальнейшее или нет.

— Река у нас была не то, что эта, глянешь, а другого берега почти не видно. Пришёл я, и Санька пришла, не побоялась, — в голосе его прозвучал оттенок гордости. — Походили, погуляли... Дело летом было, тепло, и вода в реке, как парное молоко. Тихо, пустынно кругом, только луна в ту ночь была странная — красная и огромная. Никогда такой раньше не видел. Кровавым шаром висела она над рекой и ничего хорошего нам не предвещала...

Он глубоко затянулся, прокашлялся. Мимо нас по тропинке прошла парочка. Он — высокий, широкоплечий, она — пигалица по сравнению с ним. Но шла она прямо, натянутая, как струночка.

Сергей Васильевич проводил их задумчивым взглядом.

— Так вот, — отбросил он потухшую папиросу. — Санька раздеться наотрез отказалась, постеснялась, так в платье и плавала. А потом я согрел её, рубашку свою на плечи ей накинул, и она мне... в любви призналась. «Я, — говорит, — не спрашиваю, любишь ли ты меня, знаю, что нет, но скажи, хоть немного нравлюсь?» «Нравишься» — соврал я. На самом деле мне тогда жутко другая нравилась, Зарема, девчонка, с которой я за одной партией сидел, но она была вся такая из себя, за ней уже старшие ухаживали, а Санька... Не могу я объяснить, зачем и встретился.

После некоторого молчания, повисшего над нашими головами, над старым коряжистым деревом, над тихим шелестом набегающих на песок волн, Сергей Васильевич, грустно улыбнувшись, как выдавил из себя:

— Первый я у неё был...

Он задумался. Папироса его успела погаснуть, и он опять стал чиркать спичками, прикуривать.

— Качан с Грызлой выследили нас: «Ну, что, паря, — говорят, — теперь наша очередь?»

Я и пикнуть не успел, а Грызла: «Или предпочитаешь, чтобы Циркуль узнал?»

Циркуль — физрук наш — сущий дьявол. И за ночную отлучку кару бы мне уготовил, одному ему известную. Да и узнали бы все. И Зарема...

Ушёл я. Тоненько пронеслось по побережью: «Серё-ежа-а!» и замерло.

Вот так-то... — Сергей Васильевич прерывисто вздохнул и опустил голову.

Сердце моё, казалось, сжали тисками. Я сидела и тупо смотрела на воду. Она была совсем спокойной, только где-то на самой середине рябило непонятно отчего эту тёмную гладь, видно, на глубине сталкивались два течения — тёплое и холодное, или там был обрыв.

— А месяца через два встретили нас интернатские, — мне показалось, что я даже вздрогнула от неожиданного продолжения, — Меня и Каца. Кац — не при делах. Он вообще у нас в детдоме новеньким был. Мать с отцом в аварии у него погибли. Щуплый такой паренёк, но умный. В первые дни издевались все над ним, очки его прятали, «кротом», «слепышом» обзывали, а ему хоть бы что... Видно, ко всему он заранее готов был...

Словом, все в тот раз разбежались, и Качан, и Грызла, а он не побежал. Смелость это или упрямство глупое, а только жизни ему стоило. Пырнули, разбираться не стали. И меня бы следом, да вынырнула откуда-то из темноты эта Санька, кинулась к Долговязому — так я его про себя отметил — в ноги. «Не надо, не надо! — кричит. — Это не он, не он!»

Долго в ушах её крик стоял. Даже не думал, что она так громко кричать умеет.

Отпустил меня Долговязый. «Живи!» — сплюнул сквозь зубы, уходя. Гнидой назвал. Тогда я смирился, мол, так мне и надо. Но когда Каца поднял... Кровь его, незаслуженно пролитую, никогда с души не отмою. «За что они его? За что?» Не знал я тогда, что в этом мире «ни за что» только лучшие погибают...

Кожа моя покрылась холодными мурашками. Неужели это не фильм, не сон, а реальная история?

Наверное, он почувствовал, что мне стало страшно сидеть с ним среди уже опустевшего пляжа и сгущающейся темноты, улыбнулся. Но эта улыбка получилась у него невесёлая:

— Вижу, напугал я вас.

Я тоже попыталась улыбнуться, и он продолжил:

— Крепко обозлился я на Долговязого. Ох, как крепко. Но ещё крепче обозлился я на себя. Сам себе противен был, и

тошно мне жить стало. Даже на Зарему не смотрел, всех возненавидел, а в семнадцать я сел. По-глупости, за драку. Видно, отцовская кровь через край забурилась.

Сергей Васильевич опять замолчал. Закурил.

— И вот там-то, в колонии, стала мне эта Санька вспоминаться. Глаза её доверчивые. Думать даже стал, откуда они у неё такие посреди этой жизни гадкой. Губы её горячие вспомнились, много она нежных слов нашептать мне успела. Как киноплёнку крутил — вспоминал. Как чувствовал, что ждёт. Думал, вот выйду, и встретится она мне где-нибудь, на колени перед ней упаду...

Мать моя ещё двоих родила, пока я сидел. Аборты, она, видно, делать боялась — грех! И все искала свою половинку...

Знаете, — он посмотрел на меня так пристально, что мне стало не по себе, — я перед вами как на духу... Почему? Сам не знаю, почему?.. Может, потому, что глаза у вас такие же, как у Саньки моей, доверчивые.

И тут же продолжил:

— Так вот. Освободился, а жить спокойно не могу. Душит меня жажда расставить все точки над «и». Стал с Долговязым встречи искать. И нашёл. Как судьбу свою. От подземного перехода до карьера за ним шёл. Темень — глаза коли, один фонарь на всю улицу, да и тот слепой. Тихо шёл, как волк за добычей, и предстал перед ним у калитки его. Лишь дотронулся он до неё, родимый, как я цап его за ручонку, мол, поговорить бы нам. Не понял он сначала, кто в него мёртвой хваткой вцепился. «Ты кто? — говорит. — Не обознался?» «Нет, — говорю, — не обознался!» Схлестнулись мы. Худой он, да жилистый. Не сдаётся. Вынул я тогда кастет из кармана, размахнулся, а тут тень чья-то метнулась, встала прямо между нами. Ей и попал... по голове.

Опомнился, как протрезвел от злости. Девка это. Он её подмышками держит. Слышу: «Что стоишь? За «скорой» беги!» Оторвал я ноги от земли, дунул к остановке, к автоматическому телефону, от него назад. И калитку ту враз нашёл. Забежал — дверь нараспашку, свет во времянке. На кровати у стены Санька лежит, белая как полотно...

Скулы у Сергея Васильевича напряглись, заходили, и некоторое время он сидел, потупившись. Потом опять чиркал спичками, сжимая зубами погасшую папиросу.

— «Вызвал?» — спрашивает Долговязый. Я кивнул. «Уходи теперь, — говорит. — Узнал я тебя... Встреча наша не первая и не последняя, видно...»

И только я шаг к выходу сделал, как из-за закутка, что цветастой занавеской отгорожен, пацанёнок выходит. Чер-

нявый, лет шести. Глаза на свету протирает, не поймёт, что тут происходит.

Выбежал я и «почесал» через весь город до своей общаги. Не вижу ничего, слёзы дорожку застилают. К тому же, ощущение такое, что видел я где-то мальчика такого же. А где — не пойму. И вспомнить — не вспомню, потому что не мог я его раньше видеть нигде.

Три дня места себе не находил — стоит перед глазами пацанёнок этот, ключицы костлявые выпирают, глаза чёрные, и... знакомые — хоть тресни.

А на четвёртый день поехал я к старшему брату. Он один из нас в люди выбился, образование получил. Рассказал ему, что натворил. У брата, как положено, альбом с фотографиями. Я люблю на старинные карточки смотреть. Тут и мать наша есть, ещё девчонка, и отцы наши, и мы в детстве. Перевернул лист и самому себе не поверил. Стоит паренёк тот на пожелтевшей любительской фотографии. Худющий, руки длинные, ключицы выпирают.

Этим же вечером я на Карьере был. «Хочешь, — говорю Долговязому, — убей меня, но я не уйду, некуда мне отсюда идти».

Много рассказал он о Саньке: сколько всего натерпелась она за эти годы. Как отправили её к дальним родственникам, когда «положение» её раскрылось, да только не больно-то она там нужна была; как с грудным Андрюшкой в город приехала, и свои — интернатские, ей помогали. А главное, сказал, что не живёт он здесь, транзитом в ту ночь шёл, а сейчас, мол, сына её не с кем оставить.

За всё это время, — Сергей Васильевич жадно затянулся последней папиросой из пачки, и пепел, скопившись, упал ему прямо на руку, что безвольно на колене лежала, — Санька в сознание один раз пришла. Открыла глаза и увидела, что я рядом сижу, и Андрюшка со мной.

Он обхватил голову руками, и долго сидел так, замерши.

— А где же он сейчас, Андрюша ваш?.. — не выдержала я молчания, но он ничего не ответил.

Уже стемнело, с реки подул ветер. Вода покрылась чешуйками, а высоко в небе, из-за белёсой тучи вынырнула луна. И хотя была она бледная, почти прозрачная, я не отрывала от неё взгляда.

— Я дал ему всё. Всё, что мог. На завод только из-за него пошёл, чтобы дали мне возможность родного сына усыновить, работал, как проклятый, пока не походатайствовали за меня, не убедились, что не прокажённый я, нормальный, способен прокормить и воспитать. За себя и за неё воспитывал,

уроки проверял, за двойки наказывал. Не кулаками, конечно, но словом крепким. Приходилось. Хоть и толковым пареньком рос, а отчаянным. Никак примерного поведения не могли добиться, а мне хотелось, чтобы человеком стал, чтобы чего я не достиг, ему по плечу было...

— С мальчиками трудно, — согласилась я. — Мой вообще в школу ходить не хочет.

— Нет, эти трудности не страшны, их при желании, любви и должном терпении пережить можно. — Трудности я потом познал, после того, как Грызлу встретил. Случайно или не случайно оказался он на нашей улице, до сих пор не пойму. Он уже ходки три успел сделать к тому времени, а ничему его тюрьма не научила, ещё пакостнее стал. «Ты, говорит, вроде с сыном живёшь?.. Не от той ли бабы — по годкам сходится?.. А может, говорит, это и не твой сынок?» Качан тоже, вероятно, претендовал бы, да загнулся, не дожил. А этот... И так он достал меня этим шантажом, столько денег я ему передавал, чтоб только Андрюшке ничего не рассказал, а потом не выдержал. Думаю, или век перед этим выродком в долгу быть, или... В общем, потрянул я Грызлу, хорошенечко, за всё. И за прошлое, и на будущее.

— Неужели он рассказал?.. — наконец-то стало доходить до меня самое ужасное.

— Не знаю... Не видел я его больше...

— А Андрюша где, в армии?.. — цеплялась я за какие-то спасительные предположения, хотя по голосу Сергея Васильевича, и по тому, что он уже жадно курил из второй пачки, понимала другое, но оно было таким страшным, что не хотелось даже верить этому.

— Андрюшу я тоже больше не вижу. Ушёл он от меня.

— А в милицию обращались?.. Ведь этот Грызла...

— Не смог бы он этого сделать. Я бы ему горло перегрыз, он, когда один — трус, на коленях ползал, прощения просил... Сам Андрюшка ушёл, записку оставил, чтоб я его не искал.

— Как же так? Столько лет вместе... Значит, Грызла что-то сказал...

— Выходит, сказал. Просто так не ушёл бы, только аттестат получили, мечтали в институт попробовать... Вот так-то, а вы говорите — кактусы. Пять лет я один...

— Сергей Васильевич, неужели вы в милицию не обращались?

— Да как же мне туда обращаться?.. Скажут, какой воспитатель — такой и сын. Сколько их и просто так из дома сбегает. Да вы не волнуйтесь, не надо так волноваться... Я

чувствую... Девочка в нашем дворе была, нравилась она ему, так вот, её тоже дома нет. Я к родителям её ходил, сказали, в Москву уехала, вроде учится там.

— Думаете, может, Андрюша тоже там...

— Думаю. А что мне ещё думать? Так мне легче свой крест нести. Вот ведь какой крест достался, врагу не пожелаешь...

Последние слова Сергей Васильевич почти выкрикнул преломившимся голосом и заплакал, как ребёнок:

— Пять лет я один... не могу больше... — всхлипывал, уже не стыдясь, — Уеду... в деревню... к маме... Она там тоже одна...

Всю обратную дорогу мы шли молча, и только у автобусной остановки он тихо попросил меня:

— Возьмите к себе мои кактусы. Мне их и оставить-то некому..

Прошло полтора года, как я не работаю в заводской газете. И вот как-то телефонный звонок. Настырный такой, как будто кому-то непременно надо дозвониться. Поднимаю трубку, слышу знакомый голос:

— Алё, Солнышко! Узнаёшь?.. Это редактор «Стройиндустрии». Я к тебе как бы по важному делу звоню. Тут из цеха железобетона уж очень просили тебе передать, что Сергей Васильевич Анохин, помнишь, к которому ты в гости ходила, дедушкой стал. Сын у него, оказывается, в Москве жил, вот теперь с женой и сынишкой вернулся!.. Вспомнила?.. Чудной такой, замкнутый, который кактусы разводил.

КАЗАЧКА

Отдыхали мы как-то всей семьёй на побережье Чёрного моря под Новороссийском. Не в самом знаменитом Абрау-Дюрсо, что славится фирменным шампанским, а выше в гору, в небольшом посёлке под названием просто Дюрсо.

Посёлок стоит в светлой долине меж гор, ближе к дороге жмутся друг к дружке домишки местных жителей, за ними высятся коттеджи дачников, весёлая мелководная речушка бежит с горы мимо виноградных плантаций.

Жили мы у одной вдовой дачницы, снимали в её саду вагончик со шкафом и тремя кроватями. Рядом, за углом вагончика, располагалась летняя кухонька: стол под раскидистой веткой грецкого ореха, рукомойник, холодильник и газовая плитка. Всё это хозяйство, разумеется, не для одной нашей семьи. У бабули кроме нас квартирантов было немало. Все они жили в её двухэтажном доме, комнат в котором, как мне казалось, не счесть. Но, к нашему счастью, ужина-

ли многие постояльцы в других местах: кто в круглосуточном кафе на берегу моря, кто, уезжая с утра на дегустацию вин в Абрау, оставался там до глубокой ночи, а одна семья кушала прямо на веранде с торца дома.

Но иногда на кухне у стола собирались все отдыхающие. И тогда было очень шумно.

— Владюша, не лезь в воду!

— Мишутка, не брызгай на кота!

У оградки палисадника отстаивалась вода для поливки цветов и помидоров, а большой седоусый кот всегда лежал рядом на тропинке.

— Владюша, Мишутка, поставьте клетку на место!

Клетка с морской свинкой постоянно выставлялась хозяйкой на крыльцо, и наши дети совали в неё то морковь, то капусту, то просто тыкали в зверушку ветками.

Не успевали мы отогнать детей от хозяйских питомцев, как они тут же находили, чем нас донять ещё.

— А он меня толкает! — орал Владюша.

— А он в меня песком... — оправдывается Мишутка.

— А он мою машинку...

Слава богу, что это только в первое время они нас донимали. Дня через три подружились, освоились, притёрлись характерами, мирно стали играть. У детей ведь как у взрослых. Вернее сказать, что и взрослые как дети. Дочь-студентка, к примеру, тоже вначале стеснялась и мальчишек, что на втором этаже комнату снимали, и девочку-ровесницу, которая с отцом позже нас приехала, а потом так подружились все, что и на море вместе ходили, и в зону отдыха на дискотеку.

И муж мой, нелюдимый в незнакомом обществе, освоился так, что ежедневно стал уезжать с хозяйским сыном на рыбалку. Море он почти сразу обозвал солёной лужей, обиделся, что обгорел на его солнечном берегу до цвета вареных раков. А озеро было пресноводным, где-то высоко в горах, оттуда и бежала вниз по камушкам наша игривая речушка, где мы, возвращаясь с моря, ополаскивались от соли, и куда вечерами несли тазики заниматься постирушками.

С рыбалки муж приезжал довольным, хвастался перед нами какой-то диковинной мелюзгой, которую пробовал потом скармливать коту, но даже тот воротил от неё нос. Тем не менее назавтра он уезжал снова.

Ну, а я... Я всё приглядывалась к окружающему меня курортному миру. Может, и дела бы мне до других не было, но цепкий глаз журналиста привык наблюдать и вечно чего-то выискивать.

Отдыхали в Дюрсо почти одни казаки-станичники со своими семьями.

Мы, честно говоря, и не слышали раньше о таком замечательном и тихом местечке, и если бы не приятель моего брата, живущий в Новороссийске, никогда бы, вероятно, и не узнали.

Все жёны-казачки деловитые, как на конкурсе соревновались между собой, и всё больше по борщам... Они у них и красные, и перламутровые, и ещё неведомо какие. Даже муж мой, загруженный по горлышко тушёнкой (по своей личной инициативе), взбунтовался, а хозяйка так и косилась на меня, дескать, без борща жить нельзя.

Особенно выделялась среди других одна неугомонная повариха Лида. Кареглазенькая такая, худошавая, с пушистыми колечками на висках. Как ни выйду я из вагончика, всё она хлопочет у стола, кормит своих мужичков. Трёх сыночков своих. Ненаглядный мужёнок её сразу, как привёз их, уехал. Выгрузил сумки-чемоданы, заселил в комнату, и — в обратный путь. Даже в море не искупался. Смуглый такой, коренастый мужичок в тельняшке. Всё стояли они с Лидочкой за калиткой, распрощаться не могли. Словно молодожёны, честное слово. Три сына уже, старшему лет пятнадцать, средний следом за ним, погодок считай, и младший Владюша, моему Мишутке ровесник, трех лет, стало быть, а они, видите ли, никак наглядеться друг на дружку не могут. Конечно, быть может, не так долго они стояли, как мне показалось, может, минут десять всего, но зато как стояли! Чувства не остывшие, их сразу увидишь.

Десять дней мы с этой казачкой вскользь общались. «Доброе утро», «Здравствуйте», «Вы уже с моря. Как водичка?» Даже когда на море шторм был, не очень-то много разговаривали. Она опять свой борщ варила, а я в кресле-качалке посиживала, томик Ахматовой перелистывала. Миша мой спал. Владюша её тоже. Старшие наши дети по горной окрестности путешествовали, а хозяйку с утра давление прихватило. Так что я могла спокойно покачиваться под шелестящим абажуром каштана.

Ветер дул с моря, мягкий, влажный, прохладный, играючи налетал иногда, шуршал подсохшей виноградной лозой за изгородью, сыпались иногда грецкие орехи, ударяясь о стол, радостно крутился флюгерок на заборе. И всё гуще доносились до меня ароматные запахи золотистой Лидочкиной пасеровки.

«Сколько же у человека старания», — думала я, — мелко-мелко нашинковать, ровно-ровно нарезать! И всё-всё разло-

жить под рукой: и укроп, и петрушку, и сельдерей. И бурак, и перец болгарский.

Скворчит разноцветье на сковородочке, словно счастливую сказку рассказывает. Поневоле заслушаешься!

— Вы не составите мне компанию! — обернулась вдруг Лидочка.

Была она сегодня в каком-то приподнятом настроении.

— А то одной как-то непривычно...

Она ещё и ответа моего не дождалась, а две тарелки уже аппетитно дымились на столе.

— Волшебнo у вас получается, — сказала я, пересаживаясь на табуретку. — Душевный борщ... Правда-правда. Дайте рецепт?

Она улыбнулась в ответ, но никакого самодовольства я в этой тихой улыбке не заметила, как будто и не ей я дифирамбы пою.

— Это меня свекровь научила...

В тот вечер мы сидели с ней после ужина за калиткой. Звёзды были яркими. Смотрели мы на них до головокружения. Млечный Путь шифоновым шарфиком лежал через всё небо, словно ехала в карете молодая девица да обронила, слетел он с девичьих плеч, и далеко его ветром унесло...

— Муж ваш не будет волноваться?.. — спросила она, когда наши взрослые дети гурьбой прошли мимо нас с ночного моря.

— А что я ему?.. — спокойно ответила я. — Наелся от души. Спят давно...

«От души» — это я не зря сказала. Загорелось и мне приготовить своим такого же борща. На ужин ели. Даже вечно худеющая дочь не отказалась. А это уже кое-что значит.

И захотелось мне свою соседку от чистого сердца отблагодарить, спасибо сказать за то удовольствие, которое получила я, интеллигентка эмансипированная, духовную пищу всему на свете предпочитающая, от того, как наяривали мои домочадцы, да подливали, да нахваляли! И впрямь удовольствие! Какое-то глубинное, мягкое, материнское...

А пока я думала, как лучше высказать это созревшее во мне чувство благодарности, Лида удивила меня своей просьбой.

— Вы завтра уезжаете, — смущённо сказала она. — А я вот слышала, что вы стихи пишете. Не почитаете?..

Я вздохнула. С каких-то недавних пор, сама не знаю почему, перестала я любить читать свои стихи людям малознакомым, посторонним. Может, заметила равнодушие, не знаю,

но долгое время уже не читаю, разве что близким подругам да на официальных выступлениях от писательской организации.

— О любви?.. — поинтересовалась я.

— Обо всём... — ответила она.

Я много знаю наизусть, почти все свои стихи могу прочесть без запинки, но здесь, на чистом свежем воздухе, под шелест лозы, стрекотание цикад, сверчков, читала ей о родной своей деревне, где я выросла в Липецком районе, о бабушке, которая воспитывала меня с пелёнок.

Я читала куда-то в пустоту, этим южным широким деревьям, этому близкому и высокому небу, этим звёздным мерцаниям, и словно самой себе. И, дочитав, повернула голову к Лиде, чтобы увидеть её глаза, по ним угадать, понравилось ли?.. Но моя собеседница сидела, отвернувшись. Она плакала. Тихо-тихо. Молча. По щекам её одна за другой скатывались слезинки, и она их быстро смахивала, а они всё текли и текли.

— Ну... Лида... — Я осторожно тронула её за плечо. — Я не ожидала... Я думала, что вы, казачки, не такие сентиментальные...

Она хотела что-то сказать, но только махнула рукой.

— Да... какая... я... казачка?.. Я из Подмосковья... Это муж мой... Витя... — всхлипывала, как девочка.

То ли была, действительно, самая ясная и чудная ночь после штормового ветра, такая тихая и спокойная, то ли под впечатлением стихов расчувствовалась Лида и начала свой нехитрый рассказ.

— Понимаете... Я из интерната... Бабушка у меня была. Мамина мама. Болела очень... Поэтому и отдала меня... Не могла меня одна выходить... Она ко мне приходила, конфеты приносила...

Мы немного посидели молча, на звёзды посмотрели, потом я вспомнила её мужа:

— Лида, но вы такая счастливая сейчас!.. Я же вижу!.. Бог вас вознаградил! У вас такие сыновья, такой муж... Вы не подумайте, я — искренне... Мой муж на меня так давно не смотрит...

— Ой, — улыбнулась она. — И у нас всякое бывает!.. Ещё бы!.. Не смотрел!.. Он ведь ещё дочку просит!..

— А я думаю, дело даже не в дочке. Любит он вас... Осталось чувство, и этого не скроешь. В глаза сразу бросилось, даже, не обижайтесь только, царапнула где-то меня женская зависть...

Она уже перестала шмыгать носом, посерьёзнела, даже слегка суровым показалось мне выражение её лица.

— А знаете, я ведь ради него от самой Америки отказалась... Подружка моя, Женька Соколова, наверное, живёт там, нужды не знает.

Она опять улыбнулась, повеселела:

— А хотите, я всё подробно расскажу?..

— Хочу, — отозвалась я.

— Всё равно уже светает... Мы тогда только школу заканчивали... В общежитие нас должны были вскоре переселить... А тут Женька... Она с Колькой нашим дружила, тоже интернатским, но он постарше был, и уже к Трюкачу подался. Трюкач по тем меркам крутым у нас в городе был. Всех в страхе держал. Но только Женьку мою разве чем запугаешь?.. Сорви-голова, а не Женька! Но Кольку своего она любила искренне. Честно. И он за неё жизнь бы отдал.

Ну, не буду наперёд забегать. Неумелый из меня рассказчик... Никому ведь я этого не рассказывала. Виктор мой и то не всё знает.

И вот как-то раз Колян к Женьке после какого-то крупного «дела» забежал. Взволнованный такой, суетливый, сам на себя не похож. Что они там с Женькой решили, я не знаю, может, договорились о чём, но только к вечеру Женька начала меня «обрабатывать». Что, мол, нас здесь ждёт, в этом вонючем городке?.. Ни жилья у нас, ни работы путёвой не найдёшь. Давай, мол, ноги делать, пока не поздно. «Куда?» — говорю. «Найдём куда!» — отвечает. «На что жить будем?» А у Женьки на всё готовый ответ. И так она ловко меня «обработала», сказала, что и деньги у неё на первое время есть, с Коляном, мол, на свадьбу копили...

«А он-то как же?» — спрашиваю. «А ты за него не переживай!» — только и ответила. До сих пор не знаю, может, уговорились они где-нибудь в Новороссийске встретиться?.. Не может быть, чтобы просто кинула она его. Если только обидел когда... Женька зло долго помнила.

Ночью мы вылезли в окно и убежали. Зачем Женьке именно ночь понадобилась, я только потом узнала, когда уже в поезде ехали. Колька ей, оказывается, какие-то деньги на сохранение дал, много денег, доллары. Якобы через день-два заберёт...

Это она мне в вагоне уже рассекретила, когда безопасно было. Сначала-то мы на попутках добирались. На одной, на другой. Да и просто потому нельзя было рассказать, что я непременно запаниковала бы. Я же такая трусиха! Всем трусихам — трусиха! Стыдно признаться, я по сей день даже мышей боюсь!

А Женька — она никого не боялась. С её смелостью запросто до Америки доберёшься!.. Сначала — в Новороссийск, а там на корабле — в Турцию. А там уж...

Как подумаю, могла бы и я с ней уехать... Но, видно, не по Сеньке шапка!..

И уже весёлым, оживлённым голосом Лида говорила:

— Я ведь ну совсем полная противоположность Женьке. Сколько раз она за меня заступалась, ни ножей, ни кулаков не признавала! Как-то, ещё в первом классе учились, мальчишки наши котёнка откуда-то притащили, может, из столовой, поварихина кошка окотилась, и давай его, слепого, волтузить. И за горло схватят, и за хвост поднимут... Сердце у меня, глядя на эту картину, чуть не разрывалось. Подкараулила я, когда они его на пол поставили, подбежала, подняла, прижала к себе, а убежать, видно, смекалки не хватило. Ой, мальчишки меня окружили и давай мне шелбаны отстукивать. А я стою, ещё крепче котёнка держу. В меня уже и плюнул кто-то, им, видно, хоть над кем поизмываться хотелось. И вдруг подлетела откуда-то Женька, мы с ней друг друга и не знали ещё, она давно там жила, а я новенькая была, да и в разных комнатах ночевали. Подлетела и давай этих мальчишек мутузить. Кому — в нос, кому — клок волос выдрала, а одного оседлала даже.

Так мы с ней и подружились. Я в ней защитницу обрела, она во мне — не знаю кого... И зачем я ей такая нужна была?.. То меня обманут, то обкрадут... Да... С моими куриными мозгами только борщи и варить...

— Было бы ещё, кому варить!.. — дельно встала я. — Может, это подороже всех богатств Америки будет — хорошую семью создать!

Лида только посмотрела на меня внимательно. Но улыбнулась вдруг, ушла опять в воспоминания.

— Вот так, наверное, мне сами небеса рассудили, когда я Витю своего увидела. Женька в тамбур курить выбегала, меня этот свой пакет с долларами сторожить оставляла. Я курить не могу — тошнит только да голова кружится.

Ушла она в очередной раз, смотрю, не одна возвращается. Морячок за ней идёт. Смуглый такой, в тельняшечке. Любит мой Витя тельняшки, до сих пор носит — память о моряцкой жизни. Он в море ходил на большом корабле. Много стран видел. И в Америке был. Рассказывал нам с Женькой, как там американские фермеры живут. Все — в коттеджах, и даже двери не запирают...

И странное дело, рассказывал он это всё Женьке, так как она буквально пытала его любопытством, а смотрел всё время на меня. Я погляжу на него, а он сразу глаза опускает...

В ночь ему сходить надо было. Женька уснула, мы с ней по очереди спать договорились, а он всё сидел и сидел напротив меня. Потом глянул на часы и стал собираться. Он к матери своей, в станицу ехал. Всё, сказал, хватит. Мир повидал, себя показал, пора к земле возвращаться. Соскучился, мол.

А я так и не осмелилась спросить, есть ли у него девушка. Это потом он рассказывал, что не дождалась его невеста из армии, а в Находке он постоянную себе так и не нашёл. В море же ходил, кто дождётся?

Вот он ушёл. А меня прямо сковало одиночество. Такая тоска навалилась. Пляжу в окно, ничего не вижу, чёрное всё, редкий-редкий огонёк мелькнёт. Прямо физически боль я ощутила какую-то, словно отодрали от меня кусок кожи.

Сижу, думаю: «Куда я еду? Кому я там нужна?» Не поверите, в душе всё перевернулось, когда он с чемоданом мимо меня проходил. Приостановился, замешкался что-то, и быстро-быстро исчез.

А я вдруг вскочила, растрясла Женьку. Всё, мол, Женька! Счастливого тебе пути! Всё! А сама уже в тамбуре.

«Куда? Зачем? Дура!» — но остановить меня она не успела. Без меня поехала в свою богатую Америку..

Лида остановилась, вздохнула.

— Да, — вздохнула и я. — А если бы он сказал: «Я тебя не звал?»

— Нет, не сказал. Я, когда с поезда прыгнула, упала, ногу подвернула, он меня домой на руках принёс. Мать дверь открыла, так и ахнула.

«Здравствуй, мама! — говорит. — Вот, мама, я тебе и сноху принёс!»

Так у меня и родня появилась. Бабушки-то моей давно в живых не было.

Ох, и хлопот я им доставила: ни документов, ни копейки!..

Всё Витя улаживал... Он у меня, и правда, необыкновенный! И друзей у него много-много. По всему белому свету. И в станице нашей, и в Москве, и в Находке. Любит он людей, и они к нему тянутся. А труженик какой! С нами вот ни в какую не остался. Ты, говорит, подкрепи здоровье, отдохни, и ещё раз попытаем. Третий-то раз, думали, дочку рожу! Ан, нет, опять казачок! Ну, что ж, раз хочется ему дочку..

— Попробуйте, попробуйте, — ещё раз вздохнула я. — Это дело хорошее, Божье дело...

Мы расстались уже засветло, она мне оставила адрес, чтобы я выслала ей сборник стихов, и в тот же день мы уехали в Липецк, а за ними Витя должен был приехать попозже.

Я сама поразились, как захватила меня эта история. Какие-то невидимые винтики вращались и вращались в мозгах, возвращая меня то и дело к двум интернатским беглянкам. И что-то тревожное томило душу, настораживало помимо воли.

Я рассказала про Лиду редактору, и мы вместе порадовались с ней, что хоть одной из нас, бедолаг, досталось настоящее семейное счастье.

Я отослала в Кущёвскую станицу тоненькую книжицу своих стихов, и месяца через два получила ответ. Лида сообщила мне радостную весть — она уже «в положении», и что стихи ей нравятся, и она от них всё так же плачет.

А зимой меня потрясла другая история. Была ли она продолжением Лидиной, касалась ли напрямую её отчаянной подружки, или коснулась лишь краешком, и, обойдя стороной, оставила лишь туманный след, ведущий в далёкую Америку, не знаю. Судите сами.

Это случилось в новогоднюю ночь. Мы праздновали у моего брата, того самого, приятель которого и устроил нам летний отдых в Дюрсо. У него в это время гостил и этот новороссийский друг.

Всю ночь мы бегали по лесу, веселились, играли в снежки, лепили снеговиков, а под утро сидели, пили чай.

Дети наши и мужчины уже спали, а мы, выносливые, как в труде, так и в гулянках, всё сидели, разговаривали. О том и сём, и о предстоящих летних отпусках тоже.

И тут Ирина, жена этого друга, спросила:

— Ну, а в Дюрсо-то вам понравилось?

— Это сказка, — искренне сказала я. — И отдохнула, и винограда наелась!

— А хозяйка как, не вредная?.. Саша-то вас к родственнице хотел поселить, а у неё занято оказалось...

— Нет, не вредная, — ответила я. — С гонором — да, но на то и хозяйка! Зато соседи были хорошие. Особенно одна. Борщ меня научила готовить. По-казачьи...

— По-казачьи? — удивились обе. — Это как же?..

— А вот так! — улыбнулась я. — Вроде, как обычно, но совсем по-другому. Для его приготовления нужны душа и любовь.

Женщины смотрели на меня с недоумением, как на умалишённую. А я повторила:

— Да-да, непременно любовь. Искренняя-искренняя...

— А где же она есть-то такая?! — почти хором воскликнули они, потеряв интерес к моему «рецепту». — Всем только деньги нужны!..

— А вот и не всем.

И я рассказала им про Лиду, про отчаянную её подружку, про бегство из интерната.

Долго они молчали. И вдруг Ирина спросила:

— А сколько лет её старшему сыну?..

— Теперь уже шестнадцать, наверное, — ответила я.

Она что-то подсчитала в уме, вспоминая.

— Так оно и есть... Где-то именно в те годы. Я тогда у вокзала жила, на старой квартире. Девочку у нас на перроне зарезали... Прямо среди бела дня... Мы, помню, боялись даже по городу ходить. По телевизору потом передали, что, скорее всего, залётные какие, дескать, и девчонку не опознают никак. Может, потом нашли — чья?.. Не знаю... Помню только, страшно было. Тогда вообще жить страшно было, а тут на вокзале, рядом с домом. Жуть.

— А может, не она?.. — тихо спросила Вера, жена моего брата.

— Может. Мало их таких, бездомных. Особенно в то время...

— Вполне возможно, что и не она, — подтвердила я, но уже не веря самой себе.

Неужели это была Женька?

Сон мой улетучился. Голова стала ясной. От чая ли, от мыслей, но спать я совсем не хотела.

Мы все легли в зале, и мои собеседницы вскоре засопели мирным сном, а я всё лежала, думала, думала...

А в начале июля Лида прислала ещё одно письмо с радостной вестью — в их семье появилась маленькая девочка. Её назвали Женькой.

РАССКАЗЫ

МАШКА

Памяти моего деда

— Матушка! Машенька! Красавица ты моя! — Дед сидел на чурбаке около поленницы дров и говорил эти ласковые слова, обращаясь к утиной стае.

Пять уток и три селезня мирно клевали из корытца мятую картошку, перемешанную с зерном, запивая водой из многочисленных лужиц.

Буйствовало солнце. Оно на глазах слизывало снег на огороде, образуя все новые и новые проталины, на которые важно, по-хозяйски, опускались белоклювые грачи. Одуревшие от запаха весны вороны оралы, как пьяные мужики в престольный праздник. Прилетевшие накануне скворцы домовито осматривали свои жилища, висевшие на огромных тополях и пустовавшие всю долгую зиму.

Дед снял шапку, подставляя солнцу стриженную под машинку голову. Достал газету, оторвал правильный лоскуток и полез в карман

ПРОЗА

за кисетом. Свернув «козью ножку», он прикурил и пустил струю едкого дыма:

— Машенька! Ну, чего ты не идешь? Гостинца не хочешь?

Одна из уток отделилась и, переваливаясь, направилась к деду. Какой-то из селезней тревожно «захакал», но Машка не обратила на это никакого внимания. Это была дедова любимица.

Она подошла к его ногам и, подняв голову, уставилась на деда черными бусинками глаз. Дед опустил ладонь к земле, а Машка стала нежно пощипывать ее, ожидая гостинца. Дед заулыбался, достал из кармана ломоть хлеба и начал крошить его мелкими кусочками, подавая затем на ладони Машке. Она ела неторопливо, важно, подергивая головой и запиная талой водой из лужицы. Насытившись, стала приводить себя в порядок. А дед гладил пальцем ее головку, шейку, словно помогая ей стать еще красивее...

Машка была подсадной, да такой, что охотники в округе при упоминании Машки только вздыхали. Не было ей равных. Любой селезень, заслышав призывный Машкин крик, терял голову и летел прямо под дедов выстрел. Никогда он не цеплял ей на ногу «нагавку». Сажал ее в ящик и пускал на воду. Отработывала она зарю, подходила на зов к деду, опять в ящик и — домой. Как ни просили деда сыновья и зятя дать им на зарю Машку — ни за какие деньги. И думать забудьте! — скажет дед и отвернется. Была Машка не такая, как все утки. Маленькая, меньше всех, темная. Беленькие перышки — только под крыльями. Умела постоять за себя. Даже петух, который не упускал случая клюнуть какую-нибудь из уток, делал вид, что Машку не замечает, и обходил ее стороной.

Вдобавок ко всему, была Машка однолюбкой. Года два назад осенью зарубили селезня, с которым она постоянно ходила, ну и что? Никого не подпускала к себе, всю зиму жила как монашка. Весной после окончания охоты села на яйца. Посидела да слетела с гнезда. Пропала кладка. А позже с пруда, куда слетались купаться соседские утки, привела Машка себе кавалера. Чем она его околдовала — одному богу известно. Только бросил он своих двух красавиц и приперся за Машкой на чужой двор. Чего только не делал с ним сосед. Уносил вечером и запирал на несколько дней — бесполезно. Пришлось отдать за него своего селезня.

Так и жили Машка да Яшка (так дед стал звать «зятя») — отдельно от остальных уток. Надо заметить, что и пришелец на других уток внимания не обращал. Даже когда Машка сидела в гнезде, он был рядом. Не дай бог подойти! Крылья расправит, шею вытянет да как зашипит! И утят водили вдвоем.

За все за это и любил дед Машку, души в ней не чаял. И сейчас, греясь на солнышке, дед разговаривал с ней, как с человеком:

— Потерпи, матушка! Еще неделька, полторы и отведем душу. Вишь, как тает-то. Солнышко-то, оно по сильнее лютого богатыря будет — и снег уберет, и лед взломает. На днях схожу, шалаш подновлю. Заживем.

Дед закрывал глаза от удовольствия, а Машка рядом временами тихонько крикала, словно поддакивая.

Накануне открытия охоты съехались сыновья, зятя. В доме было весело и шумно. Ходили ремонтировать старые шалаши, ставили про запас новые. Бабуля суетилась у печки — такую ораву накормить надо. Еще веселей становилось за столом, когда появлялась пара бутылок. Но допьяна не пили. Как говорил дед — «для порядку и аппетиту». Я любил дожидаться их с охоты. На баню, которая стояла метрах в сорока от дома, заранее прикреплял листок от тетрадки — в надежде, что кто-нибудь даст стрельнуть. Дядьки не давали.

— Нечего жечь патроны, они денег стоят. Вон дождайся деда с отцом, — те пусть дают, хоть весь патронташ расстреляй.

Отец и дед давали стрельнуть разик, а то и два.

— Пусть привыкает, охота — это не баловство, — скажет дед, протягивая ружье.

Ружье было одноствольное 20-го калибра где-то 20-х годов выпуска. Хоть и предлагали деду в складчину купить новую двустволку, но он отказывался:

— Ни к чему, мы как-нибудь вместе доживать будем.

После выстрела сам сходит к бане, посмотрит, и не дай бог промазать — затрещина обеспечена.

Мы с дедом любили друг друга. Хоть и ходил частенько ремень по моей заднице, но мы быстро мирились и обид не помнили. Спустя два-три дня после открытия охоты я дождался на гумне деда. Еще издали увидел его высокую сутулую фигуру, но в походке было что-то необычное. Он шел быстро, размахивая рукой и разговаривая сам с собой. Подойдя ко мне, протянул ящик с подсадной, ружье и, бросив на ходу: «Убери», прошел в дом. Я открыл ящик.

Машки там не было, лишь лежали два убитых селезня. Поставив в сени ружье и взяв селезней, я тоже прошел в дом. В дверях столкнулся с дедом, который мимо меня вышел на улицу. Отдав бабуле селезней, я сказал, что Машки в ящике не было.

— Улетела Машка. Вишь, дед пришел сам не свой. На четвертинку ему дала, в лавку (так она звала магазин) по-

шел. Хватай пирог и беги на улицу, а то под горячую-то руку схлопочешь ни за что.

Весь день дед был сам не свой. Заглядывал на гумно, ходил на разлив к шалашу — Машки не было. Все старались не попадаться ему на глаза и под любым предлогом уйти из дома. После обеда взял у бабули еще на четвертинку, выпил и, забравшись на печку, уснул. Ближе к вечеру бабуля, намяв картошки, пошла кормить свое беспокойное хозяйство. Каково же было ее удивление, когда одной из первых к кормушке подбежала Машка! Бабуля ахнула и бросилась в дом:

— Дед, вставай! Проспишь все царствие небесное! Вернулась твоя шелопутная!

Дед как был, босиком, так и выбежал на гумно. Машка стояла около кормушки и как ни в чем не бывало смотрела на деда. На следующий день он был опять чернее тучи. Машку привязал, чтобы не улетела. В ответ она за всю зарю не подала даже голоса. Купалась да прихорашивалась.

— Шалава! Чего удумала — свободу ей подавай! Принцесса какая! — Дед сидел на своем чурбаке, курил и ругался.

Виноваты были все. Масла в огонь подлил мой отец, вышедший тоже покурить на гумно:

— Она, папаша, у тебя, наверное, соловьиной породы.

— Какой такой соловьиной? — не поняв, переспросил дед.

— Такой. Соловьи в клетке не поют, так и Машка на привязи.

В ответ дед выпалил такую тираду, что отец, бросив недокурную папиросу, убежал в дом.

Будь что будет, решил дед и больше никогда Машку не цеплял. Если в конце зари она не шла к нему, уходил домой, уверовав в то, что Машка дорогу знает. Да и шалаш от дома был недалеко — не более полукилометра. Но душа все равно болела. Дед чаще обычного выходил на гумно, сидел, покуривая, на чурбаке или прогуливался от дома до бани и назад. Глядел, приложив ладонь к глазам на небо. Яшка в это время старался быть ближе к деду. Тоже переживал, тоже ходил, вытягивая шею, смотрел на небо и призывно «хакал». Машка прилетала — Яшка отходил в сторону, отворачивался, делая вид, что обиделся. Но стоило ей посмотреть на него и призывно крикнуть — и бежал Яшка навстречу подруге сломя голову, позабыв все обиды. Так и жила Машка на правах полудикой-полудомашней утки.

Зимой почувствовал дед какой-то надлом в душе. Видно, передал Господь — пора. Истопил баню, напарился. Надел чистое и отправился в свой последний поход. Никому не пожаловался. Лишь бабуле сказал:

— Ты смотри тут, не переживай особо, если что. Поеду, деток проведаю, что-то душа ноет.

Крепкий был человек, с железной волей. Не съел за всю жизнь ни одной таблетки, ни разу не обращался к врачам. До семидесяти лет никто из мужиков не решался выйти с ним побороться.

— На пять минут меня хватит, — смеялся дед. А за пять минут он мог быку свернуть шею.

Навестил старшего сына, побыл у нас, в Черустях, у другой дочери. Наказывал, как жить, что делать. И, не доезжая семи километров до родного дома, умер. Умер на Мизановке, у последнего сына. Умер, сидя за столом, не допив стакана и держа в руке дымящуюся самокрутку.

Отпели, как положено, в церкви, поплакали. Похоронили. Справили девятины. А сороковины пришлись на начало весны, когда прилетели первые грачи и начинало буйствовать солнце. А Машка — подменили Машку. Из бойкой, разбитной красавицы, знавшей себе цену, превратилась она в тихую, замкнутую в своем горе обывательницу. Подойдет к кормушке, поклюет — и в уголок. Не отходил от нее Яшка. Сядет рядом, поправляет клювом ей перышки, тихонько говоря на своем утином языке слова. Слова утешения и любви...

Началась охота. Снова собрались все мужики. Передала при всех бабуля мне дедово ружье. Но ходить на охоту не разрешила — рано еще. И патроны спрятала подальше. Никто не брал Машку на охоту. Боялись. Да и знали, что на привязи она кричать не будет, а не привязать — улетит. Тосковала Машка. Иногда поднималась на крыло. За ней тяжело взлетал Яшка. Они делали круг, второй, третий, подымаясь все выше и выше, словно хотели растаять в голубизне весеннего неба. А может, Машка, чувствуя, как и дед, свой конец, хотела с высоты в последний раз оглядеть родные просторы, где прожила свою утиную жизнь?

Несколько дней спустя, утром, выйдя кормить свое хозяйство, бабуля не обнаружила Машки и Яшки. Их нашли в сарайчике. Машка лежала у гнезда, а Яшка сидел рядом и что-то шептал ей — видно, старался разбудить от вечного сна...

Плакала бабушка, утирая фартуком бежавшие слезы, ревел я. Отец и дядьки терли руками глаза, словно в них попал песок, и отворачивали друг от друга лица.

Через неделю не стало и Яшки. Он вышел на улицу, и его задавила проезжавшая мимо машина. Закопали их вместе, в конце огорода, под начавшей распускаться черемухой...

Идут года. Бежит время. Не стало отца, умерла бабуля. Из всех дядек остался один. До сих пор живут у него далекие потомки Машки и Яшки. И когда, приезжая в гости, я выхожу на гумно, перед глазами встает сидящий на чурбане дед, с неизменной самокруткой в руке, а у его ног — свобододолюбивая и гордая Машка.

БЫЛЬ И БОЛЬ

Сыну Святославу

Богата земля Шатурская! Ох, и богата! Да и как не быть богатой — ведь Мещёра. Бурлит жизнь в лесах шатурских, на многочисленных озерах и карьерах. Чего-чего, а воды здесь хватит на любую европейскую державу. Затихает жизнь в лесу лишь месяца на три зимой. Охота закрыта. Нарушит лесной покой гул егерского «уазика», берегущего налаженную жизнь лесных обитателей, да пройдет на лыжах, прячась за деревьями, браконьер. И опять тишина.

Отойдут лютый январь да метельный февраль, а в марте подпрыгнет солнышко повыше над красотой Мещёрской, нагреет свои лучи теплом, и... запахнет любовью. Вылезет из чащи могучий глухарина, опустится на мартовский наст и начнет бродить, нагнув голову и чертя крылом снег. Знай наших! Забурлила молодецкая кровь! Как у пьяного гусарского поручика. Хочу любви, и все тут! А за пылкую любовь не жалко и жизнь отдать. Да что лесные обитатели, люди — и те головы теряют. Распрямяются после зимы мужские плечи, ударяет удаль хмельной брагой по мозгам. Какой-нибудь старикашка — и тот, завидя прекрасную женскую фигуру, забудет о прожитых годах, дернет плечами, охнет, схватится за поясницу и, махнув рукой, бормоча что-то себе под нос, поплетется дальше... Весна! Ничего не поделаешь! Поет душа, мечется.

Приятно выйти во двор, сесть на пенек и помечтать. Воздух пьяный. Ружье сотни раз проверено, патроны заряжены, остается дело за погодой. Пусть быстрее солнце сгоняет надоевший снег, наполняет водоемы и болота водой, а там, глядишь, потянутся из южных краев птичьи стаи. Не один селезень, тетерев, глухарь сложат за любовь свои головы.

Понаедут из столицы охотники с заморскими ружьями и дорогим снаряжением, поселятся по деревням у друзей, знакомых, родственников. Днем спать, а утреннюю и вечернюю зори — отдай. Каждому хочется вернуться домой с трофеем.

Выложить перед изумленной женой добычу, а потом, на работе, еще долго рассказывать друзьям, как увидел селезня, как затаился, как стрелял и как кричала подсадная. А если кому почастливится добыть глухаря или тетерева, тому и транспорт не нужен. От счастья на крыльях домой полетит. Много охотников принимает в охотничий сезон земля шатурская, всем места хватает. А как не хватать, если одних озер в районе больше десятка. А карьеры, а реки Поля, Воймега, Ялма? А чего стоит одна красавица Бужа, которая катит свои воды на границе Московской и Владимирской областей. Красота!

От красоты дух захватывает. Недаром любили здесь охотиться первый космонавт Юрий Гагарин, конструктор Сергей Королев, да и у зятя генсека Хрущева, Аджубея, дача была на Белом озере. Да что говорить о нашем времени, когда еще десять тысяч лет назад наши предки облюбовали эти места под свои стойбища. В районе села Пустоша, в пойме реки Ялма находили археологи следы их поселений. Домашнюю утварь, каменные ножи и наконечники стрел.

Только не умеет русский человек беречь то, что имеет. Круши, вали — у нас всего вдоволь. А потом спохватится, почешет с удивлением затылок и хмыкнет. Куда это все подевалось? Было, и нет — удивительно! Спихватились люди, завели разные Красные книги, занесли туда то, что уцелело. Хорошо, что еще осталось, чего беречь.

Все это знакомо мне не понаслышке. Работал я лесничим самого крупного в Шатурском районе Черустинского лесничества-заказника. Облюбовали этот заказник разные экологи, гидрологи, «гринписы» — отбою нет. Патриотизмом несет от каждого за версту. Каждый год все новые лица. Можно подумать, что у нас Россия из одних патриотов состоит. А мы, местные, — хапуги, браконьеры и о завтрашнем дне не думаем. Да болит у нас душа, ох как болит!

Профессия лесничего только несведущим людям может казаться романтикой. А на самом деле — непосильный, тяжелый труд. Снег, дождь, метель не отговорка для лесничего. В «уазик» — и в путь. А наступит лето — комары, мошкара, да еще, не дай бог, пожары... А страшней лесного пожара мало что бывает. Но все это уходит в далекое нечто; когда выпадает время, остановишься где-нибудь в красивом месте, разведешь костерок, подвесишь над ним чайник, насадишь на срезанный прутик кусочки свинины и поджариваешь их на огне. А если можно остаться с ночевкой, то за одну ночевку у костра прощаешь все. И метель, и дождь, и мошкару с комарами.

Часто кривил я душой и строил свой день так, чтобы к вечеру попасть на самую восточную точку лесничества и ос-

таться ночевать на берегу красавицы Бужи. Удивлялись некоторые, как это в одиночку в лесу ночевать? А разве в одиночку? Смотри кругом, слушай. Жизнь кипит. Летом птицы поют без перерыва. Одна смолкла, другая начала. Прошла минута — и опять все засвистело, защебетало. Да и летние ночи ночами не назовешь. Потухло все на западе, потемнело. Пора бы и спать. Бросишь сена, на него телогрейку. Лежишь, смотришь на умирающий огонь, на появляющиеся звездочки на небе. Вроде, забываться стал, глаза слипаются. А там, далеко-далеко на востоке, кто-то поджег огромные ометы сена, и... запылало. Огонь все ближе, ближе — какой там сон, пора вставать. Хлебнешь остывшего чайку, удочки в руку и к воде. Ополоснешь лицо и сидишь, ждешь, когда какой-нибудь язь или окунь отважится сделать тебе подарок. Туман над водой, а из тумана, как в сказке, выплывает утка со своим семейством, оставляя на гладкой воде ровные дорожки. Увидит человека, испуганно крикнет, и все семейство — назад, в спасительный туман.

Солнце все ярче, птицы все звонче, начинается новый день. Пора и назад в Черусти, в лесничество. А дорогой-то еще не раз остановишься, чтобы полюбоваться красотой леса. Хоть и едешь постоянно, но каждый раз видишь что-то новое. То ежевика начинает чернеть, то дорогу перешло стадо кабанов, копая рылом в придорожных кустах, то глянуть, не появились ли грибы. Все хочется узнать, все хочется увидеть. Малы сутки, не хватает времени. Да и заказник более 12 тысяч гектаров, целое государство. Более десятка видов трав в заказнике занесены в Красную книгу. Облюбовал эти места орел-змееяд, но гнездится он в труднодоступных, непроходимых местах. Живут в болотах серые журавли — птица редкая и осторожная. Да что там говорить! Если даже в наше перестроечное беспредельное время, когда всем и на все наплевать, не посмела безжалостная человеческая рука прикоснуться к тем местам, на которые наложено «табу». Все виды хозяйственной деятельности запрещены — глухариные тока. И живет там могучее птичье племя, оглашая весной окрестности страстной любовной песней.

Но как безжалостны порой бывают люди, готовые за кусок мяса запродать хоть черту душу! Облюбовала место под гнездо в 54-м квартале глухарка. Облюбовала почти у дороги, возле старого упавшего дерева, среди засохших сучьев и кустов ежевики. Частенько я вспугивал ее, когда она выходила поклевать камешки на дорогу. Мне стало интересно, и как-то раз я остановился и, перепрыгнув через канаву, пошел вдоль берега. Стараясь увидеть гнездо. Отчаявшись, уже

направился к «уазику», как вдруг заметил глухарку. Она сидела на гнезде, сжавшись и закрыв глаза. Нас разделяло чуть более метра. Я замер. Прошла минута. Она открыла один глаз и снова испуганно закрыла его. Спустя некоторое время открыла глаза и посмотрела на меня. Материнский инстинкт был сильнее страха. Я осторожно отошел и уехал.

Потом я еще два-три раза подходил к гнезду, и она уже не закрывала в испуге глаза. А через некоторое время увидел ее в сопровождении четырех пушистых комочков.

На следующий год она там же выводила свое потомство. То ли признала меня и мой «уазик», то ли еще чего, но при виде машины уже не улетала с дороги, а отходила к обочине, давая мне возможность проехать. Я тормозил и в открытое окошко сверху смотрел на нее. Она поднимала голову, и мы встречались глазами. Ну что, дурочка, уставилась? Лети, ведь застрелит кто-нибудь! Она молчала и лишь удивленно мигала бусинками глаз. Прошел еще год. Мы уже, наверное, стали друзьями.

И вот, не увидев ее несколько раз, я забеспокоился. Вылез из машины, перепрыгнул через канаву и подошел к гнезду. Там сиротливо лежали пять яиц. Я дотронулся — они были холодны. Страшная догадка ударила в голову. Выбравшись на дорогу, я закурил, и стал бродить, вглядываясь в заросли по сторонам. К кустам кипрея прибило ветерком несколько коричневых перышек, видно, выбитых выстрелом... Кровь молотками ударила в виски, все сильнее и сильнее. Господи! За что?

И в глазах сразу ясно всплыла картина прошлого. Я, двенадцатилетний пацан, принес домой с утренней зари убитую утку. Мне первую весну, несмотря на протесты матери и бабули, доверили ружье, и я был горд своим трофеем. Дома важно бросил добычу к печке, и увидев потемневшее от гнева лицо деда, — завыл. Но ничто не помогло. Зажав мою голову меж колен, дед полосовал меня ремнем, отчетливо приговаривая:

— Запомни, негодник! Баба — она везде баба! Будь то утка, будь то тетерка, будь то лосиха. Без бабьего племени — жизнь на земле закончится.

...Я держал в руке глухариные перышки и не мог поверить, что ее больше нет. Где ваше сердце, люди? Как можно? Не в силах справиться с собой, я схватил лежавшую на сиденье «уазика» «Сайгу» и, передернув затвор, вскинул ствол в небо. Пять выстрелов хлестнули эхом, как плетью, вдоль дороги, отдавая дань памяти глухарке, которая за доверчивость к людям заплатила своей жизнью.

Евгений СОКОЛОВ,
протоиерей, руководитель миссионерского отдела
Архангельской и Холмогорской епархии

ЕЩЕ РАЗ О НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕЕ

Вот слова президента на Валдайском форуме в 2013 году: «Сегодня мы в своем служении сталкиваемся с невиданной доселе проблемой: отсутствием национальной идеи в нашей стране. Есть множество определений национальной идеи, скажу близкое мне. Итак, что же такое национальная идея: это четко и ясно сформулированная и аргументированно развернутая историософская позиция, объясняющая духовный смысл существования данных народов на данной территории.

Национальная идея — это не идеологическая роскошь, обеспечивающая работой философов и политологов. Национальная идея — это принцип, на основании которого строится вся национальная политика, как внутренняя, так и внешняя. Не имея национальной идеи, государство, по существу, не имеет компаса в бурном море исторического существования. В том, что национальной идеи у новой власти нет, мы убедились, когда президент Ельцин в 1994 году призвал политологов сформулировать подобную идею — тем самым было признано официально, что ее нет. А значит, невозможно существование никаких доктрин: ни военной, ни внешнеполитической, ни религиозной, ни образо-

РУССКИЙ ВОПРОС

вательной. Так как все эти доктрины призваны только укреплять общенациональную идею, развивать и уточнять ее. Раз ее нет, то не может быть и инструментов, проводящих эту идею в жизнь.

Самое печальное, пожалуй, что тогда был объявлен своеобразный конкурс на лучшую национальную идею, т.е. национальную идею превратили в рыночный товар, подчинив ее законам маркетинга. Однако еще блаж. Августин учил, что существуют два типа блага. Один тип таков, что если кто-то обладает этим благом, то другие автоматически его лишаются. Второй же таков, что обладание этим благом не препятствует обладать им другим. Эти блага неисчерпаемы, их нельзя продать, как товар. Ими либо обладают, либо нет. Вот к этим благам и относится национальная идея. Современные попытки изобрести её заново, к чему нас призывали, смехотворны и кощунственны одновременно. Национальная идея либо есть, либо ее нет. Нельзя заново изобретать, скажем, кибернетику. Либо мы признаем за ней статус науки и пользуемся ее достижениями и открытиями, либо не признаем со всеми вытекающими последствиями. Но кибернетику изобрести заново нельзя. Так и с национальной идеей. Присутствуя в общественном сознании, она может по-разному выражаться в различные исторические периоды. Но национальная идея либо признается, либо отвергается, но ни в коем случае не изобретается. Если о каждой, призванной к жизни душе, есть промысел Божий, то, конечно же, промысел Божий есть и о каждом народе, о каждой стране. И каждый народ должен воспринять это своеобразное духовное задание Божие как национальную идею. И, принимая ее, народ тем самым присягает своему Создателю на верность служения Ему, на несение порученного народу духовного Креста.

Сегодня по данному вопросу у нас в стране абсолютный тупик. Власть всеми силами уклоняется от своей главной законодательной обязанности — конституционно оформить национальную идею страны. Никакие законы, никакие доктрины не должны приниматься, пока национальная идея не озвучена, пока власть не объяснит народу, в чем духовный смысл его существования. Иначе вся нравственная жизнь общества будет официально ограничиваться только уголовным кодексом, что, собственно, мы и наблюдаем. Каждый новый входящий руководитель без озвученной национальной идеи вправе будет разворачивать политику своего ведомства, министерства, всей страны по своему усмотрению. И те многочисленные реформы, которые происходят и, видимо, дальше будут происходить в нашей жизни, всегда осуществляются на законных основаниях. Ибо духовную и нравственную составляющую в рамки юридических законов не вместить».

Прошу прощения за длинную цитату, но еще раз хочется подчеркнуть, что есть простые истины. Любая партия, любой человек, стремящийся во власть, должны знать, какой национальной идее они собираются служить. Иначе всё служение превращается в исполнение приказаний вышестоящих руководителей, и не исключено, что со временем такая работа может быть признана ненужной и вредной, а люди, исполнявшие ее, просто врагами.

То, что о национальной идее заговорят руководители государства, надежды не было никакой. Но вот — валдайская речь президента России Путина, где вервье за последние 22 года всерьез говорится о национальной идее. Читаю комментарии различных политических обозревателей, своих собратьев священнослужителей: сколько различных (в основном радостных) эмоций, сколько надежд... Но первое, что приходит на ум: а что случилось? Неужели раньше было непонятно, что подобные эксперименты над народом недопустимы — жить 20 лет без национальной идеи? Приходят и горькие воспоминания, когда во время своего первого президентского срока наш нынешний лидер предложил свою национальную идею — создание конкурентоспособной экономики, видимо, забыв, что национальная идея имеет духовную сущность. Ну да ладно, лучше поздно, чем никогда, хотя горечь от прожитых бесцельных лет все равно никак не оставляет. Но вернемся к валдайской речи президента. Сразу оговорюсь: пишу о своем восприятии данной речи. Что главное для себя услышал — цитирую:

«После 1991 года была иллюзия, что новая национальная идеология, идеология развития, родится как бы сама по себе. Государство, власть, интеллектуальный и политический класс практически самоустранились от этой работы, тем более что прежняя, официозная идеология оставляла тяжелую оскомину. И просто на самом деле все боялись даже притрагиваться к этой теме. Кроме того, отсутствие национальной идеи, основанной на национальной идентичности, было выгодно той квазиколониальной части элиты, которая предпочитала воровать и выводить капиталы и не связывала свое будущее со страной, где эти капиталы зарабатывались. Практика показала, что новая национальная идея не рождается и не развивается по рыночным правилам. Самоустроение государства, общества не сработало, так же как и механическое копирование чужого опыта. Такие грубые заимствования, попытки извне цивилизовать Россию не были приняты

абсолютным большинством нашего народа, потому что стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому, внешнеполитическому суверенитету — неотъемлемая часть нашего национального характера».

Замечательные слова! Правда, с привкусом того, что последние 12 лет и до сего дня у власти находятся именно те люди, которые «практически самоустранились от этой работы». Из речи президента непонятно, какие конкретно люди и организации устранились от своей главной политической задачи? Это все-таки нужно знать, чтобы впредь подобные стратегические ошибки не повторялись.

Духовный крест нации

Следующая цитата. «Мы также понимаем, что идентичность, национальная идея не могут быть навязаны сверху, не могут быть построены на основе идеологической монополии. Такая конструкция неустойчива и очень уязвима, мы знаем это по собственному опыту, она не имеет будущего в современном мире. Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое. Это главный аргумент в пользу того, чтобы вопрос идеологии развития обязательно обсуждался среди людей разных взглядов, придерживающихся разного мнения о том, что и как нужно делать с точки зрения решения тех или иных проблем. Нам всем: и так называемым неословянофилам, и неозападникам, государственным и так называемым либералам — всему обществу предстоит совместно работать над формированием общих целей развития».

Здесь уже возникают вопросы. Обществу над чем предлагается поработать? Над воплощением национальной идеи или над ее очередной разработкой и формулировкой? Если над разработкой, то мы призваны повторить ту, действительно огромную работу большевиков, которые разработали и умело навязали нашему народу внешне привлекательную национальную идею — построение светлого будущего на основе коммунистической идеологии под руководством КПСС. Как и положено, они закрепили данную разработку в статьях Конституции и создали очень привлекательный механизм по воспитанию человека, который будет воплощать данную национальную идею в жизнь в виде «Морального кодекса строи-

теля коммунизма». Можно вспомнить знаменитую речь Ленина на Третьем съезде Коммунистического союза молодежи в 1918 году, когда власть еще шаталась от слабости, а он призвал юное поколение «учиться, учиться и учиться коммунизму». Изучать основы нового учения о светлом будущем. И был глубоко прав, добиваясь своей цели, ибо без принятия национальной идеи в свое сердце народ жить в соответствии с ней не станет. А для этого ее нужно хорошенько изучить. Все большевики теоретически делали правильно, кроме одного. Увы, Бог был забыт в этом учении, Творцу мира места в данной национальной идее не нашлось. И все закончилось постройкой очередной Вавилонской башни. Потому что духовная аксиома напоминает нам простую истину: национальная идея — это промысел Божий, воля Божия, духовный Крест, который Бог вручает народу, и без несения этого Креста государство жить не сможет. «Без Бога не до порога».

Русские перестали быть народом?

Еще одна цитата из Валдайской речи: «...националисты должны вспомнить, что Россия формировалась именно как многонациональное и многоконфессиональное государство с первых своих шагов, и что, ставя под вопрос нашу многонациональность, начиная эксплуатировать тему русского, татарского, кавказского, сибирского и какого угодно еще любого другого национализма и сепаратизма, мы встаем на путь уничтожения своего генетического кода. По сути, начинаем уничтожать сами себя».

Здесь совершенно ничего не понятно. Только давайте оставим в стороне ярлыки, а рассмотрим просто факты. Я неоднократно писал (и, право, поднаоело), что есть международные критерии, которые определяют, какое государство считается многонациональным и многоконфессиональным, а какое мононациональным и моноконфессиональным. По данным статистики более 80% населения являются русскими, и подавляющее большинство из них крещены в Православии. И именно поэтому Россия — мононациональное и моноконфессиональное государство. В нашем государстве на протяжении почти тысячи лет мирно уживались народы многих национальностей и разных конфессий потому, что основной этнос нашего государства — русский. Православный народ был на редкость веротерпимым, добрым, любящим и сильным. Таким он был потому, что вера Православная его именно этому учила. На русский народ можно было опираться, искать у него защиты от внешних врагов и внут-

ренных нестроений. И он на протяжении столетий нес главный жертвенный подвиг по сохранению национальной идеи, а другие народы ему в этом помогали.

Когда я выступаю перед студентами разных национальностей, то привожу в пример мусульманских воинов (басмачей) из Средней Азии, которые присягали русскому царю на Коране. И до начала Отечественной войны бились с Советской властью, будучи верными своей присяге. Данный пример, который я впервые услышал в телевизионном выступлении митрополита Кирилла (будущего Святейшего Патриарха), прекрасно показывает, как берегли народы своего главного защитника, главный этнос своей страны. Почему сегодня в конституциях различных наших республик есть статьи, где открытым текстом вписаны положения заботы о своем народе, а о нас, русских, нигде и ничего? Мы что, перестали быть народом? Почему Коран можно изучать в государственных школах республик, где преимущественно мусульманское население (и молчат, смиренно молчат наши крикливые правозащитники, как в рот воды набрали, научили их мусульмане уважать свои религиозные взгляды). А мы 20 лет предмет «основы Православной культуры» ввести в основную сетку расписания не можем? Возмущение именно тогда и начинается, когда нет никаких иных возможностей противостоять подобным издевательствам, которые происходят с тем же преподаванием ОПК. Но, право, сколько можно глумиться над здравым смыслом. Свободно преподавать Коран на уроках можно, а нам, православным, ничего нельзя. И длится подобное десятилетиями, и терпим, терпим. А когда терпение кончается, нам вешают ярлык националистов. В конце концов, руководители государства должны представлять, какой страной они руководят. Но постоянное утверждение, что мы многонациональное и многоконфессиональное государство, вызывает недоумение: или притворяются, или не знают, или присутствует синдром нынешнего американского госсекретаря.

Когда многие журналисты написали, что либеральное общество было удовлетворено встречей на Валдае, то я понял почему: они услышали главное — национальной идеи в России по-прежнему в ближайшие годы не будет. А это главное, чего они так боятся. Услышать из уст руководства страны слова о том, что Бог нам дал простую и ясную национальную идею: «Русь Святая! Храни веру Православную, в ней же тебе утверждение!» — для них просто нестерпимо. Но, похоже, ближайшие годы будут отданы поиску и дискуссиям о национальной идее. Более того, когда ее утвердят, провозгласят и

запишут в Конституции (при нашей демократии времени на споры уйдет много), то нужно будет еще разработать механизм воспитания человека, который данную национальную идею будет воплощать. Право, так бы хотелось дожить и услышать, что сумеют в этой области придумать наши властямущие?

Уголовный кодекс — мерило нравственности

Кстати, многие ли из нас задумывались над тем, какой моральный кодекс сегодня действует в нашей стране без продекларированной национальной идеи? Напомню, что по умолчанию духовный вакуум занимает примитивная идея: «Хлеба и зрелищ». И в соответствии с ней официально сегодня действует кодекс, который определяет духовный уровень человека, призванного данную идею воплощать. Возможно, многие забыли, напомню: первый президент России Б. Ельцин официально провозгласил: «Можно все, что не запрещено законом». Другими словами, кодекс по воспитанию человека, который принят нынешними властями, укладывается в рамки Уголовного кодекса России. УК РФ нарушать нельзя, все остальное в духовно-нравственной области не возбраняется. Данное положение первого президента никто не отменял, и оно воочию действует сегодня в нашей стране.

Накануне Всемирного потопа, пока праведный Ной строил свой ковчег, на землю обрушивались страшные природные катаклизмы. Бог призывал человека к покаянию, исправлению своей жизни, но человечество осталось глухо к этому призыву. Испытание огнем 2010 года, испытание водой в 2013 году никак не воздействовали на очерствевшие, теплохладные души наших правителей. Неужели не понятно, что такие катастрофы — прещение Божие, наказание за безбожную жизнь. Когда подобное происходило в прошлые времена, люди все хорошо понимали и говорили: «Нас посетил Бог». Но мы так и не услышали от наших светских властей ни одного покаянного слова, они не почувствовали посещения Божия. Более того, меня просто потрясло распоряжение президента к следственным органам — проконтролировать действия местных властей на Дальнем Востоке по расходованию денег при ликвидации бедствия. Иными словами, верховная власть открыто признает, что поставленные ею руководить регионом государственные чиновники могут наживаться на чужом горе. Хотя, если вспомнить, что в основе воспитания нынешней власти лежит Уголовный кодекс, а не заповеди, и даже не моральный кодекс коммунистов, то все становится на свои места.

Вспомним строчки Евангелия: «В это время пришли некоторые и рассказали Ему о Галилеянах, которых кровь Пилат смешал с жертвами их. Иисус сказал им на это: думаете ли вы, что эти Галилеяне были грешнее всех Галилеян, что так пострадали?»

Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете. Или думаете ли, что те восемнадцать человек, на которых упала башня Силоамская и побила их, виновнее были всех, живущих в Иерусалиме? Нет, говорю вам, но, если не покаетесь, все так же погибнете» (Лк. 13; 1-5).

Такое впечатление, что эти грозные слова Христа обращены прямо к нам. Честно сказать, в свои юные годы, читая пророчества о будущих бедствиях и реакцию на них людей, которые будут жить в то время, я никак не представлял, что подобные духовные слепота и глухота будут возможны, но вот живем...

«...Ибо, как во дни перед потопом ели, пили, женились и выходили замуж, до того дня, как вошел Ной в ковчег, и не думали, пока не пришел потоп и не истребил всех, — так будет и пришествие Сына Человеческого» (Мф. 24; 37-39).

Церковь служит Богу в Таинствах, в молитвах, в научении Св. Писанию. Духовно хранит чистоту веры Православной, которую поручил нашей стране Господь. Светская власть призвана решить, желает ли она служить Богу, становясь внешней оградой Церкви, охраняя ее от внешних и внутренних врагов. А для этого нужна территория, которую охраняет сильная, хорошо вооруженная армия, которой нужны сильные, физически крепкие и духовно хорошо образованные воины. А потому нужны хорошее образование, наука, сильная конкурентоспособная экономика (кто же против?), здравоохранение, развитые промышленность и сельское хозяйство и много, много еще чего нужно, чтобы все наши народы спокойно и мирно жили в своих городах и всяях, независимо от их национальности и вероисповедания. Потому что они будут хорошо знать, что данная России от Бога национальная идея, выраженная словами святителя Афанасия (Сахарова), — «Русь Святая! Храни веру Православную, в ней же тебе утверждение!» — выполняется нашими народами, каждым по-своему. Народы, исповедующие другую веру, своим процветанием в России будут укреплять общее могучее дерево последней Православной империи.

А теперь приведу еще одну цитату из валдайской речи президента: «Россия — как образно говорил философ Константин Леонтьев, — всегда развивалась как «цветущая сложность», как государство-цивилизация, скрепленная русским

народом, русским языком, русской культурой, Русской Православной Церковью и другими традиционными религиями России».

Именно так. Русский народ был тем корнем, тем несущим стеблем, на котором росли ветви и цвели цветы других культур и народов, а посему не дело рубить корень, тогда все засохнет. И очень хочется, чтобы наши власти это, наконец, поняли: не изобретается национальная идея, а дается Богом, все остальное от лукавого.

Сергей БЕНДИН

МОСКВАБАД

Как правило, приехавшие в столицу гастарбайтеры, привыкшие к определённому образу жизни, стараются адаптировать мегаполис под себя. Именно массовый характер трудовых мигрантов обусловил появление такого явления, как Москвабад, — цивилизация, территориально совпадающая с Москвой, но живущая по другим правилам, в другом измерении и времени...

Риторика, направленная против иммигрантов, в России сейчас на подъёме. Это в тренде и имеет под собой реальную почву.

По некоторым оценкам, число обитающих в столичном мегаполисе мигрантов приближается к 4 млн. причём меньше половины из них имеют официальную регистрацию.

В европейских столицах: Париже, Берлине, Лондоне и др. — миграционная толерантность сегодня дорого обходится населению. Градус противоречий между населением и «понаехавшими» постепенно приближается к опасной черте. В безуспешной истерике Евросоюз пытается выдворить цыган и заставить мусульманские общины жить по законам Евросоюза...

Инъекция гуманитарности и толерантности для парижан — утренние пробуждения от призывов муэдзинов, для лондонцев — привыкание к грабежу мигрантами-«бородачами» в подворотнях... Однако осознание перспектив такой «свобо-

ды» для мигрантов в Евросоюзе только началось, и, вероятно, прозрение не за горами.

Разрастание мусульманской общины в Европе, где права человека превыше самого человека, — ставит правящие элиты Европы в тупик. И они не в состоянии нормализовать отношения между мигрантами и коренным населением.

А что в Москве? Здесь наблюдается развитие похожего сценария. Из дня в день тревожные сводки столичных правоохранителей сообщают о совершённых приезжими изнасилованиях, грабежах, драках, убийствах. Понятно, что такое происходит из-за отсутствия вменяемой миграционной политики.

В Москве уже подросло второе поколение мигрантов. Это — молодёжь, в основном со столичной пропиской. Однако в социальную жизнь столицы они по большому счёту не интегрированы. Это обусловлено и этнической, и языковой, и культурной обособленностью, и мусульманским образом жизни с его нормами и правилами. Плюс к этому — в страну постоянно прибывают всё новые и новые «партии» трудовых мигрантов, которые пополняют существующие анклавы квазимосквичей. Этот социальный слой на сегодня уже настолько окреп, что способен по своим правилам организовать свой быт, бизнес, досуг. И такая субкультура на наших глазах начинает развиваться в систему Москвабад.

Это, можно сказать, некий параллельный мир, функционирующий в виде «второго дна» обычной столичной жизни. В Москвабаде — тоже столица, но оформлена она с учётом запросов её обитателей. Коренные москвичи ощущают пульс Москвабада, когда то там, то сям в столице открываются фантомы «другой» столицы в виде какой-нибудь чайхоны, или кафе национальной кухни, или халяльных лавок, или «магазинов для мусульман» и т.д.

Реальные масштабы миграции начинаешь понимать во время празднования Уразы или Курбан-байрама, когда оказываешься в районе любой московской мечети, где все прилегающие улицы буквально «непроходимо» заполнены молящимися мусульманами. Конечно, это не вызывает у москвичей восторга. Но вместо пересмотра миграционной политики и её кардинального изменения московские чиновники пытаются задобрить армию мусульман, разрешая строительство новых мечетей. При этом мнение москвичей о постройке мечетей в Текстильщиках или Митино, конечно же, не учитывалось...

Такой бесконтрольный рост мечетей имеет свою оборотную сторону. Проблема в том, что ислам в отличие от христианства не имеет чёткого конфессионального структурирова-

ния. В исламе нет «церкви», и в каждой мечети есть свой мулла, который проповедует ислам согласно своим воззрениям и убеждениям. Поэтому всё чаще на территории московских мечетей появляются ваххабитские вербовщики. 27 сентября с. г. в «Ютубе» выложили запись пламенного выступления на несанкционированном митинге мусульман у мечети Ярдям возле московской станции метро «Отрадное».

На видео мусульманский оратор провозглашал войну против России и призвал верующих мусульман к священному джихаду. И это открыто происходило в сердце России среди бела дня!

Безынициативная позиция властей, делающих много заявлений, но не принимающих при этом конкретных мер, однозначно загоняет проблему в угол. Власти расписываются в неспособности обуздать коррупцию, из-за которой система госконтроля в области миграции попросту не работает. И это в то время, как процесс сращивания ваххабизма, бюрократии и бизнеса идёт семимильными шагами, в результате чего образуются так называемые «ваххабитские холдинги», которые, собственно, и лоббируют существование оторванного от гражданского мегаполиса «второсортного» бесправного социума под названием Москвабад.

Конечно, проблему Москвабада надо разрешить как можно скорей, даже несмотря на необходимость прибегнуть к непопулярным или весьма жёстким мерам. Чтобы успеть до «точки невозврата» что-то сделать, уже сейчас нужно принять закон о въезде мигрантов в Россию исключительно по заграничным, а не внутренним паспортам их стран... И беспокоиться об этом нужно первым лицам государства.

Андрей СОШЕНКО

ДА ЗДРАВСТВУЕТ АЗИОПСКИЙ НАРОД!

Забрасывать сухими ветками пламя — эффективный метод тушения пожара. Именно этим занимается наше государство на протяжении последних лет десяти в сфере нацио-

нальной политики. Если хвороста много (то есть болтовни о «дружбе народов», «толерантности», терпимости, безнациональной преступности, «формировании новой общности россиян» и т.п.), то на короткое время пламя можно и скрыть, заболтать. Как возгорится потом? Не важно. Пусть оно «горит всё синим пламенем»!

Кто-то там приводит статистику резко усиливающейся этнической преступности? С этим бороться очень просто: объявлять все преступления «бытовыми». Вновь зарезали русского парня? И вновь зарезал мигрант? Какое досадное совпадение! Ведь у «преступности нет национальности». Вновь изнасилование? И опять насильники «горячие южные парни»? Не стоит акцентировать внимание на национальности. Дело «житейское» — «бытовуха».

Не важно, что «диаспоры», «общины» и «сообщества» нацменов на русских территориях занимаются укрывательством своих преступников, защитой и покровительством соплеменников, что бы те ни совершили. Нужно просто усиливать государственную поддержку «диаспорам» и национальным «общинам». «Дружбу народов» (всех против русских) нужно поддерживать. А вот на русские традиционные самоорганизации и патриотические общественные объединения — обращать внимания не стоит, пусть барахтаются сами по себе, авось — загнутся.

Не важно, что политика «мультикультуризма» в Европе уже признана провалившейся. Нужно просто идти вперед, формируя «новую идентичность», вбивать русским «толерантность», заставлять их терпеть глумление над собой и своей великой культурой, мириться с бездействием местных властей.

Кто-то обращает внимание на то, что практика организации «культурных центров» для национальных меньшинств и всевозможных общественных советов по межнациональной дружбе не решает никаких проблем, а только формирует эту самую «мультикультурную» русофобскую среду? Ведь в таких «общественных советах» из русских обычно присутствуют только либералы и правозащитники с русскими фамилиями, остальные — всё сплошь авторитетные представители уважаемых диаспор и общин. Ничего, надо усиливать пустую риторику, забрасывать костер опилками.

Кто-то говорит о негодной миграционной политике? А она вообще нужна в «многонациональном» государстве? Пусть лучше директор миграционной службы Ромодановский расскажет всем ещё раз про «необходимость привлечения в Россию мигрантов».

Побольше хвороста в огонь! И масштабнее действовать, на всю страну, через телевидение и радио доносить мнение

пламенных борцов за права человека (как Сванидзе). Если слово русским интеллигентам и давать, так разбавлять де-сятком либералов и кавказских авторитетов (как Абдулатипов или Кадыров).

А для русских в областных центрах можно создать «дома толерантности», пусть им там мозги промывают принципами мирного сосуществования разных народов... на исконно русских землях.

Кто-то там говорит, что строительство мечетей на русских территориях приводит к увеличению центров «джихада» против России и русских? Ерунда, обман зрения.

Куда податься увеличивающейся геометрической прогрессией массе мусульман? Конечно — в мечети. Права человека, права национальных меньшинств, то бишь, превыше всего. Ну а права русских? Обойдутся русские. Чай не впервой.

А те, кто не хочет всё это понимать и принимать? Так те — «фашисты»! Русские националисты, шовинисты и ксенофобы! Они, видите ли, смеют защищать своих близких, самих себя и русских вообще... Любого русского, присоединившегося к «сходу граждан» (как это было в Бирюлёво), протестующего против беспредела нацменов, нужно называть «фашистом». «Охоту» объявлять — прежде всего, на них (а не на этнических преступников), они же попирают «дружбу народов», да еще и общественный порядок нарушают! А как только какое-то организованное выступление русских против беспредела — сразу нужно объявлять, что это является чем-то из разряда вон выходящим, организованным «русскими мракобесами».

И не важно, что уже давно ясно, что интеграции мигрантов в русское пространство не происходит и никогда не произойдет. Не важно, что уже сформировалась на русских территориях чуждая для государства, альтернативная и враждебная русскому миру, мультинациональная среда. Не важно, что еще чуть-чуть, и этнические банды начнут уже открытую горячую войну, бегая за русскими с ножами и наганами. Не надо государству принимать никаких мер в миграционной, трудовой и культурной сферах. Вернее, нужно только вести разговоры о необходимости таких мер (что лет десять и наблюдается), но ничего не предпринимать. Довести до полномасштабных беспорядков! В этой-то «бытовой» войне организованных нацменов с русским населением и выкристаллизуется «новая общность россиян».

А потому государству нужно уделять особое внимание не государствообразующему русскому народу, а «этнокультурному развитию народов России».

Да, трудно приходится правительству Д. Медведева. Дефицит бюджета, сокращение расходной части бюджета по всем статьям и всё такое. Не позавидуешь Дмитрию Анатольевичу, экономить приходится, думать о сокращении расходов, например, на культуру, науку, образование, демографию. Ну, ничего. Главное, чтобы основные вопросы решались, такие, как — формирование «новой общности россиян».

Сложные экономические условия не мешают правительству планировать расходы на «этнокультурное развитие народов России». Целую государственную программу в конце августа прошлого года приняло правительство под названием «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014—2020 годы)». Расходы бюджета — почти 7 миллиардов рублей (к этим 7 можно прибавить ещё 1,5 миллиарда на создание в крупных центрах России «Домов толерантности»).

Кто-то может спросить: хоть какая-то часть средств пойдет на развитие и сохранение русской культуры или русского языка? Нет. Программа посвящена иному, несоизмеримо более важному — «русской нации» и этнической культуре.

«Русский народ», значит, уже «построили». Его ещё никто не видел, но, говорят, построили. Теперь можно и «российскую нацию» создавать.

Справедливости ради нужно отметить, что «русская нация» впервые фигурирует в другом, не менее значимом документе — в «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной Указом президента от 19 декабря 2012 года №1666 (как красиво смотрятся шестерки!).

Понимаете, какая штука?! Какой высокий полет мысли документов! Укрепляют «единство российской нации» «этнокультурным развитием» всех народов России в равной степени. За исключением поддержки русского народа.

И не важно, что «русской нации» (так же, как и «русского народа») не может существовать в природе, ибо, нация — этническая и культурная общность великого народа. Не важно, что в правительственной программе происходит смешение понятий нации и гражданской принадлежности людей к государству. Главное — движение (прямо по заветам Троцкого: «Цель — ничто, движение — главное»).

Движение кого и куда? Чтобы понять, достаточно внимательно вчитаться в название программы: движение несуществующей и никогда не могущей существовать нации по пути «этнокультурного развития народов России». А этнокультурное развитие в контексте этой высокой программы — другое

название мультикультуризма, того самого, который строили в Западной и Центральной Европе, а теперь не знают, что с ним делать.

Укрепляют то, чего не может быть, тем, что разрушает государство.

Вы думаете, такой вывод всего-навсего домысел? Буду рад, если не поверите на слово и проверите сами, просмотрев саму федеральную программу.

Между тем, на просторах Российской империи существует и будет существовать только русская нация, сплывающая вокруг себя все иные народы России. Других наций — не будет.

Ах, да! У нашего премьера свой оригинальный взгляд на историю России и вообще на существо вопроса! Ведь Россия, по словам Медведева, «молодая страна», которой в «2011 году исполнилось 20 лет» (из новогоднего поздравления «россиянам»). Ну а коль страна такая «молодая», то нужно формировать «гражданскую нацию», отбросив в сторону классическое и общественно верное для России понимание нации как духовной общности великого народа с единым языком и общим устремлением.

А какая трогательная забота в правительственной федеральной программе об этнической культуре! Сколько внимания, например, уделяется «этнокультурному разнообразию», «общегражданской идентификации» и «защите языков национальных меньшинств»!

Можно было бы порадоваться, если бы акцент делался на поддержке, скажем, народов Севера или этнокультур малых народов, которые имеют меньшинство в своих национальных республиках. Эти народы действительно нуждаются в поддержке.

Так ведь нет. Поддержка по правительственной программе будет осуществляться культурам, которые и так имеют федеральную поддержку в национальных республиках, которую нацмены уже не знают куда девать. Впрочем, знают. Например, на закупку футбольных звезд, как в Дагестане и Чечне, или строительство и помпезное открытие неприлично дорогих «культурных» бизнес-центров и небоскребов-рекордсменов, как в Чечне, которые к тому же потом и горят («по воле Всевышнего», как сказал Кадыров). Еще от щедрот государственной «поддержки» очень любят активизироваться татарские националисты в Татарстане, рассуждающие, в частности, о необходимости перехода татарского языка с кириллицы на латиницу. Ну и так далее.

Не от такой ли «поддержки» культурно «воспитанная» молодежь из северокавказских республик почему-то кочует в исторические русские районы и демонстрирует тут свои «лучшие» образцы «культуры»? И не от такой ли «поддержки» взра-

щиваются потенциальные убийцы, извращенцы, сепаратисты и религиозные экстремисты, переезжающие из одного региона мира в другой, чтобы уничтожить мирных жителей и перед телекамерами пожирать сердца «неверных»?

Я даже знаю, что будет лет этак через десять, если продолжится нынешняя «россиянская политика» и если сейчас не отстоять святое понятие: «русский народ». Наступит момент, когда «прогрессивную» либеральную общественность вкупе со всеми малыми народами той будущей страны «россиян» перестанет устраивать и понятие «российский народ». Как-никак, скажут, упоминается название великой ранее страны — России, той самой страны, которую основали, и развивали, и сделали достославной именно русские. И где вера русских, спросят, во имя истины которой и стояла великая Русь? Ведь теперь у нас мечети да синагоги кругом, церквушек всё меньше. А где великая русская культура? Ею кто-то интересуется? Нет, мы же воспитали молодежь в духе «новой культуры». Да и где они сами, спросят, эти русские? В сёлах да в малых городах остались? Так самих малых городов всё меньше. А в мегаполисах у нас теперь не русские, а бывшие русские, которые «россиянами» себя кличут. А вот гордые малые народы, в отличие от «бывших русских», как назывались своим именем, так и называются.

Непорядок, не толерантно как-то получается, скажут, оскорбляются национальные чувства малых народов. И станут принимать тогда программы по формированию, скажем, «евразийского» или какого-нибудь «панисламистского» народа. А там глядишь, совершенно логично и название государства для них будет звучать архаично. «Россия» какая-то! Почему «Россия»? «Азиопа» — лучше!

«Да здравствует азиопский народ!»

Павел ДМИТРИЕВ

О РУССКИХ ОПЯТЬ ЗАБЫЛИ

Указом президента РФ от 19 декабря 2012 года №1666 (!) утверждена «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года». В

пункте 5 Стратегии говорится что «Основными вопросами государственной национальной политики Российской Федерации, требующими особого внимания государственных и муниципальных органов, по-прежнему являются:

а) сохранение и развитие культур и языков народов Российской Федерации, укрепление их духовной общности;

б) обеспечение прав коренных малочисленных народов и национальных меньшинств;

в) создание дополнительных социально-экономических и политических условий для обеспечения прочного национального и межнационального мира и согласия на Северном Кавказе;

г) поддержка соотечественников, проживающих за рубежом, содействие развитию их связей с Россией».

Это все! А где интересы государствообразующей нации составляющей 80% населения?

«Стратегия» в числе основных принципов государственной национальной политики Российской Федерации содержит и «обеспечение гарантий прав коренных малочисленных народов (малочисленных этнических общностей), включая поддержку их экономического, социального и культурного развития, защиту исконной среды обитания и традиционного образа жизни», и «обеспечение прав национальных меньшинств».

О русских в основных принципах нет ни слова. А вот среди приоритетных направлений государственной национальной политики Российской Федерации усматривается «создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов». Надо полагать, условия предполагается создавать за счет коренного населения?

В перечне задач сферы государственной национальной политики Российской Федерации есть в документе и «создание условий для участия коренных малочисленных народов в решении вопросов, затрагивающих их права и интересы». Так бы русским участвовать в решении вопросов касающихся их прав и интересов!

А задачи «по обеспечению социально-экономических условий для эффективной реализации государственной национальной политики Российской Федерации» содержат планы на «содействие развитию народных промыслов и ремесел в целях увеличения занятости населения, в том числе на селе, в горных и других отдаленных районах, в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов».

Если село и упомянуто, то следует понимать, что это село не псковское и не рязанское, а какое-то горное... Там же есть

планы «развития регионов, решения задач демографической политики путем активного воздействия на миграционные процессы, включая меры стимулирования для привлечения мигрантов в трудонедостаточные регионы и создания рабочих мест в трудоизбыточных регионах».

В общем, следует понимать, что на трудоизбыточном Северном Кавказе будут создаваться рабочие места, а в трудонедостаточных русских местностях будут привлекаться мигранты. Но о мере их привлечения ни слова. Коренное же население русских городов и весей не влияет на то, сколько к ним придет мигрантов. С чего бы ему влиять? Ведь не малочисленный народ, чтобы права качать. Поскольку же дешевый труд мигрантов предпочтительнее труда местных жителей, постольку коренному народу рабочих мест в перспективе будет оставаться все меньше и меньше. Но это уже не сфера национальных отношений, и «Стратегия...» таким пустякам места не уделяет. Что тут сказать? Вопрос «Кому на Руси жить хорошо?» имеет очевидный ответ...

БЛУДНЫЙ СЫН

РАССКАЗ

Пятнадцать лет назад здесь было поле, и в это время, в начале мая, зеленели озимые. Теперь же на месте поля белели стволы молодых березок да грелись на ласковом майском солнышке тенистые островки кустарника. Просёлок между лесом и молодым березняком едва угадывался, а когда-то вдоль леса к деревне бежала хорошо укатанная дорога. Сколько Анатолием Петровичем было на этой дороге исхожено — не измерить. Дорога к родному дому, где его всегда ждала мама!

Сначала она ждала его из соседнего села, где он учился в средней школе (в их деревне была только начальная школа), потом ждала из армии, ждала из института на каникулы и, наконец, из далёкого Владивостока, куда он был направлен после получения диплома инженера. Мама, самый любимый и родной человек, когда-то работала учительницей начальных классов.

Отца он не помнил. Его не стало, когда Анатолию исполнилось два года. Екатерина Кирилловна почему-то больше замуж не захотела,

ПРОЗА

хотя желающих стать мужем красивой сельской учительницы, по мнению соседей, было не сосчитать.

Анатолий Петрович знал, мама гордилась им. Он с отличием окончил институт, работал в НИИ оборонной промышленности, защитил кандидатскую диссертацию, ежегодно, несмотря на дальнюю дорогу, приезжал в отпуск на родную Рязанщину. Даже когда с женой и сыном проводил отпуск на юге или в доме отдыха, он всё равно, хоть на пару дней, вырывался к маме.

Всё это было совсем недавно. Была мама, семья, работа, друзья, и вдруг он оказался один. Совсем один.

Сначала не стало страны, которой он с детства гордился. Потом, за полтора года до пенсии, закрыли за ненадобностью НИИ, и не стало любимой работы. Он долго пытался найти стоящую работу, перебиваясь случайными заработками, но тщетно. Жена требовала денег, ставила в пример подруг, у которых мужья «умеют делать деньги» без «всяких учёных степеней», постоянно была недовольна. Пенсии, которую он стал получать, хватало только на уплату коммунальных услуг, а случайные заработки быстро кончились. Не готов оказался Анатолий Петрович к такому повороту событий. Не готов. По мнению жены, у него была «слишком интеллигентная закваска». Она так и звала его: «интеллигент несчастный». Было обидно и больно. Друзей заменили собутыльники, которые сочувствовали, восхищались его умом, клялись в дружбе. Он не заметил, как выпивка вдруг стала единственной отдушиной в этом, по его мнению, несправедливом и жестоком мире. Через три года жена не выдержала и ушла от него. Они разменяли совместную квартиру на две однокомнатные. Взрослый единственный сын где-то в Москве и её окрестностях гонялся за удачей, лишь изредка напоминая о себе просьбами о материальной помощи. На дорогу к маме не было денег. Билет в один конец стоил теперь две его пенсии. Он писал маме письма и врал, что у него всё хорошо и он скоро приедет. Отправлял очередное письмо и напивался. Он напивался и представлял, как приедет к маме, поправит покосившийся забор, о котором она писала, вскопает огород и очистит сад от разросшейся вишни.

Но не дождалась его мама. Не вечны наши матери. Ранним майским утром к нему пришла телеграмма о маминой кончине. Он показывал трясущимися руками телеграмму знакомым и просил одолжить денег на дорогу, но кто даст в долг человеку, для которого смыслом жизни стала выпивка. Его жалели, ругали реформы, что довели страну до такого

состояния, наполняли стаканы и пили вместе с ним. Так длилось несколько месяцев.

Однажды, холодным декабрьским вечером, Анатолий Петрович услышал во сне мамин голос. «Сынок, сыночек», — звала его мама. Он открыл глаза и увидел, что лежит на ступеньках храма Покрова Пресвятой Богородицы. Он не понимал, что привело его к храму. Одно только было понятно: если бы не мама, то он, наверное, замёрз бы. Мама, которую он не навещал более четырнадцати лет, которую не смог даже похоронить, заботилась о нём и после смерти.

Ночью мама приснилась снова. Она плакала. Он просил её не плакать, но мама ответила: «Тяжко мне, сынок. Спаивают меня. Никакой пищи не дают, только водка горькая. Да и безымянная я теперь, Толенька, ни имени, ни фамилии».

Три дня он не выходил из дома. Его трясло, но он вылил оставшиеся полбутылки водки в раковину,пил крепкий чай, не отвечал на звонки в дверь и осмысливал сон.

Первая часть сна ему была понятна: с выпивкой надо заезывать, иначе маме из-за него «там» плохо. Об остальном он решил расспросить у набожной соседки Прасковьи Ивановны.

Прасковья Ивановна очень удивилась и, кажется, обрадовалась, увидев его трезвым, выбритым и при галстукe. На радостях надумала угощать щами. Подумать только, щами, которые он ел в последний раз, когда ещё был семейным человеком. Потом пили чай с пирожками, и Прасковья Ивановна толковала сон:

— Это, Петрович, видать, крест на могилке у неё безымянный, а может, не дай Бог, и с могилкой что случилось. Надо тебе, милок, самому туда на годовщину-то ехать. Вон ведь, как она тебя зовёт-призывает.

— Всё я, Прасковья Ивановна, так и сделаю, — отвечал Анатолий Петрович. — В мае обязательно домой поеду. Как раз к маминой годовщине.

В конце апреля он продал квартиру, две трети этих денег положил для сына в Сбербанк, упаковал небольшой багаж и второго мая последний раз сквозь слёзы посмотрел с борта самолёта «Владивосток—Москва» на город, с которым его столько связывало и хорошего, и плохого.

И вот он снова идёт по родному просёлку. Сколько радости было раньше, когда он возвращался сюда издалека! Сердце рвалось из груди, а ноги сами несли его к дому. Неужели всё это в его жизни было? Сегодня-то что? И солнышко, как

в детстве, и ветерок ласковый, и кукушка долгие-долгие годы считает, а радости нет. Тяжко на душе, не несут Анатолия Петровича ноги, страшит неизвестность.

К дому Анатолий Петрович шёл огородами. Боялся кого-нибудь встретить. Боялся расспросов. Всего боялся.

Вот и дом его детства: ветхий палисад, покосившийся забор, кособокая калитка. Ох, как недоставало здесь мужских рук. Пятнадцать лет... Долгие пятнадцать лет. Он вздрогнул от визга калитки. Пронзил сердце скрип половиц на крыльце, кто-то невидимыми руками сдавил горло. Из последних сил Анатолий Петрович почти бегом миновал полумрак сени, рухнул на колени возле кровати матери и дал волю слезам. Он плакал и стонал, и со стоном вместе из груди вырывалось: «Мама, прости! Прости меня, мамочка!»

Плакал он, как никогда в жизни, долго. Он плакал, пока не притупилась боль в груди, которая скопилась за последний год, пока не иссякли слёзы.

Опершись на кровать, Анатолий Петрович поднялся, присел на её край и окинул взглядом комнату, где мама провела свои последние часы. Кровать была укрыта пледом, который он когда-то подарил маме на день рождения. Над кроватью — с детства знакомый ковёр, а на нём, выгнув красивую шею, трубил олень. Рядом с кроватью — тумбочка с «чтивом» (так мама называла всё, что читала перед сном). На тумбочке лежали школьная тетрадка с детскими стихами Анатолия Петровича и Евангелие.

Анатолий Петрович открыл книгу на месте закладки и прочитал: «Ибо это сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся».

Вот что читала мама перед смертью. Мама читала о блудном сыне, который вернулся домой и был прощён. Глаза снова наполнились слезами. Нет, не все ещё слёзы выплакал Анатолий Петрович. Не все.

И умирая, мама подавала знак, что прощает сына и любит его. Даже стихи его детские перечитывала.

«Эх, мама, мамочка, — вслух заговорил Анатолий Петрович (он в последнее время часто рассуждал вслух). — Ты всегда мне всё прощала. Ты единственный человек, кто понимал меня и верил в меня. Это тебе я всем в этой жизни обязан. Ты ведь, я знаю, гордилась мной. А я слабаком оказался. Слабаком, трусом и эгоистом. Трудностей испугался. Сразу на всех обиделся. Только о себе всю жизнь думал. Плачу теперь. А почему плачу? Себя жалею. Смерти боюсь. Смерти в одиночестве. Если я никудышный сын, то что я могу требовать теперь от своего сына? Как же мне жить теперь, мамочка?»

Скрипнули половицы на крыльце, и кто-то вошёл в сени. Анатолий Петрович только и успел слёзы рукавом вытереть, как в дверях появилась седая голова и спросила:

— Кто это здесь хозяйничает?

И, не дождавшись ответа, сама и уточнила:

— Да это, кажись, Натолій объявился. — После этого в дверном проёме появилась солидная фигура в выцветшем камуфляжном костюме, и Анатолий Петрович узнал живущего по соседству дядю Васю.

— А я вижу, калитка нараспашку, — продолжил дядя Вася, — дай, думаю, зайду, проверю. А тут, оказывается, хозяин приехал. Может, подсобить что надо? Ты, Натолій, давай не стесняйся. Ежели что, я всегда пожалуйста.

Пока дядя Вася говорил, Анатолию Петровичу удалось взять под контроль свои чувства.

— Спасибо, дядь Вась, за добрые слова, — обнял он соседа.

Крепкие объятия у дяди Васи. Не сломали его ни лихолетье, ни реформы. Внешне он напоминал Анатолию Петровичу знаменитого советского актёра Евгения Матвеева. «Такой, — подумал Анатолий Петрович, — ни при каких трудностях ныть не будет, а ведь ему, кажется, уже за восемьдесят». Как-то сразу спокойнее на душе стало, и он, не раздумывая, обратился с просьбой:

— Дядь Вась, прости, пожалуйста, покажи мне могилку мамину.

— Это мы шас, это мы без вопросов, — откликнулся сосед.

— И если можно, отвёртку бы с плоскогубцами, — продолжил Анатолий Петрович. — Я тут табличку мраморную на могилку привёз.

Кладбище, словно островок в окружении берёз. Островок вечного покоя. Рядышком с деревней. На пригорочке.

Могилка Екатерины Кирилловны рядом с могилой мужа. Аккуратная могилка: и крест хороший, дубовый, и дёрном покрыта, только безымянная.

— Кого мне, дядь Вась, за всё за это благодарить-то? — показывая на ухоженную могилу, спросил Анатолий Петрович.

— Об чём тут, Натолій, разговор-то вести, — ответил дядя Вася. — Катерина, царство ей небесное, изо всех, кого я знал на своём веку, самая безгрешная. Да о ней во всей округе никто и полслова плохого не скажет. Она, пока в деревне школа была, наших детей и внуков уму-разуму да добру учила. Это мы, стало быть, в долгу перед ней. — Дядя Вася окинул кладбище взглядом. — А делаю я это всё, На-

толий, потому что самому сюда не сегодня завтра собираться надобно. Я ведь, считай, на четыре года старше твоей матери. Поэтому я и дубочков на кресты припас, и за порядком здесь приглядываю. Хочется мне переселиться, понимаешь, на погост, на котором всё ухожено, и отдохнуть хочется. Вот так-то

Мраморную табличку с фотографией и датами жизни Екатерины Кирилловны устанавливали молча. Екатерина Кирилловна смотрела с фотографии и улыбалась.

— Ты тут, Натолій, без меня побудь, побеседуй с матерью, а я своих покуда пойду проведу, — объяснился дядя Вася и ушёл к могилам своих родственников.

Дядя Вася ушёл, а Анатолий Петрович смотрел на мамину фотографию, снова просил прощения, и, кажется, ему становилось легче. Время как будто остановилось, и на душе вроде бы светлее стало, и о смерти думалось уже безо всякого страха. Вспомнилось, как мама рассказывала сказки, как шли они с ней вместе в первый класс, как встретила и проводила она его возле калитки. «Господи, — подумал Анатолий Петрович, — какие же здесь мысли-то светлые».

Прежде чем отправиться домой, дядя Вася провёл Анатолия Петровича по погосту.

— А вот тут, стало быть, меня похороните, — указал он Анатолию Петровичу лужайку на краю кладбища. — Тут рядышком вся моя фамилия прописана. — Он помолчал немного, как будто обдумывал очень важные мысли, потом коснулся руки Анатолия Петровича, приглашая двинуться в сторону деревни, и продолжил свои рассуждения. — Я вот иногда, Натолій, думаю, сколько же в земле народу захоронено — миллиарды и миллиарды — не сосчитать. — Он выдержал паузу и, подчёркивая важность момента, поднял указательный палец. — А места, погосты, обрати внимание, занимают всего ничего, потому что «там» никаких излишков не требуется. Так что всех желающих и не желающих всегда на погостах примут. Поэтому к погостам надо относиться уважительно. Взять, к примеру, нашу деревню. Ведь она, родимая, уже почти вся на погост переселилась. Нас всего-то, кто живёт здесь на постоянной основе, десять дворов осталось. Три старика на семь старух. Вот такая, стало быть, арифметика. А когда-то более ста дворов было. На лето, конечно, городские на отдых подтянутся, а остальное время — политическая ссылка. Жалко, конечно, деревню.

Дядя Вася несколько секунд помолчал, и Анатолий Петрович снова почувствовал прилив светлой грусти, которую он пережил на кладбище.

Вот она, его последняя пристань. Вот они, затерянные среди древних лесов и заброшенных полей, два родных острова: кладбище — островок вечного покоя и деревня — островок светлых воспоминаний, который вскоре станет необитаемым.

— Раньше-то как было? — продолжил свои рассуждения дядя Вася. — Где родился, там и пригодился. Жили, работали, детей рожали, строили, о стариках и внуках заботились. В последний путь на родной погост отправлялись, к предкам своим. Нехорошо это, когда человек на чужбине помирает. Нехорошо. Вот вымрут деревни, и погосты зарастут лесом да бурьяном, так же, как и поля наши позарастали. Грех это, как я разумею, забывать о родных погостах да о земле, которая тебя вскормила. — Он внимательно посмотрел на Анатолия Петровича. — Вот ты, Натолій, человек учёный, что по этому поводу думаешь?

— Здесь, дядя Вася, я думаю, никакая учёность не поможет. Да и нет, наверно, в жизни однозначных ответов. — Анатолий Петрович говорил тихо, как будто сам с собою разговаривал, словно убедить себя в чём-то пытался. — Сначала каждый человек сам в себе разобраться должен. Ведь и я, выходит, блудным сыном оказался. А кто же я, коль не блудный сын? Одно только знаю, что никуда я теперь отсюда не уеду. Ни-ку-да. Истосковался я по делу. Истосковался. Сегодня же на огороде порядок наводить начну.

Дядя Вася махнул рукой, как будто гвоздь молотком забил:

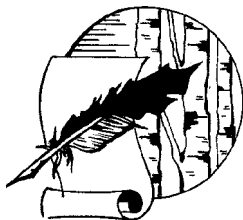
— Вот это мне по душе. Картошку-то у меня бери, сколько хочешь, а на остальное я народ мобилизую. И семенами, и рассадой, не сомневайся, поможем.

Он весело посмотрел на Анатолия Петровича и добавил:

— Да тебе, Натолій, от наших старух отбоя не будет. Как бы только до ревности дело не дошло.

Анатолий Петрович остановился и обнял дядю Васю. На глазах его блеснули слёзы, но он улыбался.

А где-то, не переставая, считала годы кукушка. В мае она считает бесконечно.

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

НЕУЖЕЛИ ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ?

ДЕРЕВЯННЫЙ ГОРОДОК

Рос я в деревянном городке,
Из травы там были мостовые.
Приносила мама в туюске
Солнечные ягоды лесные.

А на перепутье двух дорог,
По которым вёдра — чередою,
Теремок, не низок, не высок,
Всех на свете угощал водою.

Поутру в берестяной рожок
Дул пастух над улицей притихшей.
И будил нас с мамой петушок,
Дедушкой поставленный на крыше.

НА ПЕРЕКРЁСТКЕ

Наверное, бывший афганец
Иль парень с чеченской войны...
И шрам на виске, как багрянец,
И сбоку протезы видны.

Окурки на чёрном асфальте,
Пытливо-рассеянный взгляд.
И хоть не канючит: «Подайте!»,
Монеты с орлами летят.

Мелькают сапожки и лица,
Сочувственный вздох у толпы,

Как будто хотят откупиться
От злой миновавшей судьбы!

И горше навряд ли обиду
Придётся потом испытать:
Хотел я подать инвалиду,
Да нечего, братцы, подать...

* * *

Понимаю хорошо душой,
Оттого и больно мне вдвойне —
Словно не в родной я, а в чужой
Проживаю (не живу!) стране.

Где вожди народ свой предают
И победы, и права его.
Где освистан и осмеян труд,
Пышно процветает воровство,

Где незатихающий экран,
Словно лицемерный фарисей,
Мутной лжи и страхов океан
Вал за валом катит на людей.

Ну а мы-то?! Тоже молодцы:
Молча и с тоской со стороны
Зрим, как безголосые певцы
Пляшут на костях родной страны.

ПИСЬМО

Что происходит в нашем городке?
А ничего у нас не происходит.
Сосед-домушник пьяных баб приводит,
И нагишом купается в реке.

Ты помнишь дядю Васю? Вечно хмур,
Загнал он допотопную «Победу»
И в гараже, не далее как в среду,
Завёл козу и двух несушек-кур.

Должно быть, ты с Надюхой знаком —
Смазливую бабёнкой из столовки.

Какая стерва! Вышла замуж ловко,
В Израиль укатила с женихом.

Ну, натворил твой друг Петро шофёр,
Жену свою застукал с участковым.
Облил бензином — и бывай здорова!
На Колыме голубчик до сих пор.

Да, вот ещё... Открыли магазин,
Его купил какой-то рыжий турок.
Весь день бесплатно нас поил, придурок,
А в общем-то, весёлый господин.

Что происходит в нашем городке?
А ничего у нас не происходит.
Под окнами по лужам осень бродит
И что нас ждёт — не видно вдалеке...

ГРАЧИ ПРИЛЕТЕЛИ?

Третьи сутки запой у художника.
Словно в мире разладилось что-то.
Может, ножку сменить у треножника,
И пойдёт, как по маслу, работа?

Скоро птицы к нам с юга примчатся.
На пленэр, на природу бы, на люди!
А с долгами когда рассчитаться?
А крылечко очистить от наледи?

Но сегодня на новом месяце
Снег осел, прояснились дали.
И такая пошла куролесица,
Что ручьи вокруг заплясали.

Вмиг куда-то тоска пропала.
И под звон золотой капли
Тихо-тихо душа прошептала:
«Неужели грачи прилетели?»

О ВАВИЛОНСКОЙ МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ МИРОМ

Ещё совсем недавно вопросы о Новом мировом порядке и Мировом правительстве интересовали лишь конспирологов и находились на периферии нашей многозаботливости. Сегодня эти проблемы касаются всех и каждого.

Политические процессы, которые происходят сегодня в мировом сообществе, на первый взгляд кажутся странными, абсурдными, не поддающимися никакой логике. Например, однополые браки во многих странах мира, вопреки мнению большинства народа, объявляются вариантом нормы и закрепляются законодательно.

В то же время, активистка международного движения содомитов Маша Гессен, в свою бытность уважаемый редактор прохоровского «элитного» журнала «Сноб» и журнала московской еврейской общины «Лехайм», пошла ещё дальше. В интервью австралийской радиостанции ABS 11 июня 2012 года она демонстративно разоткровенничалась о ближайших планах жрецов глобального Содома относительно будущего традиционной семьи

без всяких вариантов и толерантности: *«Борьба за однополые браки вообще-то подразумевает ложь относительно того, как мы поступим с браком, когда добъёмся своего — ведь мы лжём, будто институт брака не изменится, это ложь. Институт брака будет меняться и должен меняться. Опять-таки я не думаю, что он должен существовать... Я бы хотела жить при такой системе законов, которая способна отражать реальность, и не думаю, что она совместима с институтом брака».* (Не прошло и трёх месяцев, как бескомпромиссная правозащитница-лесбиянка была назначена директором русской редакции радио «Свобода» — координатора и рупора пятой колонны России.)

«Реальность, не совместимая с институтом брака», которую настойчиво, используя все политические, экономические, дипломатические и информационные рычаги навязывают всему миру архитекторы Нового Мирового Порядка, означает не только уничтожение семьи как союза мужчины и женщины, целью которого является рождение и воспитание детей, но и покушение на естественное продолжение человеческого рода. Это — безумное отвержение самого первого благословения Божия, данного людям: *«Плодитесь и размножайтесь»* (Быт. 1; 28).

Но если взглянуть глубже — это зловещий проект возвращения на современном глобальном уровне к содомократии сатанинского сообщества жителей библейского города Содомы, в котором «мерзость перед Богом» носила культовый характер. Но это ещё не конец, а начало чего-то не менее страшного.

На Западе сами не понимают, как это у них получилось, но за минувшие двадцать лет сексуальные меньшинства добились таких прав и свобод, за которые американские негры боролись несколько столетий. Международное движение содомитов шаг за шагом негласно внедряет своих сторонников в СМИ, в среду творческой интеллигенции, в шоу-бизнес, в структуры влиятельных корпораций, в органы исполнительной и законодательной власти, в международные организации. Гомосексуальный лоббизм становится эффективным и опасным оружием в руках глобалистов. **Но ЛГБТ-сообщество, всего лишь одно из средств, которое будет использовано как бикфордов шнур, который взорвёт весь мир.** Таких инструментов немало.

Ольга Четверикова справедливо замечает в своей статье «Ватикан как глашатай нового мирового порядка»: «Сегодня уже очевидно, что мировой финансово-экономический кризис используется глобальными элитами как механизм про-

воцирования глубоких социальных потрясений. Эта идея была высказана в сентябре 1994 г. в ООН Дэвидом Рокфеллером, заявившим: *«Мы стоим на пороге глобальных перемен. Нам необходимо масштабный кризис, и тогда народ примет Новый Мировой Порядок»*. Слово по команде, Саркози, Аттали, Киссинджер и Ке — все в один голос стали упорно навязывать одну мысль: если не будут установлены органы всемирного контроля, мир погрузится в хаос. Однако, если перевести эту мысль с «мондиалистского» языка, ее можно понимать так: если мир не хочет признавать органы всемирного контроля, мы ему устроим хаос. В условиях сильнейших социальных потрясений напуганное призраком всеобщего насилия человечество вынуждено будет согласиться на вмешательство «наднационального» арбитра с диктаторскими полномочиями.

Для подтверждения этой мысли можно сослаться на мнение вице-президента Академии геополитических проблем Константина Соколова, который считает: *«Чтобы доказать, что существующая политическая система не работает, народы мира целенаправленно погружают в хаос... Теперь остается выяснить, с какой целью. Ставится задача похоронить Вестфальскую систему, которая существовала с XVII века. То есть устранить с мировой арены фактор суверенитета государств, создать единое мировое государство посредством уничтожения национального суверенитета... Обратите внимание на «засветку» материалов «Викиликсом». Фактически, демонстрируется гнусность работы госструктур разных стран, включая США. Это — направленность на слом государственности всех мировых игроков. Стравливаются будут и европейские и американские элиты»*.

Сегодня многие могут привести не менее дикие примеры агонии западной демократии, которая сломя голову катится к своему логическому концу. Мир уже подошел к той последней черте, за которой либерализм становится просто чем-то чудовищным, аморальным, толкающим человечество к глобальной духовной катастрофе.

Семья — самая устойчивая структура общества, его основа, сохранившаяся до сих пор с незапамятных времён. И вот именно против семьи сейчас разворачивается вся сила антихристианского Запада. Целенаправленно и планомерно темные силы разрушают семейные устои и родственные связи, традиционная семья выставляется анахронизмом, объектом нападков и насмешек.

Забили тревогу британские СМИ: *«Институт брака в Великобритании уже себя исчерпал. Через несколько лет боль»*

шинство детей будет рождаться вне брака». Если здоровая семья — залог нравственного здоровья нации, то здоровая нация — фундамент независимости государства. Разрушь нравственные основы народа, внуши ему ложные ценности, и народ сам себя уничтожит вместе со всей своей демократией с её демократическими институтами и государственной независимостью. Вот тогда государства, утратившие суверенитет, можно объединить в единое всемирное супергосударство под всеобщим глобальным управлением и всеохватным наднациональным контролем.

Многие догадываются, что подобные процессы сами собой, стихийно не возникают. Здесь не обойтись без «силы неведомой», без властной и безжалостной направляющей её руки, и только на первый взгляд её конечные цели и задачи непонятны.

Всё больше людей осознают, что всеобщее растрение, утверждение греха как нормы, разрушение традиционных ценностей, разрушение семьи, гонения на христианство лишь условия и средства для достижения каких-то иных не столько политических, сколько духовных, поистине inferнальных целей.

Для воцарения антихриста служителям тьмы нужна не только концентрация в своих руках тоталитарной власти над миром, чему будет способствовать поголовная чипизация всего населения земли, но уничтожение человеческой природы (необходимое одичание человечества). **Речь идёт о сознательной политике, ведущей к вырождению и деградации западной цивилизации, что носит духовно-мистический подтекст.**

На глобальном уровне уже официально заработал механизм всеобщего расчеловечения человека и сокращения населения:

— Массовому бесплодию способствуют секспросвет в школе, пропаганда абортов и стерилизации, в том числе, принудительные аборты по социальным показаниям.

— К бесплодию приводят геномодифицированные продукты (ГМО), которые насильно навязывают всем странам такие международные организации, как ВТО, ООН, ВОЗ и др.

— Бесплодие вызывает также принудительная стерилизация, проводимая во многих странах, через обязательную вакцинацию. (Например, принудительная вакцинация гардасилом российских девочек с 13 лет, якобы от рака шейки матки, на самом деле, приводит к бесплодию и не только).

— Возник новый вид сатанинского бизнеса на торговле детьми для поставок в однополюе «семьи», в публичные дома для педофилов и детский порнобизнес, чему способствует

легальный механизм изъятия детей из семей — постепенно ужесточающееся ювенальное законодательство, которое как раковая опухоль начало распространяться по всем континентам.

— В массовое сознание настойчиво внедряется толерантное, т.е. терпимое или равнодушное отношение к эвтаназии, суррогатному материнству, к ЭКО, клонированию, использованию abortивного материала в интересах фетальной терапии — новой высокотехнологичной формы людоедства.

— Уже не сенсация появление тревожных сообщений о подпольном выращивании детей на органы с помощью суррогатного материнства на тайных фермах.

— В Швеции, Дании и Швейцарии политики предлагают легализовать инцест (кровосмешение) как «гендерную норму», а «инцестофобию» предлагается наказывать. И вот уже в России на государственном (!) телеканале, спекулируя на горе матерей, потерявших единственного сына, приглашённые на популярное ток-шоу специалисты, изошённо рекламируют новейший научный метод заглушить материнскую боль утраты — родить, воспользовавшись загодя законсервированной спермой умершего сына, с помощью технологии ЭКО ребёнка — то ли сына от собственного сына, то ли внука. И то и то с точки зрения родственных связей будет верным. Как верно и то, что это — циничная пропаганда пусть и высокотехнологичного, но всё же инцеста как разрушительной для психики нормы.

Разрушение нравственных основ общества — неоспоримое зло. Святитель Игнатий Брянчанинов говорил, что первоначальная наша защита от зла — в способности ужасаться злу. Но самое ужасное, что всё вышеперечисленное перестаёт нас ужасать.

Главный удар «тайны беззакония» всегда был направлен на личность, на индивидуальность. Повторимся: достаточно снять все нравственные запреты, закрепить их законодательно, и с обществом можно делать всё, что угодно. Что мы с изумлением и наблюдаем.

Здесь уместно вспомнить слова искушённого в политике и хорошо осведомлённого человека — Франклина Делано Рузвельта, президента США: *«В политике ничего не происходит случайно. Если что-то случилось, то это было задумано».*

В самой идеологии сатанинского Нового Мирового Порядка чётко просматривается дьявольское отношение к человеку, как к животному. С духовной точки зрения — это война против человеческой природы. За основу этой разрушительной деятельности взят принцип постепенного **изменения**, т.е.

трансформации людей в нелюдей (бесов). Целенаправленно, планомерно и необратимо разрушается всё — от генотипа человека и окружающей его среды до менталитета и сознания людей, традиционных, естественных и привычных стереотипов поведения.

На Западе давно утвердилась господствующая идеология — неолиберализм (политкорректность, толерантность, права человека и проч.), то есть доведённая до идиотизма свобода, а именно: право любого индивидуума выбирать свою собственную шкалу ценностей (называется это плюрализм мнений). Теперь каждый волен решать, что допустимо, а что запрещено. Что есть норма, а что — патология. Что есть добро, а что зло. Что есть Свет, а что тьма. Действует принцип — что не запрещено, то разрешено.

Идеология либерализма подразумевает, что абсолютной истины не существует, права человека выше законов нравственности. Всему этому придаётся определённый сакральный характер. Отсюда распространение тоталитарных сект, языческие культы, практическая магия, растущие как грибы общества сатанистов, банализация зла. Великому Инквизитору более никто не мешает. Но если у каждого своя истина, где же тогда ложь? Тогда ложь скрывается под видом истины.

Так на глобальном уровне утверждается грех как норма — в личной, общественной и церковной жизни. Не может быть морали там, где нет системы нравственных ценностей, где законы каждого суверенного государства опираются не на законы Божии, а на международное право, которое устанавливается теми, кто сам присвоил себе право устанавливать международное право в своих корыстных интересах и по праву сильного, когда это выгодно, нарушать это международное право по своему усмотрению.

Свобода и ответственность нераздельно связаны друг с другом. Где нет ответственности, там не может быть и свободы. Кажется, это должно быть аксиомой. Увы! После страшных попыток обезличивания человека в варианте «ответственность без свободы» мы становимся свидетелями не менее страшного варианта — «свободы без ответственности». **Тотальная свобода, к которой призывают весь мир, неотвратимо приведёт лишь к диктатуре порока!**

Характерная примета сатанинского неолиберализма — пышный расцвет самых низких чувств: равнодушия к чужой боли и смерти, духа зависти, корысти, лжи, наживы. В этом мире ценится лишь одна добродетель — «свобода конкуренции». В Римской Империи это называлось «*Homo homini*

lupus est» (человек человеку — волк). Теперь это стало расхожим принципом нашего предконечного времени.

Все это ведет к разьединению людей, атомизации общества, препятствуя проявлению какой-либо солидарности для отстаивания социальных и гражданских прав. Идеолог глобализма Збигнев Бжезинский предельно откровенен: *Глобализация «символизирует моральную глухоту и безразличие к проявлениям социальной несправедливости... патриотизма, морали и этики»*. Следовательно, это и есть открыто провозглашаемый жизненный принцип Нового Мирового Порядка.

Делу превращения людей в бессловесных жвачных животных сегодня служит «религия потребления». Делается это для того, чтобы человек растворился в вещах всей душой, и свобода выбора между добром и злом ему не могла прийти на ум. Вещи вытесняют душу человека. Потребительская мода и шопинг доводят людей до безумия. Предметом потребления, товаром становится и всё то, из чего складывается интеллектуальная и духовная жизнь человека, товаром стал и сам человек. Как тут не вспомнить пророчество Апокалипсиса о том, что в новом Вавилоне (т.е. в современном западном обществе) товаром станут *«и тела и души человеческие»* (Откр. 18; 13).

В последнее время мировое сообщество активно подводится к мысли о неизбежности установления на земле Мирового правительства, которое, как только все подготовительные организационные вопросы будут решены, возглавит харизматический супердиктатор. В этом заключается духовная цель установления Нового Мирового Порядка. Но есть ещё и промежуточная политическая сверхзадача. Власть над миром узкой группы лиц, взявшей под свой контроль всю экономику планеты и финансовые инструменты, возможна лишь в том случае, если мир един — компактен, унифицирован и однообразен.

Единый мир предполагает не только духовное единство на основе единой идеологии и единого мировоззрения, но и постоянный контроль за поведением, образом жизни и образом мыслей каждого человека. Технически это не представляет проблемы, процесс, как говорится, уже давно пошёл и только набирает обороты. **Таким образом, архитекторы этого глобального проекта стремятся к созданию наднационального органа, обладающего правом попира́ть государственный суверенитет любой страны, не исключая в перспективе, и США, а также право использовать военную силу против непокорных народов.**

Но вернёмся к политической подоплёке глобальных процессов. 3 марта 1975 года Бжезинский, доверенное лицо кла-

на Рокфеллеров, выступил с программной статьёй в журнале «Нью-Йорк мэгэзин», где изложил «свой план» поэтапного установления Нового Мирового Порядка:

«Мы должны признать, что мир сегодня стремится к единству, которого мы так долго желали... Новый мир приобретает форму глобальной общности... Вначале особенно это коснется экономического мирового порядка... Мы должны создать механизм глобального планирования и долгосрочного перераспределения ресурсов».

Сравните этот тезис со словами Д.А. Медведева (в то время президента РФ) на Петербургском экономическом форуме в июне 2010 года: *«Мы должны построить современную, процветающую Россию. Россию, которая будет соучредителем Нового Мирового экономического Порядка и полноправным участником коллективного политического лидера в посткризисном мире».* Однако трудно совместить этот оптимизм с ещё одним известным утверждением Збигнева Бжезинского: *«Новый Мировой Порядок при гегемонии США создаётся против России, за счёт России и на обломках России».*

В 2008—2009 гг. создание Мирового правительства было выдвинуто в качестве главного требования и внесено в повестку дня ведущих форумов и совещаний представителей мировых элит, к этому призвал и римский папа Бенедикт XVI в своей энциклике «Caritas In Veritate», приуроченной к июльской встрече «большой восьмерки» в 2009 г. Трудно не заметить здесь духовный протекционизм Ватикана по отношению к государственным лидерам мира, **взявшим курс на введение глобального управления и всеобщего наднационального контроля.**

Этот глобальный проект — практическое осуществление тайных стремлений построить духовную Вавилонскую башню-2. И первой рабочей моделью, ядром глобального единого мира с наднациональными структурами управления и контроля, является Европейский Союз, объединивший 28 стран, с 600-миллионным населением, со своей единой валютой, единой экономикой, формирующий свои собственные объединённые вооружённые силы помимо НАТО.

Этот мощный интеграционный процесс, происходящий в рамках всемирной глобализации, характеризуется некоторыми аналитиками как возрождение некогда могущественной Римской империи — современной версии Pax Romana. Характерно, что именно на территории Европы — оплота мирового христианства, ныне создается межгосударственная антихристианская структура, которая открыто отказывается от своих исторических христианских корней и провозглашает себя антихристианской.

Если, по словам апостола и евангелиста Иоанна Богослова, *«весь мир лежит во зле»*, ясно, что зло не может выносить присутствия рядом с собой Света. Но Западная Церковь это уже не светоч христианства, а скорее его сумерки. В угоду миру Второй Ватиканский Собор (1962—1965 гг.), идя в ногу со временем, благословил либерализм, размыв границу между Светом и тьмой. Но современность быстро стала вчерашним днём, а мода вышла из моды. После чего последовало совершенно дикое давление на католическую церковь. Теперь католицизм вынужден пожинать горькие плоды, посеянных им самим ядовитых семян...

Ожесточенная информационная война против Русской Православной Церкви, ведущаяся как извне, так и внутри России, — только начало открытой войны глобального сатанизма против Христа. В этой войне удары будут наносить профессионально, методично и неумолимо — не только информационные, но и законодательные на основе международного права. Так что гонения на Православие не за горами, о чём говорят многочисленные косвенные признаки и явные доказательства — далеко не случайные. Наступает время исповедничества и духовного мученичества за Христа. На языке Православия это называется духовной бранью, непримиримым противостоянием Света и тьмы.

На заре Перестройки тезис об «общевропейском доме» служил идеологической базой «Нового мЫшления», который в немалой степени обусловил развал Советского Союза. Ещё в 1991 году, за два года до официального образования Европейского Союза, российская либеральная пресса как о решённом вопросе писала о неомасонском глобальном проекте: *«Конечно, Мировому Сообществу организовать постоянное и активно действующее Всемирное правительство будет стоить немалых усилий, на что уйдёт целый ряд лет. И первой моделью, первым образцом такого Правительства, вероятнее всего, будет региональное Общевропейское правительство»*. Обратите внимание на дату приведённой цитаты — «Известия» от 14.12.1991 г. И дата подписания Беловежских соглашений — 8 декабря 1991 года — поистине трагическая, едва ли не самая траурная дата в истории нашей страны. Это равносильно крупнейшему поражению в крупнейшей войне, которая открыла врата Новому Мировому Порядку.

Европейская интеграция, традиционно понимаемая как упрочение связей между странами — членами Европейского союза, изучается, как правило, в сугубо светском аспекте. Исследователи обычно обращают внимание на такие момен-

ты, как введение евро, вступление в ЕС новых членов, эффективность общей экономической политики, дальнейшая централизация Союза или формирование мультикультурализма. Другими словами, описание европейского строительства замыкается в политико-экономическом пространстве. А вот духовно-нравственные и религиозные моменты отодвигаются на задний план и чаще всего объявляются «неуместными» или вовсе игнорируются.

Утверждать, что религия для Европейского Союза пуста и безотносительна, значит закрывать глаза на очевидные факты. Но нельзя закрывать глаза и на то, что Евросоюзу так и не удалось принять свою Конституцию как раз по причинам расхождения в оценках значения христианства и его места в европейской истории.

В течение нескольких лет безрезультатно дебатировался вопрос о ссылке в конституции Европейского Союза на христианские корни Европы. В конце концов, появился вариант проекта (пусть и прикрытый дипломатичными фразами об объективности), фактически выводящий христиан за рамки участия в процессе европейской интеграции. Упоминание в преамбуле документа об античном (языческом) Риме недвусмысленно говорило о планах возрождения новой Римской империи. В то же время включение в конституцию расплывчатой фразы о «культурном, религиозном и гуманистическом наследии Европы» несло пренебрежительный для христианства заряд, так как гуманизм сыграл в формировании европейского наследия гораздо меньшую роль, чем христианство. А отсылка просто к «религиозному наследию» звучала тем более парадоксально, что на протяжении почти двух тысяч лет главной религией Европы являлось христианство. Невзирая на требования ряда государств (Италии, Польши, Литвы, Мальты, Португалии, Чехии и Словакии) включить в конституцию упоминание о христианских корнях Европы, несмотря на негативные результаты французского и голландского референдумов 2005 г. по одобрению проекта конституции ЕС, противники христианства остались непреклонны. Конституция принципиально не изменилась. Факт знаменательный, ибо европейская конституция, по мнению её авторов, должна была не только способствовать появлению общеевропейского самосознания, но и сделать ЕС моделью нового миропорядка.

Либеральный фасад Евросоюза на деле является не более чем фасадом. В ЕС при демократической оболочке постепенно складывается тоталитарная система управления с открытой сатанинской направленностью. Некоторые из законов,

принимаемых в ЕС, касаются христиан напрямую, другие косвенно. Поэтому духовный смысл ряда решений не всегда очевиден, хотя порой они приобретают черты довольно жестких требований с далеко идущими эсхатологическими последствиями.

Например, в 2003 г. Европейский парламент, озабочившись проблемой прав человека, потребовал обеспечить женщинам свободный доступ на святую гору Афон. Афон — это автономная православная монашеская республика в Греции. Доступ на эту территорию для женщин был закрыт по завету Пресвятой Богородицы более полутора тысяч лет назад. С тех пор это повеление неукоснительно соблюдалось — во все времена и при любой власти (даже когда Греция находилась под пятой Османской империи). Европарламент, принимая упомянутую резолюцию, не только вторгся в сугубо церковную сферу, но и наглядно проявил пренебрежение, господствующее в стенах законодательного органа, к христианским ценностям и традициям. Этот вопрос до сих пор не снят с повестки дня и отложен до более благоприятной поры для сил, враждебных христианству.

А тем временем наступление на христианство на Западе возрастает и носит всё более издевательский, глумливый и кощунственный характер. Вот только малая толика примеров, которые с каждым днём растут, как снежный ком.

Выполняя решение руководящих органов Евросоюза, власти французского города Абвиля снесли шедевр неоготики — Собор Св. Иакова, который как раз и является «культурным и религиозным наследием». На месте уничтоженного собора планируется строительство комплекса зданий казино (возможно, с фешенебельным борделем) для VIP-персон Европарламента и брюссельской бюрократии. Во время сноса собора на глазах множества свидетелей в мусорный контейнер было выброшено распятие.

Сходная ситуация имеет место в Германии, где в ближайшие годы будут закрыты и отданы под рестораны, банки и торговые помещения около 700 храмов.

Начало атаки на Церковь во Франции совпало с отменой в официальных документах понятий «отец» и «мать» и прошедшими по всей стране массовыми демонстрациями против однополых «браков». Демонстрации, которые были разогнаны властями с помощью слезоточивого газа, показали, что, несмотря на все усилия «евроинтеграторов», христианские ценности всё ещё значимы для французов. Впрочем, свободолюбивые французы, похоже, вынуждены будут смириться с легализацией однополых браков. Поскольку парламент

Европейского Союза одобрил доклад, предлагающий, в частности, обязать все страны — члены ЕС легализовать гомосексуальные «браки» и «гражданские союзы».

В Англии уже увольняют с работы за ношение нательных крестов и прямо указывают на взаимосвязь между позицией правительства по вопросу об однополых «браках» и началом преследования христиан. В то же время во всех западных странах во время «парадов гордости» содомитов можно носить хоть перевернутые кресты, хоть сатанинские символы — пентаграммы. В шоу-бизнесе такая символика давно непременное условие коммерческого успеха.

В той же Англии уже около 20 тысяч школьников, не достигших 11 лет, за произнесения слова «гомик» внесены в списки так называемых преступников на почве «речей ненависти» («Hate Speech») — варианта «гомофобии». «Гомофобия» по определению Европарламента (Резолюция от 18 января 2006 г.), — это *«иррациональный страх и отвращение к гомосексуальности, к лесбиянкам, геям, бисексуалам и транстгендерным лицам, основанные на предубеждении, подобно расизму, ксенофобии, антисемитизму и сексизму»*. (Сейчас ЛГБТ-активисты от себя добавляют — и «хуже фашизма»). Термин «гомофобия», как и термин «речи ненависти», до сих пор не имеет юридического определения, но как мы видим, стал устойчивым политическим и идеологическим ярлыком. Эти ярлыки, которые начинают звучать как политические обвинения, направлены в первую очередь против Церкви Христовой, точнее Православия, являющегося препятствием для легализации сатанизма на государственном уровне.

В день православного Рождества 7 января в некоторых странах Запада начали нарочито и с размахом справлять праздники, уходящие корнями в языческие культы и суеверия, вроде поклонения волхвам, ведьме Бефане (в Италии) и т.п. В последние годы это оккультно-языческое поветрие с таким же размахом рекламируется и пропагандируется средствами массовой информации. Одновременно сам праздник Рождества политкорректно «осовременивают». Например, несколько лет назад граждан Британии по ТВ поздравляла с Рождеством... мусульманка в чадре!

Безнравственность притворяется безликой и невидимой силой. На самом деле это продуманная целенаправленная политика. Как только государство законодательно закрепляет грех, со временем любое непотребство становится в глазах общества обыденной, не осуждаемой нормой, допустимой практикой, которая может протекать даже в атмосфере

праздника, а в сознании общества постепенно размывается грань между допустимым и запретным, между Светом и тьмой.

В Италии городской совет Болоньи распорядился включить в скульптурную сцену Рождества Христова на площади у здания мэрии статую... обнажённой порноактрисы Моанны Поцци. До этого власти города решили нарядить статую Божией Матери в мини-юбку и туфли на высоком каблуке.

Даже в католической Польше, родине папы Иоанна Павла II, ещё каких-то 15 лет назад самой католической страны Европы, тамошние «пусси райт» при полном попустительстве властей безнаказанно рвут на сцене Священное Писание и клеймят Церковь «криминальной сектой». А политики удивляются «внезапному феномену» Антиклерикальной польской партии Паликота (Ruch Palicota), славящейся тем, что от этой партии впервые в истории Польши в парламент попали кичащиеся своей сексуальной ориентацией педераст и транссексуал. Сей феномен тем удивительнее, что к партии Паликота отошла и весомая часть традиционно консервативных («проклерикальных») избирателей-крестьян. (Партия вошла в пятерку ведущих политических сил страны.)

Раскручиванию сатанинского движения «Femen» во всём мире способствовали «независимые и объективные» СМИ, которые называют его правозащитным движением.

Атака на христианство ведётся не только в Западной Европе, но и за океаном, где уже фактически наложен запрет на празднование Рождества Христова и других христианских праздников, что контрастирует с поддержкой на государственном уровне, в том числе и финансово, Церкви сатаны, которая входит в Национальный Совет Церквей США, а её капелланы служат в вооружённых силах.

В США на Рождество Христово запрещены как упоминание о самом празднике, так и демонстрация христианских символов. Например, надпись «С Рождеством Христовым!» убрали с рождественских щитов во время ежегодного шествия в Денвере, в котором участвовали исполнительницы танца живота и легион лесбиянок и педерастов. В 2012 году администрациями ряда школ США введён запрет на упоминание слов «Всевышний», «Бог», употребление слова «Рождество» и др. Наряду с запретом религиозных праздников и изъятием из произведений классиков мировой литературы выражений религиозного содержания, «которые могут задеть школьников», детей знакомят на уроках с повадками гомосексуалистов. Из официального оборота выводятся слова «папа» и «мама»...

Сразу после легализации усыновления детей однополыми парами политики Евросоюза не переведя дыхание, открыто в прессе и на ТВ приступили к обсуждению легализации инцеста как «гендерной нормы». Зазвучали призывы знакомить с этой «нормой» учеников, начиная с младших классов. Вводится понятие «инцестобия», всех «инцестобоев» предлагается наказывать. Гендерной нормой признаётся интим между отцом и дочерью, матерью и сыном, братом и сестрой, а также всеми родственниками, включая кровных. «Однополые» или, как они себя называют «новое гендерное сообщество», продвигают легализацию инцеста в Швеции, Дании и Швейцарии. Схема легализации сатанизма проста до примитивизма. Точно так же внедрялись в сознание как норма ювенальный фашизм, эвтаназия, однополые браки и законность усыновления детей педофилами, постнатальный аборт и многое другое.

К толерантности и правозащитному выбору это не имеет никакого отношения. Если взглянуть глубже — это злоеущий проект возвращения на современном глобальном уровне к содомократии сатанинского сообщества жителей библейского города Содома, в котором «мерзость перед Богом» носила культовый характер. Но манипуляция сознанием и информационное давление в СМИ продолжают внушать, что это и есть торжество демократии и отстаивание прав человека.

Приведённые примеры заставляют задуматься о судьбах Православия, а если взглянуть глубже, о судьбах всего человечества. Число стран-участниц Евросоюза с православным населением возрастает, и число таких стран-членов бюрократы Брюсселя планируют увеличивать за счёт стран, не входивших исторически в Западную Европу. Например, Украина, Молдова, Грузия или старейшее христианское государство — Армения. (О Сербии разговор особый.) Надо отдавать себе отчёт, что Европейский Союз — рабочая модель, ядро глобального единого мира с наднациональными структурами управления и всеобъемлющим контролем над каждым человеком, модель нового миропорядка — шаг за шагом будет разрастаться, как раковая опухоль в больном организме, пока окончательно не уничтожит «суверенные демократии» со всеми их культурными, религиозными и нравственными традициями. Речь идёт о сознательной политике, ведущей к вырождению и деградации западной цивилизации, что носит духовно-мистический подтекст.

Образованию Евросоюза предшествовало создание Совета Европы (СЕ), который объединил 47 стран евразийского

пространства. В том числе 19 государств не членом Евросоюза, как, например, Россия, которая является членом СЕ с 1996 года, а в 1998 году ратифицировала Европейскую Конвенцию о защите прав человека и основных свобод. Членство в организации предполагает следование её нормам и правилам. Одной из таких норм в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) являются резолюции. Можно голосовать за ту или иную резолюцию, можно голосовать против, но уже принятому документу нужно следовать. Иначе это не членство, а присутствие в роли наблюдателей на галёрке.

Постоянно действующими органами СЕ являются: ПАСЕ, Комитет Министров Совета Европы и Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ). Решения ПАСЕ Комитет Министров рекомендует парламентам стран-участниц Совета Европы закреплять законодательно. На основании этих международных соглашений ПАСЕ осуществляет контроль и мониторинг исполнения своих резолюций и накладывает на правительства отдельных государств санкции. Таким образом через международные обязательства, руководство ПАСЕ подчиняет себе независимые государства в обход национальных законодательств. С этим Россия поделаться ничего не может. Согласно ст. 14 Конституции РФ, международные законы имеют приоритет над российским законодательством. Это — новейшая модель легализации всемирной сатанинской диктатуры под защитой международного права.

Судя по настроениям, которые царят в штаб-квартирах Союза, попытки вытеснить христианство на обочину европейской интеграции будут продолжаться, а осуждение порнографии, проституции, аборт, деятельности сексуальных меньшинств и прочих многочисленных явлений, имеющих греховную природу, может стать основанием для преследования религиозных организаций. Не подлежит сомнению, что любые юридические механизмы, позволяющие преследовать христиан, будут использованы на сто процентов.

Есть весомые основания утверждать, что недалёк тот день, когда на основании запрета дискриминации при предоставлении услуг Православию законодательно запретят отказывать в причастии и таинстве венчания нераскаявшимся содомитам, атеистам, агностикам или любому, кто того пожелает. Тогда Православие будет поставлено вне правового поля, если оно согласно своему учению будет называть грехом то, что по закону таковым не будет являться, а в ряде случаев, как мы знаем, уже не является. В связи с этим не лишне вспомнить высказывание З. Бжезинского, сказанное им в августе 1991 года, что после крушения коммунизма у «демократии»

остался лишь один враг — Православная Церковь. Сегодня Православие — единственная реальная сила, которая является препятствием для легализации сатанизма на государственном уровне.

Как и две тысячи лет назад, ненависть к христианству проповедают те, кто, захваченные страстью духовного вырождения, культивируя оккультизм, суеверия, всеобщее растление, пороки и зло, жаждут всеохватной планетарной власти. Как и тогда, христиане наших дней по всему миру становятся мучениками. Но, как и тогда, кровь мучеников рождает новых исповедников веры.

Призадумаемся над многоговорящим лозунгом Евросоюза на рекламном плакате, выпущенном накануне его создания. «Европа: много языков — один голос». Обратим внимание на перевёрнутые звёзды (пентаграммы) — оккультный символ сатаны (козлиная морда с бородой и рогами) и на строительный кран над недостроенной и разрушенной Богом Вавилонской башней. Сегодня — это один из откровенно оккультных символов объединённой Европы. Её недвусмысленная сакральная цель — воссоздание духовной Вавилонской башни-2. Строители Великой Башни, говорит плакат, собрались вновь (вопреки разделению языков), и на этот раз они закончат своё дело: строительный кран призван подтвердить, что процесс пошёл.

Ничего нового Новый Мировой Порядок не предлагает. Это, в сущности, есть попытка возрождения Вавилонской модели управления миром — установление тоталитарной власти над всем человечеством, но на современной политической, экономической и духовной основе. При этом ближайшая цель — деградация населения, целенаправленное изменение нравственных установок общества, изменение, в том числе и силовое, цивилизационного кода народов, утрата духовно-нравственного и культурного суверенитета и, как следствие, потеря суверенитета экономического и политического.

Подразумевается, что на первом этапе какая-то часть национального суверенитета передается наднациональным структурам. Взамен Мировое правительство сулит всем народам всеобщий «мир и безопасность». Но для этого надо устранить главное препятствие — Православие. Борьба с Православием — брань духовная, «страшная борьба творящего и разрушительного начала». Перефразируя слова В. Маяковского — это «работа адовая». В прямом и переносном смысле, и «она делается уже». Но не будем забывать, что её исход зависит не только от желания «неведомых сил».

В отличие от прежних империй, которые создавались при помощи огня и меча, Новый Мировой Порядок осуществляет свою захватническую политику иными способами. Его истинные цели скрыты за благими намерениями: *«Только сообща, объединив усилия, мир сможет решить экологические, экономические и другие глобальные проблемы. Ликвидировать голод и войны»*. Его девиз *«Мир и безопасность»* (1 Фес. 5; 2, 3). (Этот же принцип декларируется и в ст. 1 Устава ООН.) Глобалисты осмысленно и научно обосновывают необходимость построения глобальной Вавилонской Башни-2 на этот раз не из обожженных кирпичей, а из международных документов, соглашений и обязательств, гарантий на уровне ООН.

Модель единого мира под всеобщим глобальным управлением и всеохватным наднациональным контролем, слегка зашифрованная в лозунге на рекламном плакате ЕС, предполагает жёсткое централизованное управление — наднациональное общемировое правительство. Такое правительство может реально возглавить только единовластный тиран (харизматический диктатор). Так называемое «коллективное представительное руководство» — примитивная демагогия. Выражаясь библейским языком, это утверждение царства сатаны на Земле, во главе с его наместником — антихристом.

Одним из символов Евросоюза является суперсовременный комплекс Европарламента в Страсбурге. Строительство здания, которое обошлось в 12 млрд. долл., выглядит, как подчеркнуто недостроенное. Проектировщики были, безусловно, вдохновлены известной картиной голландского живописца Питера Брейгеля Старшего «Вавилонская башня» (1563 г.). Столь откровенное архитектурное подобие новой штаб-квартиры Евросоюза в стиле неоязыческого хай-тека его историческому прототипу является, несомненно, не случайным, а скорее вызывающе циничным, учитывая богоборческую направленность построения новой Вавилонской башни-2 как модели великого объединения наций и народов под управлением супердиктатора. Штаб-квартиру законодательного органа иногда называют «башней Евровавилона».

В Библии Вавилон упоминается три раза. Первый раз в Ветхом Завете (Бытие, XI) говорится о строительстве Вавилонской башни. Потомок Ноя Нимрод и его последователи решили построить башню до небес, как они сами выразились, «сделаем себе имя». Её задумали как величественное языческое капище. Башня была дерзким вызовом Богу, она должна была достичь неба, чтобы доказать, что Бога нет. Это был выбор собственного пути, выбор, основой которого ста-

ло непомерное тщеславие, высокомерие и гордыня. Ну а если же Бог существует, то башня будет столь высокой, что позволит спастись от второго потопа. Но Бог смешал языки строителей (слово «Вавилон» и означает смешение), они перестали понимать друг друга и были рассеяны. Вавилонская башня осталась в истории символом той части человечества, которая, будучи ослеплена гордыней и неуёмным самовозвышением, бросает вызов самому Богу.

Второй раз в Библии говорится о могущественном Вавилонском царстве в эпоху его расцвета (VII—VI вв. до Р.Х.), которое было «красою царств и гордостью халдеев», туда стекались богатства покорённых народов, и оттуда народы Востока получали знания в вопросах астрологии, магии, медицины и других областей науки и культуры. Вавилон был законодателем в вопросах верований, нравственности, обычаев, вкусов и моды для окружающих народов. И всё же эта мощная империя умерла, как и было предсказано в период пика его могущества великими библейскими пророками Исаией, Иеремией, Даниилом, Иезекиилем.

Что же завещал современным народам похороненный под песками древний центр магии, колдовства и астрологии? Какое проклятие наложил он на ход дальнейшей истории? Почему снова и снова в жизни последовавших за ним новых могущественных империй — Мидо-Персии, Греции, Рима и даже Византии, а также средневековой и современной Европы восставала в прошлом и восстаёт сегодня тень Вавилонской модели владычества над всем миром? У Древнего Вавилона, безусловно, было время своего расцвета, свой исторический шанс, свои открытия и свои несомненные заслуги и достижения в разных сферах человеческой деятельности, переданные последующим поколениям. Но мы не вправе забывать, что стало причиной его падения, чем Вавилон «болел» и чем «заразил» последующие цивилизации.

Четырьмя столпами государственной системы Вавилона являлись:

- деспотичное правление;
- поддерживаемые (и возглавляемые) языческими жрецами магия и оккультизм, проникающие во все сферы жизни (быт, религию, науку);
- культ денег;
- навязываемое ростовщиками долговое рабство.

Это сложная и изощренная система порабощения человеческой личности несла в себе частицы распада, которые подобно гнили, разрушающей на вид аппетитное яблоко, подрывали изнутри устой империи.

В очередной раз приходится говорить, что любое государственное образование, в котором грех возводится в добродетель и охраняется Законом, нежизнеспособно и его распад неизбежен.

Здание Европарламента изначально является символом человеческой гордости, местом, обречённым на разрушение Богом! Современная духовная башня — это неоязыческое капище, символ объединения людей в XXI веке для провозглашения: «Бог умер, давайте создадим своих богов!» Боги язычников — суть бесы. Видение далёкого будущего, предсказанное пророком Даниилом, явившееся ему также в Вавилоне, предсказало финал возрождения Римской империи.

Сегодня Вавилонское духовное столпотворение проявляется в проникновении всех видов оккультизма и спиритизма в общественную и частную жизнь, в науку и культуру. Средства массовой информации наводнили астрологические предсказания, выступления экстрасенсов, гадалок, магов, и большинство людей, не колеблясь, вверяют им свою жизнь, здоровье и разум, а по сути, обращаясь за помощью к тёмным силам. Бог предупредил через Откровение Св. Иоанна Богослова, чем завершится эпоха глобализации. Ап. Иоанн видел последнее поколение людей, «с поклонением» принимающих диктатуру «зверя» (Откровение, гл. 13). Он видел человечество повязанным псевдорелигиозным единством (экуменизм), централизованным политическим управлением (всемирное наднациональное правительство), единым экономическим пространством (глобализм), загипнотизированным ложными чудесами оккультизма.

В главе 17 Откровения Св. Иоанна Богослова снова упоминается Вавилон: *«И увидел я жену, сидящую на звере багряном, преисполненную именами богохульными... На челе её написано имя: тайна, Вавилон великий, мать блудницам и мерзостям земным... Я видел, что жена упоена была кровию святых и кровию свидетелей Иисусовых».*

Вавилон возвращается. Все четыре столпа древнего Вавилона сооружаются на наших глазах, и он завоёвывает одну позицию за другой. Создание Евросоюза как предтечи Нового Мирового Порядка является исполнением пророчества о восстановлении римского царства. Европейский Союз — это и есть возрождающаяся Римская империя — главная, она же конечная цель проекта «Вавилон-2» — духовная, конкретно — легализация сатанизма на государственном уровне под контролем международных структур.

У современного человека есть только один ключ для раскрытия смысла происходящих сегодня исторических собы-

тий. И этот ключ, переданный свыше, — вечное слово Божие. Со вниманием, трезвением и рассудительностью отнесёмся с пасторскому слову современных богословов.

Господь дает возможность раскрыться злу до конца. Прежде последней жатвы должны созреть плевелы, не только пшеница. Мы по житейскому опыту знаем, что сорняки растут быстрее и быстрее набирают силу, чем полезные растения. Попуская наступление зла, чтобы обозначить бездну падения, угрожающую человечеству, Господь ставит нас перед выбором — между кажущимся благополучием и безопасностью и необходимостью начать новую жизнь со Христом, в верности Ему и Церкви Его, чего бы нам это ни стоило.

Господь все посылает ради нашего блага, и все, что происходит в мире, должно напоминать об этой тайне. Зло все более возрастает в мире и будет возрастать. Однако заблужденные думают, будто это освобождает нас от главного выбора и делает этот выбор как бы независящим от нас.

Известны слова святителя Игнатия Брянчанинова: «Не пытайтесь остановить происходящее своей немощной рукой. Отступление попущено». Здесь не идет речи о беззаботной вере в Промысел Божий. Иметь чувство ответственности за будущее — значит делать все от нас зависящее, руководствуясь принципами Евангелия. Это значит отказаться от нового фатализма, от сознания бессилия перед господством зла.

Чем больше удаляется человечество от Бога, тем ближе к верным Господь. Зло достигает своего последнего предела, обрушиваясь на мир. Все нравственные нормы опрокинуты, растление наполнило землю, но там, где распад уже кажется необратимым, открывается в Пришествии Христовом совершенное торжество добра над злом.

Как говорит Иоанн Златоуст, Бог попускает злу раскрыться до последнего предела, чтобы дать проявить свободу всякому разумному существу, чтобы испытать нашу верность Ему в самых отчаянных обстоятельствах. И чтобы потом Бог явил Свою всепобеждающую силу и могущество. Он дал нам не только законы жизни, но и силы их исполнять.

КОНЦЛАГЕРЬ ДЛЯ ВСЕХ

Федеральная миграционная служба решила в очередной раз осчастливить всё население страны. Она объявила о завершении доработки закона об электронном паспорте с чипом, в котором заложено право изменения пола. Этот паспорт обязаны будут принять **все граждане**, даже новорожденные дети — сначала пластиковую карту с чипом, а вскоре и сам чип якобы через прививку от какого-нибудь полиомелита. Государственные стандарты для данной процедуры уже приняты в 2012 году.

Все ранние заявления высокопоставленных персон о том, что старый паспорт будет сохранен, отменены. С 2016 года всем будет гарантирована УЭК с чипом. Без нее человек не будет иметь никаких прав, в том числе и гражданства.

Теперь стало ясно, для чего десятилетие назад вводили графу «личный код» в российский паспорт, ИНН, СНИЛС и базовый регистр на всех граждан. Ради одной цели — тотальной чипизации и контроля над гражданами, странами, населением планеты. Финальный акт этой драмы мы видим сейчас. Личный

СУММА ТЕХНОЛОГИЙ

код, личный идентификатор, выставленные на страницах кошунственного российского паспорта, теперь оборачиваются личным чипом.

Вместо того, чтобы признать полный провал миграционной политики, ведомство придумывает нам тотальную чипизацию. Апокалиптические предсказания двухтысячелетней давности его чиновникам явно не уразуметь. А над безразличием и терпением людей они просто смеются.

Деятели из ФМС упорно не хотели видеть прошедшего «круглого стола» против электронного рабства в Госдуме, массовых митингов и протестов по всей стране, массового отказа от УЭК, акции по сбору 100 тысяч подписей за сохранение традиционных документов. Или наоборот, видя их, очень торопились.

Но чиновным властям, видимо, невозможно понять, что они не людям электронную могилу копают, они себе электронную петлю мылят, а точнее говоря, электронную систему самоуничтожения общества и государства. И уж совсем до них не может дойти, что более 2000 тысяч лет, даже в условиях диких гонений, в христианских общинах преобладал концепт Божеского происхождения власти. За исключением грядущих последних времен, когда партия зверя воздвигнет над миром античеловека. В эти последние времена власть будет не от Бога, а от его антипода. И добиваться повиновения она будет невообразимой диктатурой — сразу после тотальной чипизации. Даже и закоренелые атеисты теперь стали замечать совпадение пророчеств.

На повиновение людей античеловеческим властям в таких условиях рассчитывать не приходится. Будет резкий всплеск пассионарной активности людей в России. И никому из правителей, замазанных по уши электронными игрищами, с этой энергетикой не удастся совладать. И придется им бежать к своим покровителям на Запад.

А нам же, простым гражданам, надо обличать власти в их безнравственности и абсурдности поступков, пока они безвозвратно не сломали все рубежи морали и человечности. И разорвать сети этого электронного рабства.

На воротах Освенцима была надпись: «Оставь надежду всяк сюда входящий». На воротах электронного российского концлагеря уже выбиты начертания пострашнее. Эти ворота уже поставлены. И скоро мы все можем оказаться в бесконечной электронной очереди к ним.

РУСИНЫ

Есть на свете народы, которые на протяжении всей своей истории претерпевают бесчисленные и кажущиеся бесконечными страдания и притеснения от алчных и беспокойных соседей или снедаемых завистью и ненавистью братьев. Прочие соседи и братья, хоть и вмешиваются порой, возмущённые несправедливостью и жестокостью, но большей частью предпочитают оставаться в положении любопытных, а то и равнодушных зрителей.

Сколько слышим мы сегодня о так называемом голодоморе, учинённом якобы злыми москалями ради не имеющего никакого смысла истребления «великого украинского народа»! Однако, приходя в умиление от этих беспримерных страданий, украинские СМИ с иезуитской расчётливостью ни словом не поминают о том, что довелось претерпеть от «мазепинцев» (одержимых москвофобией малороссов) угроруссам или русинам, населяющим Подкарпатскую Русь. Что ж, это в очередной раз подтверждает, что разговоры о «голодоморе» являются не попыткой восстановить историческую справедливость и не желанием обрести затерявшуюся в хаосе времён прав-

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

ду, но стремлением во что бы то ни стало расколоть окончательно русский мир, разобщить славянские народы с целью бесспоротно обескровить Россию. Говорить же при этом о неразборчивости в средствах представляется и вовсе смешным — настолько стало общепринятым в этих самых средствах не разбираться. И вот за трескотнёй и сотрясанием воздуха остаётся сокрытой и замалчиваемой настоящая трагедия, подлинные страдания.

Оказавшиеся в XVI столетии под гнётом Австрии русины — эта ветвь русского народа, получившая своё прозвание уже от австрийцев — если и не подвергались всегда прямому физическому уничтожению, то уж во всяком случае, на многие годы оказались в условиях выживания. Галицкие газеты конца XIX — начала XX в. так и пестрят сообщениями об истязаниях русинов. Вот учитель из поляков забивает до смерти мальчика за нежелание читать по-польски «Отче Наш». Вот ксёндз расточает пощёчины тем, кто молится по-русски. А вот народный учитель вырывает клоч волос у шестилетнего мальчика за плохо прочитанный текст на польском языке. И вытворяют всё это не башибузуки над сербами или болгарами, но подданные Австро-Венгрии над другими её подданными — русинами.

Свод австрийских законов от 1867 г. подразумевал признание равноправными всех языков, распространённых в империи: «Все племена населения государства равноправны и каждое племя имеет неотъемлемое право беречь и развивать свою национальность и свой язык. Государство признаёт все употребляемые в крае языки равноправными в школе, управлении и общественной жизни». Однако министр внутренних дел, а впоследствии глава кабинета министров Австрии барон Бинерт не раз выказывал свою неприязнь и враждебность по отношению к русскому языку и открыто призывал подавлять его распространение. И вот в 1910 г. появился циркуляр Министерства внутренних дел, запрещающий гражданам Австро-Венгрии называть родным языком русский.

Австро-Венгрия, подобно гоголевской Коробочке, объявила своим подданным: «Нет такого языка!» И русский язык, на котором говорили в Империи 4 миллиона человек, не был признан краевым и таким образом был исключён не только из системы образования, но и из государственного делопроизводства.

Немедленно затем стали закрываться школы, в которых обучали русскому языку. Русины, не скрывающие своего происхождения, не принимались в учебные заведения или же изгонялись из них. У крестьян отбирали книги, в дерев-

нях запрещали петь русские песни, а использование отчества расценивалось как признак неблагонадёжности.

А между тем никакой из законов Австро-Венгрии не говорил о том, что принадлежность гражданина к той или иной национальности и выбор гражданином языка в качестве родного определяет государство. Не было закона, который запрещал бы говорить на том или ином языке. Конечно, ни у одного из народов, проживавших на территории империи, не было по соседству такого могущественного собрата, как у русинов. И австрийские власти, опасаясь влияния и вмешательства России, уж и русский язык сочли — пользуясь современной терминологией — угрозой своей национальной безопасности. Русины (как, впрочем, и сегодня), упорно не желавшие отказываться ни от языка своего, ни от веры — другими словами, от того, на чём основывалось их национальное самостояние, — стали заложниками политического противоборства империй, с одной стороны, и притязаний «мазепинцев», с другой. Последние, оторвавшиеся от России да так и не ставшие ни поляками или мадярами, ни католиками в полном смысле этого слова, являлись выразителями «всеукраинской идеи», в основе которой — признание малороссов самостоятельным, ничем не связанным с русскими народом и принадлежность к греко-католической или православной, но непременно автокефальной, церкви. Другими словами — отмежевание от России и Москвы всеми возможными способами. Кстати, нынешняя ситуация на Украине не представляет собой ничего нового или оригинального. Политтехнологи Австро-Венгрии были нисколько не глупее заокеанских, которые лишь используют опыт и наработки своих европейских коллег прошлого столетия.

«Всеукраинская идея» представляла собой не что иное, как нежелание отречься от Киева и наследия святого Владимира, дабы не утратить корни, собственную историю и самоидентификацию. А Россию, чтобы не иметь с ней ничего общего, проще всего объявить воровкой — мы-то, дескать, знаем, «кто мы и откуда пришли», а вот Россия пусть сама разбирается со своим сомнительным происхождением. Но в то же самое время «всеукраинская идея» — это непреодолимая тяга к «цивилизованному» католическому Западу, но тяга с оглядкой, сопровождаемая отчего-то лютой ненавистью к России и русофилам.

В 1909 г. во Львове прошёл так называемый всеукраинский съезд. Именно тогда Австро-Венгрия и Ватикан занялись измышлением новой идеологии, истории и даже этнографии для малороссов. И всё для того, чтобы с полным осно-

ванием и как можно полнее отторгнуть от России юго-западные области, объявив их национально независимыми, ничем с Россией не связанными и до времени угнетавшимися. Между тем ни Галицкая, ни Подкарпатская Русь никогда не были частью Украины. Но чтобы связать Галицию, Малороссию и Угорскую Русь одной идеей, распространилось довольно бессмысленное для галичан и угрорусов название «украинцы», отвергнутое, к слову, простым народом, заявившим: «Мы ничего не украли!» Глух и большей частью равнодушен оставался простой народ и ко «всеукраинским идеям». А если и поддавался москвофобским настроениям, если и вовлекался в антирусское движение, то не иначе как посредством обмана. Так, например, прикарпатских крестьян обманом втягивали в униатскую церковь, уверяя, что они продолжают оставаться православными. Тех же, кто, обнаружив обман, пытался вернуться в лоно Православия, подвергали настоящим издевательствам: под разными надуманными предлогами арестовывали и держали в тюрьмах, облагали незаконными штрафами, обвиняли в государственной измене и прочее в том же роде.

Планомерно и последовательно европейское государство добивалось уничтожения неудобного народа. Лишение возможности говорить на родном языке, исповедовать веру отцов — другими словами, пользоваться элементарными гражданскими правами, предусмотренными законами Империи, — это далеко не всё, чем могла «осчастливить» Австро-Венгрия русинов.

Насаждение домов терпимости, умышленное доведение крестьян до нищеты посредством надуманных штрафов и солдатских постоев, поощрение эмигрантских компаний, вербовавших мужчин в чернорабочие в Америку, а после объявления России войны — аресты и подлинное глумление.

В первые же дни войны близ Граца специально для русинов был создан концентрационный лагерь Талергоф. Едва ли стоит приводить примеры бесчинств и зверств, имевших место в его застенках. Одно стоит сказать: Талергоф не просто не уступал печально известным концентрационным лагерям Второй мировой войны, но в чём-то, пожалуй, и превосходил их. Так, например, первая партия русинов, пригнанных в Талергоф в сентябре 1914 г., до зимы 1915 г. размещалась на сырой земле под открытым небом — в лагере не было барачков. Голод, болезни, пытки... Но не так возмущает, не так поражает рассудок бездушие и бессердечие австрийцев, как тупая, сладострастная жестокость «мазепинцев», служивших в Талергофе охранниками и палачами.

Один из талергофских узников Н. Марко писал впоследствии: «Жутко и больно вспоминать о том тяжёлом периоде близкой ещё истории нашего народа, когда родной брат, вышедший из одних бытовых и этнографических условий, без содрогания души становился не только всецело на стороне физических мучителей своего народа, но даже больше — требовал этих мучений, настаивал на них. Прикарпатские «украинцы» были одними из главных виновников нашей народной мартирологии».

По самым приблизительным подсчётам, в лагере Талергоф в период с 4 сентября 1914 г. по 10 мая 1917 г. сгинуло 60 000 русинов.

Но прежде чем отправить арестованных в Талергоф, австрийские власти не могли отказать себе ещё в одном удовольствии. Газета «Прикарпатская Русь» живописует, как закованных в кандалы русинов, среди которых были женщины, дети, старики, священники, нарочно водили по улицам городов, позволяя толпе издеваться над беднягами. Причиной ареста русинов всегда называлось «русофильство». То есть за одну только симпатию к русскому образу жизни и мысли русинов бросали в тюрьмы, отправляли в концентрационный лагерь, отдавали на растерзание толпы. А толпа, состоявшая из «мазепинцев», евреев, поляков, набрасывалась на арестованных, в буквальном смысле слова побивая камнями и оплёвывая. Уж если нельзя дотянуться до России, то хотя бы пнуть её верных и беззащитных сыновей и дочерей! Эту маленькую радость, это проявление беспримерного благородства власти «цивилизованной» Австрии позволяли и себе, и черни, наводнявшей города империи.

Бывали случаи, когда побои толпы заканчивались смертью несчастных. Наиболее же активно и злобно и здесь проявляли себя именно «мазепинцы». Доходило до того, что даже польские газеты стали возмущаться жестокостями, чинимыми на улицах городов, и требовать у власти наведения порядка и прекращения бесчеловечных расправ на глазах у горожан. На что, впрочем, австрийские власти отвечали всякий раз благоразумным молчанием.

В отличие от польских, газеты «украинские» призывали вешать всех русофилов, а это, в первую очередь, были русины. Так, например, «Газета вечорна» писала: «Всех русофилов следует предать суду! Всех их следует перевешать!» Когда же призывы воплощались в жизнь, те же самые газеты с неподдельной радостью и смакованием живописали о расправах над русинами.

Очевидно, физическая расправа в период войны с Росси-

ей оказалась наиболее приемлемой и дешёвой формой искоренения вредного русофильства, так что банальные аресты, к вящей радости «мазепинцев», австрийские власти заменили расстрелом. После первых же побед русской армии, верноподданные Австро-Венгрии и вовсе потеряли контроль над собой. Газета «Прикарпатская Русь» привела свидетельства очевидцев: «...Австрийцы, отступая под натиском русской армии, просто метили свой путь повешенными крестьянами». Жгли и грабили дома, насиловали поголовно женщин, увечили, вешали, расстреливали. «Так прощалась Австрия со своими подданными», — писал профессор П. Е. Казанский.

Но и с распадом Австро-Венгрии мытарства русинов не прекратились. России было в ту пору не до русинов, и по Сен-Жерменскому мирному договору, подписанному в 1919 г., Подкарпатская Русь вошла в состав Чехословацкой республики. Но ни обещанного самоуправления, ни собственного законодательного сейма, ни ответственного перед сеймом правительства русины так и не увидели. Зато часть Подкарпатской Руси отошла Словакии. На территории же остальной части, точно в насмешку, был введён запрет на русский язык и запущена искусственная украинизация. Но русины выстояли и в этой схватке, добившись в 1938 г. провозглашения автономии.

Увы! Не прошло и месяца, как, в результате переворота, во главе правительства оказался ставленник гитлеровской Германии Августин Волошин. Подкарпатская Русь немедленно была переименована в Карпатскую Украину, что означало воскрешение духа «всеукраинского съезда», проходившего в 1909 г. во Львове. Но мечтам этим не суждено было осуществиться — в 1939 г. Подкарпатскую Русь оккупировала Венгрия, с какой-то жадностью бросившаяся уничтожать всё, что напоминало о России — русский язык в который раз оказался под запретом, русские школы закрывались, русские библиотеки горели, памятники русским деятелям уничтожались. Для самих русинов был создан концентрационный лагерь в Рахове, где охранниками и палачами служили... «мазепинцы».

После окончания Второй мировой войны Подкарпатская Русь оказалась в составе УССР. И надежды на избавление от морока под названием «украинизация» рухнули. Русинов записали украинцами и обязали учить украинский язык. Когда же Советский Союз распался, большинство русинов высказалось за автономию в составе Украины. В ответ правительством этой страны был принят «План мероприятий по

решению проблемы украинцев-русинов». Вот отрывок из этого Плана: «...Создать учебники и произведения, интерпретирующие историю украинцев-русинов Закарпатья как неотъемлемую часть истории украинского этноса. ...Расширить подачу в СМИ материалов по Закарпатью, акцентирующих внимание на том, что этот регион является исконно украинской территорией, а местные украинцы — неотъемлемая часть украинской нации...»

Можно много говорить о так называемых сталинских зверствах в тюрьмах и лагерях, мотивируя интерес к теме «исторической правды». Но правда не бывает односторонней. И те, кто бросает сегодня обвинения в «голодоморе», «оккупации» и прочих нелепостях, должны и сами дать ответ если не в организации, то уж во всяком случае, в участии в чудовищных по жестокости и масштабу преступлениях против народа, волею истории оторванного от большой семьи, но никогда этой семье не забывавшего и ни разу её не предавшего!

Возможно, «державный» обыватель конца XIX — начала XX в. так же мало знал о своих собратях, принимающих муки за родной язык и отцовскую веру где-то на окраинах соседней империи, как и сегодняшний российский обыватель мало знает о русинах, по-прежнему зажатых в кольцо москвофобии и по-прежнему верно берегущих язык и веру и не отрекающихся от самоё себя ради неясных, щекочущих тщеславие иллюзий. Тех самых русинов, что не дают, подобно огромному числу малороссов, обмануть себя. И, возможно, не вполне осознанно в массе, но здоровым национальным инстинктом понимают, что переписывание истории в пользу идеологических вымыслов, переоценка героев, гонение подлинного исторического языка и замена его измышленным жаргоном, сфабрикованным из кусочков, из разноречивых слов, — всё это только утверждает неполноценность, всё это неизбежно превращает народ в массу злобных, не помнящих родства существ.